

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник IV

1310277

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1971

О НУЛЕВОЙ МОРФЕМЕ В ФЛЕКТИВНЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ

И. П. Иванова

О нулевой морфеме писал еще Бодуэн, сопоставляя ее с выраженным морфемами. Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и другие отечественные лингвисты говорят о нулевой морфеме на фоне выраженной парадигмы. На материале неславянских языков понятие нулевой морфемы введено в лингвистический обиход структуралистами, хотя, как указывает Л. Блумфильд, им пользовались для описания языка еще авторы индийских грамматик.¹ Блумфильд употребляет термин «нулевой признак» (*zero-feature*); наряду с этим находим термин «нулевая морфема»,² «нулевой аффикс»,³ «нулевое окончание».⁴ Блумфильд называет понятие нулевого признака несколько искусственным приемом.⁵ Внешняя стройность описания, создаваемая этим понятием, обеспечила ему широкое употребление, которое, однако, не совпадает у различных авторов.

Так, С. Сапорта⁶ приводит два условия, постулируемые В. Хаасом⁷ для нуля: 1) нуль должен чередоваться с эксплицитной формой, 2) нуль должен ей противопоставляться. Правда, он считает возможным несколько смягчить условия, сняв одно из требований. В конце концов, однако, критерии нуля остаются неясными.

В отечественной лингвистике мы находим определение нулевого аффикса у А. А. Реформатского как отсутствие аффикса в одной форме парадигмы при наличии аффиксов в других формах той же парадигмы.⁸ Следовательно, он рассматривает нуль на фоне всей парадигмы. Такое понимание нуля представляется бесспорным для языков, имеющих развитую парадигму, как, например, для русского.

У лингвистов, опирающихся на материал аналитического языка, в частности английского, трактовка нуля оказывается

неоднозначной. Многие считают нулем любое отсутствие словоизменительного форманта. Так, согласно А. И. Смирницкому, в английском языке широко распространена нулевая аффиксация.⁹ Для нулевого суффикса в английском характерна омонимия. Нулевой суффикс отмечается в формах глагола (*I love—he loves*),¹⁰ в единственном числе существительного¹¹ и даже в положительной степени прилагательного.¹² С. Сапорта, напротив, сомневается в том, что единственное число существительных в английском обладает нулевым суффиксом, и категорически возражает против нуля в положительной степени прилагательных.¹³ Интересно отметить расхождения и сомнения, связанные с трактовкой множественного числа существительного *sheep*. Одни лингвисты без всякой дискуссии считают, что здесь нулевой аффикс.¹⁴ А. И. Смирницкий говорит об омонимии двух форм.¹⁵ С. Сапорта указывает на то, что форма множественного числа не противопоставлена эксплицитной суффигированной форме того же существительного.¹⁶

Следует отметить, что некоторые лингвисты осторожно относятся к использованию понятия нулевого аффикса. Так, Блумфильд, как указано выше, называет это понятие искусственным приемом;¹⁷ Х. А. Глисон предостерегает против слишком серьезного отношения к нулю.¹⁸ А. А. Кривицкий считает это понятие вообще ненужным.¹⁹

Не входя в оценку различных пониманий нуля, необходимо, однако, уточнить некоторые принципиальные моменты.

Одна проблема, связанная со «слишком серьезным» отношением к понятию нуля, иллюстрируется одним высказыванием С. Сапорта. Утверждая вполне справедливо, как представляется автору данной статьи, что такие наречия, как *fast*, *slow*, не имеют нулевой морфемы, С. Сапорта добавляет, что они мономорфемны.²⁰ В этом случае позволительно спросить, какова морфемная структура тех форм, где постулируется нулевой аффикс? Интересно отметить, что в тех случаях, где данный лингвист не находит нужным постулировать нуль, прямо говорится об их одноморфемности.²¹ Отсюда, видимо, имплицитно вытекает понимание форм с нулем как двухморфемных. Однако автору данной статьи не удалось найти высказываний, где бы формы типа *book*, *I love*, *long* откровенно рассматривались как двухморфемные. Даже в работе, где автор настолько буквально понимает нулевой аффикс, что постулирует наличие двух нулей и рассматривает вопрос линейности или нелинейности их расположения, приводимые формы не названы трехморфемными,²² хотя такое понимание неизбежно вытекает из подсчета наличествующих нулей.

Вторая проблема касается правомерности выделения нулевой морфемы в любом языке, независимо от его грамматического строя и самое главное — от общих принципов структуры слова в данном языке.

В флексивных языках нулевая морфема четко стоит в одном ряду с морфемами, имеющими звуковое выражение: *стена, стены, стен*. Здесь нулевая морфема наряду с выраженными морфемами несет структурную функцию. Это происходит потому, что флексия является необходимой структурной частью слова и при ее изъятии остается основа, не равная слову.²³ Флексия, таким образом, входит в ткань слова, которое без нее просто не существует как таковое: здесь понятие нуля вполне правомерно лишь с той оговоркой, что нуль не делает слово двухморфемным.

Даже в таких словах, как *стол — стола*, где, казалось бы, основа совпадает со словом, все же следует признать наличие нуля. Прежде всего во всех других формах изменяется звучание: *стол-а*. Следовательно, мы имеем дело с двумя вариантами основы внутри одной парадигмы; в то время как *стол* совпадает с основой в ее полном звучании, такого совпадения нет в остальных формах. Здесь именно нулевая флексия является необходимым условием полного звучания корневого гласного.

Если, наконец, перейти к таким случаям, как *волк — волк-а*, то здесь флексия может быть удалена без нарушения структуры слова. Исчезнет грамматическое значение того или иного косвенного падежа, но слово останется: оно равно основе. Однако поскольку это только частный случай одной из парадигм, его, видимо, следует рассматривать на фоне всей системы, поэтому в форме *волк* следует признать наличие нулевой флексии.

То же самое положение мы находим в древних германских языках. Так, нулевая флексия четко прослеживается в древневерхненемецком.²⁴ В древнеанглийском нулевая флексия также сигнализирует падежную форму у существительного: *ga:d* — им. падеж ед. ч. ж. р. на *ð* у долгосложных; краткосложные на *ð* вообще нулевых форм не имеют (*sagu*). Такое же положение находим в прилагательных. Глаголы нулевых форм вообще не имеют, за исключением 1-го и 3-го л. ед. ч. прош. вр., сильных глаголов (*wga:t*), где, однако, есть внутренняя флексия.

Хотя в древнеанглийском уже достаточно часто встречается совпадение основы и слова (*sta:n*), все же слово сохраняет структурные черты, свойственные всем флексивным древнегерманским языкам.

Совершенно другое положение мы находим в современном английском языке. Характерной чертой структуры слова является совпадение с основой, т. е. нулевые формы. Все словоизменительные аффиксы прибавляются к этой основе-слову, а не чередуются в словоформах как в языках флексивных. На фоне крайней бедности морфологического аппарата формы без окончаний оказываются превалирующими и структурно законченными. То, что называют нулевой флексией, или нулевой морфемой, не является структурным элементом слова, выделяемым на фоне других, структурно необходимых элементов: все слово-

изменительные форманты как бы надстраиваются извне на полную, структурно завершенную, самодовлеющую форму слова (существительное boy-s, глагол talk-s, -ing, -ed). Они как бы приплюсовываются к отрезку (слову-основе), способному функционировать как с ними, так и без них. Словоизменительные форманты выражают те или иные грамматические значения, но они совершенно утратили функцию структурно необходимых элементов, без которых слово не являлось бы словом. В структурном плане, таким образом, они оказываются прибавочными, «надстроенными» элементами.

Это функциональное структурное отличие нулевого окончания в языках флексивных и аналитических представляется весьма существенным не только в отношении общей характеристики строя языка при его описании, но еще и потому, что оно, по-видимому, явилось причиной ряда особых черт, развившихся в английском именно тогда, когда словоизменительные форманты утратили свою прежнюю структурную функцию и стали прибавочными элементами. Изменяется валентность словоизменительных аффиксов, поскольку они прибавляются к структурно завершенным единицам. Вряд ли нужно подробно останавливаться на возникшей возможности образовывать омонимичные лексемы другой части речи, т. е. конверсии. Прибавочный характер словоизменительных аффиксов создает возможность оформлять и более крупные законченные единицы, а именно словосочетания, как *The Prime Minister of England's residence*; *John and Paul's room* и т. п. Случаи подобного рода вызывают обоснованные сомнения в существовании категории падежа в английском.²⁵ Однако наряду с указанными примерами встречается и оформление словосочетаний и даже предложений формантом множественного числа: *good-for-nothings*; *whisky-and-sodas*; *women who Dids*²⁶ и т. д., а также окказиональные глагольные образования: *she neither sir'd nor my-lorded him*.²⁷ Всё эти возможности — результат прибавочного характера словоизменительных формантов. Представляется поэтому, что сходство нулевой морфемы, функционирующей на равных началах с «встроенным», структурно-необходимыми аффиксами и так называемой нулевой морфемой на фоне прибавочных, «надстроенных» формантов, является чисто внешним. Во втором случае мы находим основную форму, совпадающую со свободно функционирующим в языке словом, и понятие нуля здесь приводит к смешиванию различных явлений. Терминологически эту форму можно назвать «базовой» или «бесфлексийной», условно понимая под термином «флексия» любой внешний словоизменительный формант. Видимо, вместо «нулевого аффикса» было бы лучше говорить об отсутствии аффикса, но старый термин широко распространен. Разумеется, дело здесь не в термине, а в том, чтобы четко различать эти совершенно неодинаковые типы.

- 1 См.: И. А. Бодуэн де Куртэн. Введение в языковедение. Изд. 5-е. Пг., 1917, стр. 179—181; Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 137—138; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935, стр. 15; L. Bloomfield. Language. N. Y., 1964, р. 202.
- 2 Грамматика русского языка, т. 1. М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 11.
- 3 А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1957, стр. 269.
- 4 К. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. Изд. МГУ, 1908; Н. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1954, стр. 74, и др.
- 5 L. Bloomfield. Language, р. 209.
- 6 S. Saporta. Proceedings of the 9-th International Congress of Linguists. Cambr., Mass., 1962, pp. 228—231.
- 7 W. Haas. Zero in Linguistic Description. Studies in Linguistic Analysis. Oxford, 1957.
- 8 А. А. Реформатский. Введение в языкознание, стр. 269.
- 9 А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 20, § 9.
- 10 Там же.
- 11 Там же, § 10; см. также: B. A. Illyish. The Structure of Modern English. Moscow — Leningrad, 1965, р. 23.
- 12 А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, § 11, стр. 21—22; B. Strang. Modern English Structure. London, 1965, р. 118.
- 13 S. Saporta. Proceedings of the 9-th International Congress of Linguists, p. 228.
- 14 L. Bloomfield. Language; H. A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics. N. Y., 1960.
- 15 А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, стр. 122.
- 16 S. Saporta. Proceedings of the 9-th International Congress of Linguistics, p. 229.
- 17 L. Bloomfield. Language, p. 202.
- 18 H. A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics, p. 76, § 623.
- 19 А. А. Кривицкий. Значение и обозначение в морфемах. В кн.: Тезисы докладов к симпозиуму по проблеме. Методы различения и отождествления единиц языка. Минск, 1964.
- 20 S. Saporta. Proceedings of the 9-th International Congress to Descriptive Linguistics, pp. 229—230.
- 21 Там же; А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 50 (по поводу *teach*-).
- 22 В. В. Пассек. Омонимия словоизменительных суффиксов (окончаний) в английском языке. ВЯ, 1960, № 5. — Анализируя тем же методом глагольную форму (*I love*), следует, очевидно, выделять нули: времени, лица, числа, вида, наклонения, залога — всего шесть нулей.
- 23 И. П. Иванова. О словореализующей функции аффиксальных морфем в английском языке. Сб. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, вып. 2. Л., 1969.
- 24 Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Историческая морфология немецкого языка. Л., 1968, стр. 62—63.
- 25 В. А. Illyish. The Structure of Modern English, pp. 44—50; Р. В. Ежкова. К проблеме падежа существительных в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1962.
- 26 Примеры взяты из книги: O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles, pt. II, vol. I, 2. 47—2. 57, pp. 30—35.
- 27 Там же, pt. VI, ch. 6, 8. London — Copenh., 1954.

Summary

The zero-morpheme in inflectional languages functions as member of a paradigm where overt inflexions are a necessary structural part of the body of the word. In Modern English the inflexions are added to a stem ("basic form") identical with the word; they are a sort of superstructure to a complete unit. This alters their structural functions: they may be added to units larger than one word (The Prime Minister of England's residence). The morphemic status of stems with zero-forms is discussed; to the author's knowledge, no one explicitly assigns stems like "book" to the polymorphemic type.

К ВОПРОСУ О СУФФИКСЕ КАК СТРУКТУРНОЙ ЕДИНИЦЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. А. Потапова

Как известно, производное слово имеет сложную морфологическую структуру и состоит не менее чем из двух морфем — основы и аффикса (префикса или суффикса). Основа может оставаться постоянным элементом, тогда как аффиксы подвижны (пегве, nervous, nervine, nerveless, пегву, иппегве, iппегве).

Каждая из морфем в составе слова входит в морфологическую структуру слова и представляет структурную единицу. Выделение морфем в слове происходит в сопоставительном ряду, например: chromium, chrome, chromic, chromate (основа chrom-); phosphorus, phosphorous, phosphoric, phosphorism (основа phosphor-).

Составляющие слово морфемы имеют свои определенные функции. Одной из них является участие в словообразовательном процессе и образование новых лексических единиц. Это и послужило основой для определения такой морфемы, как аффиксы, которые рассматриваются в основном как морфемы, способные давать новые образования.¹ Между тем словообразовательная функция относится к вертикальному, или диахроническому плану и с этой позиции аффиксы обычно и подвергаются анализу. Наряду с ней в линейном или синтагматическом плане морфемы обладают другими функциями, причем функциональная нагрузка на морфемы распределяется неравномерно: основа является семантическим центром и, таким образом, обладает семантической функцией. Эту же функцию выполняют и префикс, и суффикс, составляя часть лексического значения слова. Префиксы и суффиксы структурно оформляют слово и

тем самым выполняют структурную функцию. Суффикс, кроме того, несет еще грамматическую функцию и относит слово к определенному лексико-грамматическому разряду. Семантическая функция суффикса состоит в том, что оформленное слово принадлежит к определенной семантической группе или классу слов (например, суффикс *-er* — сущ. со значением 'деятель'; *-ism*, *-су*, *-ation* — абстрактности; *-ism* — со значением 'учение', 'система воззрений'; *-су* — 'свойство', *-ation* — 'процесс' и т. п.).² Степень обобщенности значения, видимо, может быть различной и есть случаи несколько более конкретизированного значения, например суффикс *-itis*, который указывает не только на то, что данное слово является названием заболевания, но и на то, что это заболевание с воспалительным процессом (например, *laryngitis* — воспаление горлани); суффикс *-ose* в словах *fructose*, *lactose*, *maltose* указывает на сахаристое вещество, содержащееся или получаемое из чего-либо.

Вычленение морфем в линейном плане происходит независимо от того, как появилось это слово в языке, связаны ли морфемы данного слова словообразовательными отношениями или нет. Например, ср.: *Washingtonia*—*Washington* и *hysteria*—*hysteriс*; здесь вычленяется суффикс в сопоставительном ряду. Между тем слово *Washingtonia* представляет собой английское образование (*Washington* + *ia*), тогда как слово *hysteria* вошло в английский язык как готовая лексическая единица. Таким образом, в синтагматическом плане отношения между морфемами, так же как и функции морфем, иные и не связаны со словообразовательными.

Анализ морфемного строения существительных, собранных путем сплошной выборки из Краткого Оксфордского словаря,³ показал, что такие терминологические существительные, как *sensorium*, *actinium*, *sternum*, *plexus*, *tracheitis*, *alkaloid*, *anchylosis*, *lactose*, *pneumonia*, *atrapine*, *analysis*, имеют биморфемную структуру и состоят из двух структурных единиц — основы и суффикса; при этом суффикс вычленяется в сопоставительном ряду.

Рассматриваемые существительные имеют разную членимость. Наибольшее число полночленимых слов падает на существительные, оформленные суффиксами *-oid* — 25%, *-gium* — 41%, наименьшее — на *-is* — 1%, тогда как существительные на *-ia*, *-osis*, *-ose* совсем не дают полной членимости. Полная членимость распределяется следующим образом: существительные с суффиксом *-iasis* — 33%, *-us* — 16, *-ine* — 12, *-um* — 7, *-itis* — 3, *-ium* — 2%. Неполная членимость при изолированной основе обнаруживается у существительных с суффиксами *-ja*, *-is* — 63%, *-um* — 60, *-ine* — 58, *-us* — 58, *-ium* — 44, *-ose* — 43, *-agium* — 25, *-oid* — 24, *-iasis* — 16, *-itis* — 10%. Существительные неполночленимые со связанный основой составляют наибольшее количество — 32—86%.

Вычленение суффикса в основном происходит за счет неполной членности с выделением связанный основы:

<i>sanatorium</i>	<i>lympanitis</i>	<i>chlorine</i>	<i>albuminoid</i>
<i>sanative</i>	<i>lympanum</i>	<i>chloride</i>	<i>albuminous</i>
<i>anaemia</i>	<i>lympanic</i>	<i>chloric</i>	<i>albuminose</i>
<i>anaemic</i>	<i>alveolus</i>	<i>chlorate</i>	<i>cerebrum</i>
<i>analysis</i>	<i>alveolar</i>	<i>chlorous</i>	<i>cerebral</i>
<i>analyse</i>	<i>alveolate</i>	<i>chlorosis</i>	

Всего подверглось анализу 1096 существительных. Такое сравнительно небольшое количество слов объясняется их терминологическим характером и возможностями COD включать только часть терминов. Дальнейший просмотр специальных терминологических словарей, по-видимому, приведет к другим данным.

Существительные с одним и тем же суффиксом объединены семантически. Так, существительные, оформленные суффиксами *-arium/-arium*, обозначают какое-то вместилище — сосуд или помещение (например, *insectarium*, *scriptorium*); *-osis/-asis* — названия болезней (например, *helminthiasis*, *thrombosis*); *-itis* — названия воспалительных заболеваний (например, *laryngitis*). Среди существительных с суффиксом *-ia* выделяется группа слов — названий болезней, но основную часть составляют ботанические термины (названия растений) (*dahlia*, *fuchsia*, *camellia*, *acacia*);⁴ за пределами терминологии выделяется группа слов — географических названий (*Britannia*, *Oceania*, *Tuburnia*). Ботанические термины есть и среди существительных, оформленных суффиксами *-um* и *-us* (*amianthus*, *crocus*, *lotus*, *chrysanthemum*, *polygonum*). Однако основную группу этих существительных составляют анатомические термины (*humerus*, *plexus*, *sinus*, *mediastenum*, *cerebrum*, *duodenum*). Среди существительных с суффиксами *-oid* и *-is* нет какой-либо более или менее четкой группы. Суффикс *-oid* оформляет термины анатомические (*deltoïd*, *sigmoid*, *styloid*), химические (*amyloid*, *alkaloid*, *planitoid*) и другие; тем не менее характерной чертой этого суффикса является его семантическая наполненность: во всех случаях прослеживается значение 'подобие тому, что...', 'такой, который похож на...'. Существительные с суффиксом *-ium* составляют четкую семантическую группу — название химического элемента (*chromium*, *uranium*, *vanadium*, *zirconium*, *americanium* и др.), тем не менее есть и анатомические термины (*stomium*, *epigastrium* и др.). Существительные с суффиксом *-ose* в COD представлены небольшой группой, но довольно четкой по семантике — вещество, содержащееся в чем-либо: *keratose* — вещество, находящееся в рогах, *fructose* — сахар, содержащийся в плодах, *lactose* — сахар, имеющийся в молоке, *maltose* — сахаристое вещество, образующееся из крахмала, а так-

же вещество из органических веществ viscose, или вещество, получаемое из химически обработанной древесины. Суффикс -ine входит в состав существительных со значением лекарственных и химических веществ (bromine, naphtaline, iodine, caffeine, cocaine, atropine, glycerine и др.). Сюда же, видимо, относятся и названия искусственных пищевых продуктов (margarine, butterine). Есть и ботанические термины — названия растений (jasmine, celandine) и др.

Среди рассматриваемых суффиксов имеются варианты -arium/-orium со значением 'вместилище' и -osis/-iasis со значением 'заболевание'. Но, с одной стороны, наблюдается тождественность значения -osis/-iasis (например,ср.: elephantiasis — накожное заболевание, при котором кожа становится похожей на кожу слона, и ichtyosis — накожное заболевание, при котором кожа становится похожей на чешую рыбы; или: trichiniasis и trichinosis) и, с другой — есть случаи, когда при одной и той же основе слова отличаются по значению: sclerosis и scleriasis или trichosis и trichiasis.

Среди анализируемых слов можно отметить морфологические варианты согласно данным СОД, тождественные по значению, которые представлены суффиксальным и бессуффиксальным словом: rhombus—rhomb; palpus—palp; tophus—toph; choriambus—choriamb; amenitum—ament; tympanum—tympan, opusculum—opuscule; origanum—origan.⁵

Кроме того, отмечаются также слова-варианты: strychnia—strychnine, morphia—morphine, quinia—quinine.⁶

Суффиксы -ia, -ium, -ine имеют варианты произношения [iə, jə], [iə̄, jə̄], [i: n, aɪp, ɪp]. Однако только в отношении суффикса -ine удалось установить какую-то закономерную тенденцию. Так, слова-названия лекарственных и химических веществ в основном имеют произношение суффикса с долгим гласным [i: n] (первое произношение, приводимое в словаре Джоунза);⁷ тогда как слова со значением 'житель города или страны' произносятся обычно с дифтонгом в суффиксе [aɪn].

Таким образом, в терминологической лексике в линейном плане выделяются суффиксы существительных -arium/-orium, -ia, -ine, -is, -itis, -ium, -osis/-iasis, -oid, -ose, -um, -us как структурные единицы, которые имеют определенные функции: 1) структурную — оформляют слова структурно, 2) грамматическую — являются показателями грамматического значения,⁸ т. е. относят к разряду существительных, 3) семантическую — указывают на принадлежность слова к терминологии естественных наук.

Эти суффиксы представляют собою структурные единицы, функционирующие в языке в составе слова. Выделение их как самостоятельных единиц представляется правомерным на том основании, что они имеют свои определенные функции в линейном плане.

Структурные функции, видимо, не связаны с суффиксами словообразовательными, функционирующими в вертикальном плане. В пределах материала рассматриваемых существительных не выявляется какой-либо закономерной связи между словообразовательной ролью суффикса и его функционированием в составе слова. Так, суффиксы *-ine*, *-itis*, *-ose* выделяются некоторыми авторами⁹ как словообразовательные. Между тем существительные с суффиксом *-ose* не дают полной членности, а с суффиксами *-itis*, *-ine* — небольшой процент членности (*-itis* — 3%, *-ine* — 12%). Кроме того, обнаруживается значительное число неполночленных слов с изолированной основой среди существительных с суффиксами *-ine* — 58% и *-ose* — 43%. Наряду с этим существительное с выделяемыми здесь структурными суффиксами *-agium*, *-ogium*, *-iasis* обнаруживают большой процент полной членности (*-agium* — 41%, *-ogium* — 33, *-iasis* — 33%) и, кроме того, характеризуются семантической наполненностью. Существительные с выделяемыми здесь суффиксами *-ia*,¹⁰ *-osis* не дают полной членности, а с суффиксом *-ium* — 2%, однако оформляют существительные, составляющие определенные семантические группы. Существительные с суффиксом *-oid* дают сравнительно большой процент полной членности и, кроме того, отличаются четким значением суффикса. Спорным может представиться выделение структурных суффиксов существительных *-is*, *-it*, *-us* в связи с тем, что существительные, в составе которых эти суффиксы функционируют, обнаруживают небольшое число полной членности (10%, 7, 9%) и за ними не закреплено более конкретизированного значения. Однако эти суффиксы оформляют структурно именно терминологические существительные и являются показателями части речи и тем самым также выполняют функции структурного суффикса.

Таким образом, в современном английском языке наряду со словообразовательными суффиксами, являющимися строительным языковым материалом и функции которых — давать новые образования, есть структурные суффиксы, функционирующие в составе слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава английского языка. М., 1956; I. V. Arnold. The English Word. M., 1966; O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles, p. VI. London, 1948; H. Koziol. Handbuch der Englischen Wortbildungslehre. Heidelberg, 1937; H. Marchand. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. Wiesbaden, 1960.

² Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава английского языка. М., 1956, стр. 56.

³ H. W. Fowler and S. J. Fowler. The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1956 (в дальнейшем — COD).

⁴ Многие из названий растений образованы от основ имен собственных (например, *dahlia* — по имени шведского ботаника XVI в. Dahl; *fuchsia* — по

имени немецкого ботаника XVI в. Fuchs; *camellia* — по имени ботаника Kamel, и др.).

5 По данным OED (The Oxford English Dictionary, Oxford, 1953) бессуффиксальные слова более поздние: *rhombus* (1567) — *rhomb* (1578), *palpus* (1813) — *palp* (1835), *tophus* (1552) — *toph* (1555), *choriambus* (Lat. also used) — *choriamb* (1844); *amentum* (1771) — *ament* (1791), *tympanum* (1613) — *tympan* (1704), *opusculum* (Lat.) — *opuscle* (1656), *origanum* (1265) — *origan* (1420). Возможно, что в современном языке они и более употребительны. Однако это можно выяснить только путем специального исследования функционирования их в речи.

6 По данным OED, появление слов одной семантики, оформленных разными суффиксами, происходило почти одновременно: *strychnia* (1826) — *strychnine* (1819); *morphia* (1818) — *morphine* (1828), *quinia* (1826) — *quinine* (1826).

7 В США этот суффикс произносится [aiп, in] — См.: H. Galinsky. Die Sprache des Amerikaners. Heidelberg, 1948, S. 81.

8 Для существительных, оформленных суффиксами -ipe, -oid, -ose это осложняется тем, что есть омонимичные суффиксы прилагательных. При этом COD регистрирует 32% прилагательных с суффиксом -oid, 26 — с -ipe и 75% — с -ose (от общего числа). Суффиксы прилагательных -ipe и -ose выделяются Есперсоном (A Modern English Grammar of Historical Principles, pp. 366—367, 331), Коциолом (Handbuch der Englischen Wortbildungsllehre. S. 181, 182), Марчандом (The Categories and Types of Present-day English Word-Formation, pp. 241, 216).

9 Суффикс существительного -ine выделяется Есперсоном (A Modern English Grammar of Historical Principles, pt. VI, p. 367), Марчандом (The Categories and Types of Present-day English Word-Formation, p. 217), а также Н. Н. Недошивиной (Опыт морфологического членения основ. Сб. Вопросы языка и литературы, М., 1959). Суффикс -ose выделяется Есперсоном (стр. 331), он же приводит суффикс -itis и показывает его словообразовательную активность, особенно в английском языке США (стр. 446). Грэф приводит юмористические новообразования в английском языке США за пределами терминологии: *conventionitis*, *golfitid*, *headlinitis*, *motoritis*, *radioitis*, *sputnikitis* (G. Graf. Amerikanisches Englisch, Leipzig, 1964, S. 72).

10 Есперсон выделяет этот суффикс как в названиях стран, так и в терминах, патологических и ботанических. Однако он высказывает сомнение, можно ли считать его английским суффиксом; исключение составляет, по его мнению, -phobia, которое образовано от -phobe (A Modern English Grammar on Historical Principles, pt. VI, p. 223).

Summary

The synchronic analysis of the morphemic structure of terminological nouns has revealed that on the syntagmatic level it is possible to distinguish substantival suffixes which present a structural unit and together with the stem form a word. These suffixes have some specific features of their own — they organise the word structurally, display the grammatical meaning of the word and refer the word to a certain semantic group. The syntagmatic word analysis is not connected with derivation. Derivational suffixes and structural suffixes are units of two different levels. .

К ВОПРОСУ О КОНВЕРСАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРЕФИКСОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. М. Беляева

В современном английском языке основными приемами глагольного словообразования являются аффиксация и конверсия, которые связаны между собой и образуют единую систему отыменного и внутрглагольного словообразования. В то же время дублирование в самом процессе словоизводства избегается за счет того, что каждый из приемов имеет свою строго ограниченную сферу действия. Если конверсия и суффиксация используются для образования глаголов от именных основ, то префиксация действует только в сфере глагольных основ.

Как справедливо отмечает Н. Н. Амосова, «префиксы выполняют только и исключительно функцию перестройки лексического значения слова, и один и тот же префикс, как правило, может обслуживать разные части речи, тогда как суффиксы несут на себе *и* лексическое и грамматическое значение и распределяются между разными частями речи».¹ Это общепризнанное положение оговаривается прямо или косвенно, как только речь заходит о словообразовании английского языка, в котором, как считают многие исследователи, префиксы могут менять грамматическую природу основы, и особенно ярко это свойство они проявляют в системе глагола. Наиболее полно и последовательно эта точка зрения изложена в статье В. И. Шкарупина «О специфике префиксации в английском языке», где высказывается мысль о том, что характерной чертой аффиксации английского языка является «наличие префиксов, обладающих способностью создавать основы, относящиеся к другой части речи по сравнению с производящими основами».²

Ссылаясь на исследование В. И. Шкарупина, Е. С. Кубрякова пишет, что присоединение к основе префикса может менять принадлежность слова к определенной части речи, хотя в целом эта функция обычно выполняется суффиксами.³ Аналогичное высказывание можно найти в учебнике И. В. Арнольд «Лексикология современного английского языка».⁴ В зарубежной англистике эта точка зрения принята для всех префиксальных глаголов, образованных сочетанием префикса и именной основы. В частности, на нее ссылается Г. Марчанд в одной из своих работ по английскому словообразованию в разделе, посвященном префиксации.⁵

Приведенная выше теория звучит достаточно убедительно и в какой-то степени объясняет такие, не укладывающиеся в рамки префиксации структурные модели глаголов, как: *outnumber* 'превосходить числом', *belittle* 'умалить', *deplane* 'снимать, сходить с самолета', *dismember* 'расчленять', *unfrock* ' лишать духовного сана' и др., в которых производный глагол образован

сочетанием префикса и именной основы. Внешне в глаголах такой структуры префиксы действительно берут на себя функцию, закрепленную в языке за суффиксами, но это дублирование, как нам представляется, носит чисто внешний характер и никак не отражает самого существа словообразовательного процесса.

Непонятными и не раскрытыми при подобной трактовке остаются такие вопросы, как почему именно в английском и только в английском языке отдельные префиксы приобрели эту новую и не свойственную им в других языках функцию? В силу каких причин она появилась только у глагольных префиксов? И почему некоторые из конвертирующих префиксов проявляют свою конвертирующую функцию избирательно? Так, например, в производных *dishonest* 'бесчестный' (*honest* 'честный'), *dis-courtesy* 'невежливость' (*courtesy* 'вежливость'), *behest* 'приказание' (*hest* 'приказание'), *unfair* 'нечестный' (*fair* 'честный'), *unclean* 'неопрятный' (*clean* 'опрятный'), *outburst* 'взрыв' (*burst* 'взрыв', 'вспышка'), *outgrowth* 'отросток' (*growth* 'рост', 'развитие'), *denutrition* 'недостаточное питание' (*nutrition* 'питание') основа производного слова остается именной. В других производных с теми же префиксами она превращается в глагольную: *dismember* 'расчленять', ' лишать членства' (*member* 'член'), *disleaf* 'сбрасывать листья' (*leaf* 'лист'), *belittle* 'уменьшать' (*little* 'маленький'), *unbone* 'снимать мясо с костей' (*bone* 'кость'), *outdistance* 'обгонять' (*distance* 'расстояние'), *outsmart* 'перехитрить' (*smart* 'ловкий', 'продувной'), *defraud* 'обманывать' (*fraud* 'обман'), *defrock* 'расстричь' (*frock* 'ряса').

Какие же языковые факты подтверждают то, что во второй группе глаголов мы имеем дело с отыменными образованиями? Прежде всего их нельзя рассматривать как образования по конверсии, поскольку в английском языке нет существительных типа *dismember*, *disleaf* и т. д. Далее, в большинстве случаев основы, от которых образованы эти глаголы, существуют в языке только как именные, т. е. омонимичные им глагольные основы, которые могли бы быть образованы по конверсии, английскими словарями не регистрируются. И, наконец, для некоторых производных глаголов омонимичная именной глагольная основа не может считаться производящей по семантическому признаку. Так, например, глагол *unbone* 'снимать мясо с костей' не может быть производным синонимичного глагола *bone* 'снимать мясо с костей'.

Остаются глаголы, которые могут трактоваться двояко — и как производные от именной и как производные от глагольной основ. Так, например, глагол *unfrock* 'расстричь' в синхронном плане бывает производным именной основы *frock* 'ряса' в значении ' лишать признака, выраженного производящей основой' и производным глагольной основы *frock* в значении 'действия противоположного действию, выраженному производящей основой'.

вой'. Иногда, но далеко не всегда, способ образования глагола может быть установлен с помощью диахронного анализа. В данном случае глагол *unfrock*, очевидно, образован от именной основы, поскольку словари регистрируют его появление в 1644 году, а глагол *frock* появляется лишь в 1828 году. В тех же случаях, когда префиксированный и конвертированный глаголы образованы одновременно и семантически сопоставимы, способ их образования с полной достоверностью установить чрезвычайно трудно.

Приведенные выше примеры, казалось, должны были свидетельствовать о том, что префиксам *be-*, *un-*, *dis-*, *de-*, *ep-*, *out-* свойственна функция перестройки не только семантической, но и грамматической природы основы, т. е. в определенных условиях они могут принимать функцию, свойственную суффиксам, однако остается неясной причина их двойственного характера, проявляющегося в том, что одни основы они конвертируют и ведут себя как суффиксы, а в сочетании с другими основами эта функция никак не проявляется.

Объяснение этого явления вряд ли можно искать в специфике английской префиксации, так как в данном случае она входит в явное противоречие с системным характером словоизделия английского языка. В действительности глаголы этого структурного типа есть результат двух одновременно действующих словообразовательных процессов — префиксации и конверсии, при этом префикс меняет семантику, а конверсия — грамматическое значение производящей основы.

Такая трактовка словообразовательного процесса подтверждается не только диахронным, но и синхронным анализом глаголов этого типа. Из приведенных префиксов три являются по происхождению германскими и три были ассимилированы в составе слов, заимствованных из французского языка.

В древнеанглийском языке префиксы *be-*, *un-* широко употреблялись для производства глаголов от глагольных основ: *bewindan* 'обертывать' (*windan* 'крутить', 'катать'), *unfeaidan* 'расправлять', 'раскрывать' (*fealdan* 'складывать'). Кроме того, они могли использоваться в префиксально-суффиксальном образовании для производства глаголов от именных основ. В качестве основоформирующей морфемы обычно выступала флексия инфинитива слабых глаголов второго класса и реже — слабых глаголов первого класса, что, очевидно, полностью совпадает с общеязыковой тенденцией использовать в системе отыменного глагольного словоизделия модель слабых глаголов второго класса. Некоторые глаголы этой структуры являются явно деноминативными, так как соответствующие глагольные основы в языке не регистрируются.

Так, например, суффиксально-префиксальным способом в древнеанглийском языке образованы глаголы: *besfōtian* 'отрубить ноги' (*fōt* 'нога'), *beheafdian* 'отрубить голову' (*heafod* 'го-

лова'), *behūrap* 'нагромождать' (*hūre* 'груда'), *unhlidian* 'снимать крышку' (*hlid* 'крышка'). Эти префиксы обнаруживаются в словообразовательных рядах, в которых префиксированный глагол может рассматриваться как префиксально-суффиксальное образование от именной основы и как префиксальное образование от глагольной основы: *waerpen* — *waerpian* — *bewaerpian* (оружие — вооружать — разоружать), *hors* — *horsian* — *behognsian* (лошадь — обеспечивать, снабжать лошадьми — лишать, отбирать лошадей), *ag* — *agian* — *upagian* (слава — прославлять — бесславить), *hād* — *hādian* — *unhādian* (духовный сан — постригать — расстригать).

Таким образом, уже в древнеанглийском языке словообразовательные связи префиксов *be*- и *-ip* моделировались так же, как и в современном английской языке, с той только разницей, что отсутствующий тогда префиксально-конверсальный дериват был представлен в словообразовательном ряду своим аналогом префиксально-суффиксальным дериватом.

Как известно, появление нового способа глагольного словообразования, а именно конверсии, относят к среднеанглийскому периоду, когда совпадение форм инфинитива и общего падежа существительных приводит к созданию такой словообразовательной модели, при которой перестройка лексико-грамматического значения производящей основы не сопровождается никакими ее внешними изменениями. Одновременно и в результате того же процесса появляется вторая модель, аналогом которой послужили древнеанглийские глаголы типа *beheafdian*, поскольку утрата инфинитивного окончания соотнесла эти глаголы непосредственно с именной основой, что, однако, не изменило природу префикса, так как место суффиксации в данном случае заняла конверсия.

Эта новая модель была поддержана в языке заимствованиями из французского языка, когда в язык одновременно проникали заимствованные деноминативные глаголы и именные основы, от которых эти глаголы были образованы во французском языке:ср.-англ. *defrauden* > ст.-фр. *defrauder* и ср.-англ. *fraude* > ст.-фр. *fraude* (обман — обманывать); ср.-англ. *defloren* > ст.-фр. *defloreg* и ср.-англ. *flour* > ст.-фр. *flour*; ср.-англ. *dismembren* > ст.-фр. *desmembrer* и ср.-англ. *membre* > ст.-фр. *membre*; ср.-англ. *descoragen* > ст.-фр. *descoragier* и ср.-англ. *cōrage* > ст.-фр. *cōrage*; ср.-англ. *emblanchen* > ст.-фр. *emblanchir* и ср.-англ. *blanc* > ст.-фр. *blanc*.

В тех случаях, когда заимствовался однокорневой глагол без префикса, то оказывалось, что вся заимствованная словообразовательная цепочка была аналогична словообразовательной цепочке с английскими префиксами *be*- и *ip*- . Примером этому может служить такой ряд, как: *armes* — *armen* — *desarmen* (ст.-фр. *armes* — армат — *desarmet* — *desarmet*).

В дальнейшем, т. е. в ранненовоанглийский период, в языке

вновь появляется суффиксально-префиксальная модель, но ее аффиксальные морфемы представлены иноязычными по происхождению аффиксами, а действует она, как правило, в сочетании с французскими и латинскими основами: *disillusionize*, (*dis-illusion-ize*) 'разочаровывать', *decapitate* 'обезглавливать', *delimitate* 'определять границы', *desentitize* 'изменять светочувствительность', *decasualize* 'бороться с временной безработицей', *enthronize* 'возводить на престол'. Некоторое исключение в этом плане представляют глаголы с префиксом еп- и германским глагольным суффиксом -ел, однако продуктивность этого типа суффиксально-префиксальных глаголов ограничивается ранненовоанглийским периодом: *engolden*, *embolden*.

По своей морфологической структуре и семантической соотнесенности суффиксально-префиксальные глаголы однотипны с девербальными глаголами типа: *disorganize* (*dis-organize*), *dehydrate* 'удалять воду', *demagnetize* 'размагничивать', но отличаются от них способом образования.⁶

Наличие в современном английском языке префиксально-конверсального словаобразовательного приема подтверждается не только диахронически, но и данными синхронного анализа. В сферу действия этого комбинированного приема вовлекаются преимущественно те же по своей семантической и грамматической характеристике основы, которые участвуют в конверсальном словообразовании.

Как известно, по конверсии в первую очередь образуются глаголы от субстантивных односложных и двусложных основ и в единичных случаях в ней участвуют адъективные основы. Субстантивные основы обычно обозначают конкретные одушевленные и неодушевленные предметы и вещества, в то время как глаголы, образованные от основ абстрактных существительных, весьма немногочисленны. Эти же черты характерны и для префиксально-конверсальных дериватов, при этом семантически отымененные глаголы с префиксом образуют пары либо с отыменными глаголами без префикса, либо с именами, от основ которых они произведены. Не случайно поэтому префикс *be-* утрачивает в новоанглийский период продуктивность, поскольку семантически он дублирует конверсальные глаголы, а префиксы *de-*, *dis-*, *up-*, выражая действие противоположное или действие отчуждения, изъятия того, что обозначено именной основой, не только не утрачивают, но и заметно наращивают продуктивность, образуя семантические пары с производящими глагольными и именными основами.⁷

При определении грамматической природы производящей основы, а следовательно, и при определении словаобразовательного приема, в результате которого возник производный глагол, определенную роль играют семантические отношения производного и производящего. Девербальными обычно выступают производные со значением отрицательного действия: *trust* — *distrust*

(верить — не доверять), *praise* — *dispraise* (одобрять — не одобрять), а также действия, противоположного действию, выраженному производящей основой: *bridle* — *unbridle* (взунуздать — разнуздать), *frost* — *defrost* (заморозить — разморозить).

Затруднение обычно возникает в тех случаях, когда префиксированный глагол имеет значение отчуждения, лишения или изъятия того признака, который выражен производящей основой, так как при наличии омонимичного существительному конвертированного глагола со значением «снабжать признаком, выраженным производящей именной основой», производный префиксированный глагол может в синхронном плане рассматриваться как производный от именной, так и производный от глагольной основ.

Количество глаголов несомненно отыменного характера в современном английском языке не так уж велико. В эту группу прежде всего входят глаголы, которые соотносятся только с именной основой (*unchurch* 'отлучать от церкви'), не дающей в языке конверсальных образований, а также глаголы, которые несопоставимы по своему значению с конвертированными глаголами: *unsting* 'удалять жало' (*sting* 'жало', *sting* 'жалить'), *displume* 'оципывать перья' (*plume* 'чистить клювом перья', 'оципывать'), *derail* 'сходить с рельсов', 'устраивать крушение' (*rail* 'рельс', 'железнодорожный путь', *rail* 'отправлять по железной дороге', 'прокладывать рельсы').

Префиксально-конверсальное словообразование перекрещивается с префиксальным словообразованием в тех случаях, когда семантически производный глагол может быть соотнесен как с глагольной, так и с именной основами. В этом случае словообразовательный процесс может быть восстановлен только диахронически. Эта модель в свою очередь усложняется глаголами, унаследованными из древнеанглийского языка и образованными префиксально-суффиксальным способом (совр.-англ. *behead* > др.-англ. *beheafdian*), а также глаголами, которые были заимствованы английским языком из старофранцузского одновременно с именными основами (совр.-англ. *dismember* > ср.-англ. *desmembren* < ст.-фр. *desmembreg*; ср.-англ. *membre* > ст.-фр. *membre*).

Такое внешнее совпадение конечного результата двух различных словообразовательных процессов еще не дает основания приписывать префиксам не свойственную им функцию перестройки грамматического значения производящей основы, поскольку в английском языке эта функция закреплена за суффиксами и конверсией, которые могут действовать либо изолированно, либо в сочетании с префиксацией. И соответственно образование глаголов от именных основ в современном английском языке может быть представлено конверсией, суффиксацией и префиксально-конверсальным приемом, или префиксально-суффиксальным приемом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава английского языка. М., 1956, стр. 32.
- 2 В. И. Шкарупин. О специфике префиксации в английском языке. Сб. Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963, стр. 152.
- 3 Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 69.
- 4 И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959, стр. 124.
- 5 H. Marchand. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. Wiesbaden, 1960.
- 6 Г. Марчанд считает, что девербальные и отыменные глаголы подобной структуры допускают двоякое толкование, с чем можно согласиться только в плане анализа морфологического состава глагола, но никак не в плане словообразовательном (The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation).
- 7 Р. Е. Кац считает, что под влиянием конверсии префикс *be-* начинает утрачивать продуктивность уже в XVII веке. — См.: «Развитие производных глаголов с префиксом *be-* в английском языке». В сб.: Исследования по английской филологии. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 117.

Summary

There is a group of prefixes in English which are found in verbal derivatives consisting of a prefix and a nominal stem. This peculiarity of English derivation gave rise to a theory according to which prefixes are endowed with the capacity of changing the grammatical characteristics of the stem.

The present paper is an attempt to prove that the verbs of this type are the result of prefixation and conversion acting simultaneously since prefixation alone cannot change the grammatical characteristics of the stem.

ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОЖНЫХ СЛОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ ОПРОЩЕНИЮ (на материале английского языка)

H. B. Гусарова

В ходе исторического развития языка состав сложных слов меняется. Сложные слова могут подвергаться опрощению.¹ Древнеанглийские слова *dæges-eage* 'око дня' (совр. *daisy* 'маргаритка'), *bēge-ēgn* 'место для ячменя' (совр. *barn* 'амбар'), *godsibb* 'крестный отец' (совр. *gossip* 'сплетня') и многие другие дошли до нас в такой форме, что не воспринимаются больше как сложные. В процессе опрощения изменяется фонемный состав сложных слов как в области гласных, так и в области согласных. Нас будет интересовать состав согласных фонем на стыке основ.²

Как правило, сложное слово в английском языке имеет соотнесенные с его компонентами самостоятельные слова

(hunchback 'горбун': hunch 'горб' и back 'спина'; blackboard 'классная доска': black 'черный' и board 'доска'). А так как в английском языке слово в большинстве случаев равно основе,³ то, не смешивая двух понятий — основу и слово, было бы удобнее в процессе анализа называть эти самостоятельные слова, соответствующие компонентам сложного слова, опорными основами. Интересно было бы проследить, оказывало ли наличие опорной основы в период опрощения какое-либо влияние на сам процесс опрощения.

Опрощенные слова нельзя расчленить на компоненты, так как по крайней мере один из компонентов некогда сложного слова уже не совпадает в своем звуковом составе со своей опорной основой.

В ходе опрощения в области изменения согласных имеют место: выпадение одной из тождественных фонем на стыке основ, ассимиляция, диссимиляция, элизия, выпадение смычного /t/, /d/ или /p/ в группе согласных, представляющих собой открытый стык.

Выпадение одной из тождественных фонем

Современное слово *oxlīp* бот. 'первоцвет' в древнеанглийский период состояло из родительного падежа слова *oxa* 'бык' и основы *slyppe* — *oxanslyppe*. Позже, в связи с выпадением безударного срединного слога, на стыке встретились две одинаковые фонемы /s/. В XVII в. уже выпала одна из тождественных фонем и произошла редукция окончания (XVII в. — *oxlip*).⁴

Слово *bandog* 'цепная собака' в среднеанглийский период состояло из двух компонентов: *band* 'цепь', *dog* 'собака'. Слово имело соответствующие опорные основы. На стыке основ — две тождественные фонемы /d/: XVI в. — *band-dog*, *bandogge*, *bandog*; XVII в. — *bandogg* — одна из одинаковых фонем выпала.

Итак, если на стыке двух основ сложного слова находятся две одинаковые фонемы, то в процессе опрощения слова одна из них выпадает.

Ассимиляция

Слова *blackguard* 'негодяй, подлец' (опорные основы: *black* 'черный', *guard* 'часовой, страж') и *beggown* (диалектная форма *bedgown* 'ночная рубашка') имели на стыке фонемы /k/+ /g/ и /d/+ /g/. В первом случае произошла ассимиляция глухого гуттурального /k/ со звонким гуттуральным /g/: ['blæga:d], во втором — ассимиляция альвеолярного /d/ с гуттуральным /g/ : ['begauŋ].

Следующая группа слов характеризуется одинаковым составом стыка: *woman* — женщина (OE *wif-man*), *leman* 'влюбленный' (OE *leof-man*), *Lammas* 'праздник урожая' (OE *hlāf-mæsse*) — стык основ состоит из фонем, близких по месту артикуляции: губно-зубной щелевой /f/ и губно-губной смычный /m/. На стыке произошла ассимиляция /f/ и /m/: OE *wif-man* > ME *wimman*, *wymman*; OE *leof-mann* > ME *lemmian*, *lemmone*; OE *hlāf-mæsse* > ME *Lammasse*, *Lammas*.

В результате ассимиляции на стыке образуются геминаты, которые позднее упростились.

Ассимиляция имела место и в словах *cupboard* 'буфет', *chaffer* (OE **cearp-faſu*) 'спор из-за цены', *raspberry* 'малина'. Все эти слова 'имели опорные' основы в период оправдания.

В слове *lady* (OE *hlāf-dige*) 'госпожа' опорная основа первого компонента *hlāf* 'хлеб' существовала в период оправдания, а опорная основа второго компонента *dige* 'месяц' уже вышла из употребления. В слове имела место двойная ассимиляция: губно-зубной глухой /f/ под влиянием альвеолярного звонкого /d/ перешел в губно-зубной звонкий /v/ (XIII—XVI вв.: *lavedi*, *levedi*; XIV в. — *levdi*), а затем звонкий губной /v/ с альвеолярным /d/ дал в результате /d/: ['leidi].

Такую же картину наблюдаем и в слове *henchman* 'оруженосец, паж' (ME *hengestman*). Последнее употребление опорной основы первого компонента относится к XIII в., оправдание слова началось в XIV в.

Итак, в ходе оправдания фонемный состав стыка сложного слова изменялся под действием ассимиляции. В оправданных словах мы имеем дело с исторической ассимиляцией.

Диссимиляция

В слове *brimstone* 'серо' (ME *brynstane*, *brenſtane*) произошла диссимиляция (опорные основы: *brypan* 'гореть', *stān* 'камень'). В сочетании [ns] альвеолярный носовой смычный /n/ под влиянием альвеолярного щелевого /s/ был заменен на губной носовой смычный /m/.

Элизия

Для сложных слов, как имевших в период оправдания опорную основу, так и не имевших ее, характерно явление элизии. Это касается двух фонем /w/ и /h/.

В современном языке полугласный /w/ сохраняется только в позиции перед гласным в начале слова: *water* 'вода', *witness* 'свидетель' и т. д.

В новоанглийский период /w/ выпал в начале слова перед согласной (*write* 'писать', *wretch* 'несчастный'), в некоторых словах в сочетаниях «начальный согласный + /w/ + гласный»

заднего ряда» (sword 'меч' и др.), в неударном слоге после согласного (answer 'отвечать', two 'два' (числит).⁵ К этому же периоду относится выпадение /w/ и на стыке сложных слов. Выпадение полугласного /w/ объясняется, очевидно, неустойчивостью /w/ в неударном положении: после образования сложного слова второй компонент некоторое время еще сохранял второстепенное ударение. В течение этого периода сохранялось и /w/, которое затем исчезало (и как следствие этого—выпадение фонемы /w/).

Coxswain 'старшина шлюпки, рулевой'. Слово состояло из двух основ: cock (опорная основа cock 'лодка', это слово сохранилось в диалектах Йоркшира, Ланкашира и др.⁶) и swain (опорная основа swain 'слуга'). В XVII—XVIII вв. имеются формы сохон, сохен, что говорит уже о закрытом стыке: выпал полугласный /w/. Boatswain 'боцман' (OE bāt-swān). В XVII—XVIII вв. (batswein, boseon, boson) исчез открытый стык, так как /w/ выпал. То же самое наблюдается в словах groundsel бот. 'крестовик' (XV в.: groundeswele, groundeswyle; XVI в.: grounsel; XV—XVIII вв.: groundsell; XVI—XVII вв. grunsel), hussy 'потаскуха' (OE hūs-wif), gunnel морск. 'планшир', chan-nel морск. 'толстые доски, идущие от борта корабля к мачте'. Последние два слова—образования новоанглийского периода (chain-wale, gonpe walle).

В словах, где на стыке основ встречался любой согласный и придыхательный /h/, последний выпадал.

Предыхательный /h/ исчезал уже с XV в.⁷ В настоящее время /h/ произносится в начале и в середине слова перед ударением, главным образом в словах, заимствованных из французского: habit 'привычка', horizon 'горизонт' и др. Выпадение /h/ в сложных словах в период опрощения объясняется тем, что в результате исчезновения второстепенного ударения второй слог (т. е. второй компонент) стал безударным и /h/, оказавшись в слабой позиции, выпал.

Forehead 'лоб' (OE forehead). Основное объединяющее ударение падало на первый слог первого компонента, второй компонент еще сохранял второстепенное ударение. Безударный гласный второго слога первого компонента выпал, и стык стал представлять собой сочетание двух согласных фонем /th/: ME for-hed, forhede.

В XVI в. находим форму forge^t, где фонема /h/ на стыке уже выпала, что компенсировалось удвоением фонемы /t/. Слово уже стало опрощенным, оно несет только одно ударение на первом слоге, а наличие двойного /t/ указывает, что, во-первых, начальный слог закрытый и, во-вторых, что /t/ произносится.

Wassail 'пирюшка, попойка' (OE wæs hæl) в период опрощения не имеет опорной основы. Второй компонент начинался с придыхательного /h/, которое выпадает с потерей второстепен-

ногого ударения. Открытый стык переходит в закрытый в результате элизии.

Аналогично изменялся фонемный состав стыка и в словах *gozziard* (OE *gōshierde) 'пасущий гусей', *shepherd* (OE sceār-heorde) 'пастух', *bake-house* ['beikəs] 'пекарня'.

Выпадение смычного в группе согласных на стыке основ

Открытый стык сложных слов, состоявший из сочетания нескольких согласных фонем, переходил в закрытый при опрощении за счет выпадения отдельных фонем. Очевидно, выпадение смычного можно объяснить его неустойчивостью в сочетании нескольких согласных. Смычный часто выпадал внутри тяжелых групп и в простых словах: *castle* 'замок' — выпал /t/, *muscle* 'мускул' — выпал /k/ и др.

Слова: *worsted* 'шерстяной', *Christmas* 'рождество', *waist-coat* 'жилет', *bressumter* 'капитальная балка', *groundsel* бот. 'крестовик', *elbow* 'локоть' — имели в период опрощения опорные основы. Все эти слова характеризуются большой группой согласных, которая возникла на стыке в результате сложения основ.

Например, *Christmas* (OE Cristes-mæsse). В среднеанглийский период на стыке основ — (-stm-): XIV в. *Cristmasse*, *Crystmasse*. В XV в. альвеолярный смычный /t/ исчезает. *Crysmas*. По данным словаря Курата,⁸ в среднеанглийский период основа *Crīst* в составе сложного слова уже утратила /t/: *Cris-*, *Cres-*.

Аналогично изменялся фонемный состав стыка в словах: *bressummer* (*breastsummer*) — в группе /-sts-/ выпал /t/; *waist-coat* — в группе /-stk-/ выпал /t/, *groundsel* — в группе /-nds-/ выпал /d/, *elbow* (OE *elnbōga*) — в группе /-lnb-/ выпал /n/.

То же самое наблюдаем и в словах, не имевших одной опорной основы в период опрощения: *hungil* (*hundgild*) 'плата, установленная законом за содержание собак', — в группе /-ndg-/ выпал /d/; *agnail* (OE *ang-nægl*) 'заусеница' — в группе /-ngn-/ выпал /n/.

Таким образом, анализ сложных слов, подвергшихся опрощению, показал, что изменение согласных фонем обусловлено их новой позицией в составе сложного слова, в результате которой появилась возможность комбинаторных изменений.

Наличие или отсутствие опорной основы не имело принципиального значения для изменения фонемного состава открытого стыка сложного слова при переходе его в закрытый.

В области изменения согласных удалось установить следующие закономерности: выпадение одной из тождественных фонем на стыке основ, влияние ассимиляции, диссимиляции и элизии, выпадение смычного в группе согласных больше двух на стыке основ.

Можно предположить, что открытый стык сложного слова отличается от закрытого стыка, характерного для простого слова, возможностью комбинаторных изменений. Но это лишь предположение, которое требует тщательного изучения и проверки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Н. Н. Амосова. Слова с опрошенным морфологическим составом в современном английском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 180, вып. 21, 1955, сер. филолог. науки.

2 E. Kruisinga. The Phonetic Structure of English Words. Bern, p. 107; G. L. Bloch and B. Tagger. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942, ch. Juncture; A. Hill. Introduction to Linguistic Structures. N. Y., 1958.

3 В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960; И. П. Иванова. О морфологической характеристике слова в современном английском языке. Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963.

4 Формы слов даются на основании Большого Оксфордского словаря (A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1884).

5 Б. А. Ильин. История английского языка. М., 1958.

6 J. Wright. The English Dialect Dictionary, vol. I. Oxford, 1898.

7 К. Бруннер. История английского языка, т. I. М., 1955, стр. 321.

8 H. Kugath. A Middle-English Dictionary. London, 1956.

Summary

The article deals with the analysis of phonemic structure of the juncture in compounds that have undergone obscuration. The juncture or the composition joint is marked with certain phonetic modifications. The analysis shows the influence of assimilation, dissimilation, elision (connected with the loss of the phonemes /w/ and /h/), the loss of the stops /t/, /k/ and /n/ in clusters of consonant phonemes. All these modifications depend on the new position of consonant phonemes in compounds. The closed juncture appears to differ from the open juncture in the possibility of combinatorial modifications.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗВОНКОСТИ-ГЛУХОСТИ В АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛАХ

M. A. Кащеева

Нами исследовалась проблема звонкости-глухости в началах и исходах английских глаголов. Исследования велись в плане речи и в плане языка.

Для исследования в плане речи производилась сплошная выписка всех глагольных форм из текстов английских и американских авторов общим объемом около 5 печатных листов. В этот объем вошли разнообразные в стилистическом отношении прозаические тексты современных авторов.¹ Поскольку работа

была направлена на исследование упомянутой проблемы применительно к General English, а не на сравнительное исследование стилистически различных текстов, данные анализа были объединены с целью усреднения. В этих текстах мы насчитали 3992 глагольные формы, из них 1376 правильных и 2616 неправильных (включая модальные).

Для исследования в плане языка нами была произведена сплошная выписка глаголов из словаря «The Concise Oxford Dictionary of Current English» (1961). Этот словарь насчиты-

Таблица 1

Частотность фонем в %

Фонемы	Начала глаголов						Исходы глаголов						
	в плане речи			в плане языка			в плане речи			в плане языка			
	правиль- ные	неправиль- ные	всего										
Звонкие	Гласные . . .	18,6	18,6	18,6	21,4	23,9	21,5	19,2	28,6	25,2	17,3	26,3	17,7
	Согласные . . .	43,9	46,0	45,3	38,3	38,6	38,3	39,3	54,4	48,9	41,2	41,2	41,2
	Всего	62,5	64,6	63,9	59,7	62,5	59,8	58,5	83,1	74,1	58,5	67,5	58,9
Глухие		37,5	35,4	36,1	40,3	37,5	40,2	41,5	16,9	29,5	41,5	32,5	41,1

вает 6980 глаголов, в том числе 6657 правильных и 323 неправильных (вместе с модальными).²

Собранный материал подвергся статистической обработке. При подсчетах мы исходили из того, что в английском языке отмечены 20 гласных фонем (/i:, ɪ, e, ə, ɛ:, ə:, ʊ:, ʌ:, ɔ:, ɑ:, ɪə, eɪ, əə, aɪ, ʊə, ɔɪ, ɔɪ/, 15 звонких согласных фонем (/b, d, g, v, z, ð, ʒ, t, k, f, s, θ, ʃ, ɒ, ɒ/, 9 глухих согласных фонем (/p, t, k, f, s, θ, ʃ, ɒ, ɒ/). Частотность звонких и глухих фонем была вычислена нами (табл. 1) в процентах для всех исследованных глаголов, а также отдельно для правильных и отдельно для неправильных глаголов (в двух последних случаях частотность определялась как процент от общего числа правильных и неправильных глаголов соответственно).

Результаты вычисления частотности показывают преобладание звонкости над глухостью как в началах, так и в исходах глаголов, взятых вместе или по отдельным группам. Преобладание звонкости наблюдается и в речи, и в языке, хотя абсолютные количественные характеристики не совпадают полностью и обнаруживают большие или меньшие колебания.

Однако обработка подобного рода дает поверхностное представление о соотношении звонкости-глухости в границах глаголов. В самом деле мы не можем пренебречь тем обстоятельством, что носителем звонкости является гораздо большее число фонем, чем глухости: 9 глухих согласных противостоят 15 звонких согласных и 20 гласных. Исходя из такого количественного соотношения, можно предположить, что функциональная нагрузка глухих фонем в началах и исходах глаголов должна быть выше, чем у звонких фонем. Проверить это предположение

Таблица 2

Коэффициенты частотности фонем

Фонемы	Начала глаголов						Исходы глаголов					
	в плане речи			в плане языка			в плане речи			в плане языка		
	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего
Звонкие												
Гласные . . .	0,41	0,41	0,41	0,48	0,53	0,48	0,43	0,64	0,56	0,38	0,58	0,39
Согласные . . .	1,3	1,35	1,35	1,15	1,15	1,15	0,15	1,6	1,45	1,2	1,2	1,2
Всего	0,79	0,82	0,81	0,76	0,79	0,76	0,73	1,05	0,93	0,73	0,85	0,74
Глухие	1,85	1,75	1,8	2,0	1,85	2,0	2,05	0,83	1,3	2,05	1,6	2,0

ние оказалось возможным с помощью коэффициента частотности — КЧ (табл. 2). КЧ понимается нами как соотношение между фактической частотностью той или иной группы фонем и частотностью, которую имела бы группа фонем, если бы все фонемы были равновероятны и если бы частотность всех фонем была одинаковой. Таким образом, $KCh > 1$ показывает, что частотность данной группы фонем выше средней, а $KCh < 1$ — что частотность ниже средней, вычисленной из условия равновероятности фонем.

Как видно из табл. 2, глухие фонемы действительно имеют частотность в полтора-два раза выше средней частотности, звонкие согласные фонемы немногим больше средней частотности, зато гласные фонемы, как правило, имеют частотность вдвое меньше средней.

В распределении звонкости-глухости интересно выяснить еще один момент: является ли высокая относительная частотность глухих фонем свойством, вообще присущим им в речи, или же они проявляют такую повышенную частотность только в исследованных нами позициях?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы ввели показатель, названный нами коэффициентом избирательности — КИ. Для вычисления КИ мы воспользовались данными Г. Дьюи, который исследовал частотность фонем в английской речи в целом.³ Мы вычисляли КИ как отношение частотности той или иной группы фонем в исследуемой нами позиции к частотности той или иной группы фонем в речи в целом (табл. 3). Таким образом, $KI > 1$ показывает, что данная группа фонем предпочитает исследуемую позицию другим позициям, а $KI < 1$ — что данная группа фонем избегает исследуемой позиции. За исключением

Таблица 3
Коэффициенты избирательности фонем

Фонемы	Начала глаголов						Исходы глаголов						
	в плане речи			в плане языка			в плане речи			в плане языка			
	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего	правильные	неправильные	всего	
Звонкие	Гласные . . .	0,49	0,49	0,49	0,56	0,63	0,57	0,51	0,75	0,66	0,46	0,69	0,47
	Согласные . . .	1,1	1,15	1,1	0,95	0,96	0,95	0,98	1,35	1,2	1,0	1,0	1,0
	Всего	0,8	0,82	0,82	0,76	0,8	0,76	0,75	1,05	0,95	0,75	0,86	0,75
Глухие		1,7	1,6	1,65	1,85	1,7	1,85	1,9	0,78	1,2	1,9	1,5	1,7

исходов неправильных глаголов в плане речи глухие фонемы предпочтитаю исследованные нами позиции: их частотность в этих позициях примерно в полтора раза больше, чем в других позициях в слове.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что для начала и исходов английских глаголов характерна повышенная глухость по сравнению с речью в целом: при численном преобладании звонких фонем глухие фонемы встречаются в данных позициях чаще, чем в других позициях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. Christie. Crooked House. London, Penguin Books, 1953; «Daily Worker», November, 1963; R. Quirk and C. L. Wren. An Old English Grammar. 2-nd ed. London, 1960; H. G. Wells. Mr. Brittling Sees It Through. Cassel & Co., 1917; A. Wescott. Roots. Bristol, Penguin Books, 1961; T. Williams. Plays. London, Penguin Books, 1961.

² В это число входят в качестве отдельных единиц подсчета супплетивные формы, а также вторая и третья формы неправильных глаголов, имеющие иные границы, чем форма инфинитива.

3 G. Dewey. *Relativ (I) Frequency of English Speech Sounds*. Cambr. (Mass.), 1923. — Как известно, классификация гласных фонем (прежде всего дифтонгов), принятая у американских лингвистов, не совпадает с классификацией, принятой в советской англистике. Поэтому при строгом математическом подходе данные американских исследователей не могут быть положены в основу исчисления КИ, поскольку величина погрешности в данном случае не может быть вычислена. Однако, учитывая, что данная работа ставит своей целью нахождение основных тенденций и ни в коем случае не претендует на точную количественную оценку явлений (и не располагая иными источниками), мы сочли в данном случае возможным использовать данные американских исследователей. Предпочтение было отдано Г. Дьюи, так как у него вторые элементы дифтонгов по крайней мере не попадают в группу согласных, как это наблюдается, например, у А. Робертса (A. Hood Roberts. *A Statistical Linguistic Analysis of American English*. The Hague, 1965). Впрочем величина расхождений между суммарными данными Г. Дьюи (согласные вместе составляют 62,1%, в частности, глухие согласные — 21,79%) и данными А. Робертса (все согласные — 63,89%, глухие — 20,84%) не столь велика, чтобы она могла существенно повлиять на наши выводы. Мы сочли возможным использовать в этой работе данные американских исследователей еще и потому, что, по нашему мнению, особенностью корреляционных зависимостей языка и речи, обусловленной самой спецификой исследуемого объекта, является то, что все количественные характеристики могут быть только приблизительными и ориентировочными. Высокая точность в подобных вычислениях часто оказывается не обоснованной по существу.

Summary

A quantitative analysis of voice distribution in initials and finals of English verbs was attempted in the paper. The analysis showed that voice is more typical of English speech as a whole than of verbal initials and finals voicelessness is characteristic of the latter.

О МЕХАНИЗМЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИГНАЛИЗАЦИИ

М. А. Кащеева

В этой статье выдвигается гипотеза о существовании исторически сложившегося специфического механизма фонологической сигнализации, облегчающего слушателю опознание слов, имеющих большое грамматическое значение и важных для правильного понимания фразы. Механизм этот, по нашим предположениям, действует прежде всего в языках, широко использующих вспомогательные глаголы, и проявляется в том, что важные для понимания смысла фразы служебные глаголы имеют в своем фонологическом строении те или иные особенности, заметно выделяющие их из числа других слов. Такие особенности и облегчают распознавание этих слов в речи с высокой степенью вероятности. Механизм сигнализации вообще может проявлять себя в фонемах, занимающих заметные позиции в слове (например, границы слов, ударные фонемы), в специфических чертах акцентно-ритмической структуры, слогооб-

разования и др. В данной работе рассматриваются только границы английских глаголов (в плане языка и в плане речи). Совершенно очевидно, что собранного материала недостаточно для доказательства наличия механизма фонологической сигнализации в языке в целом. Однако этот материал представляет-ся достаточно обширным, чтобы высказать предположение о наличии такого специфического механизма.¹

Собранный материал подвергся статистической обработке и сведен в ряд таблиц. В настоящей статье приводятся выборочно некоторые данные из этих таблиц. При подсчетах мы исходили из того, что в английском языке отмечены 20 гласных фонем и 24 согласные фонемы.²

Наличие механизма фонологической сигнализации мы попытаемся выявить путем анализа границ трех наиболее употребительных английских глаголов *to be*, *to have* и *to do*. Частотность этих глаголов в английской речи очень велика. Суммируя все формы этих глаголов, можно сказать, что *to be* встречается в речи примерно в полторы тысячи раз, *to have* примерно в пятьсот раз и *to do* примерно в триста раз чаще (в среднем), чем другие глаголы, содержащиеся в упомянутом нами словаре.

Частотность различных форм глаголов в речи весьма неодинакова. Введем понятие коэффициента частотности (КЧ), понимая под этим соотношение между фактической частотностью данной глагольной формы и той частотностью, которую имела бы эта глагольная форма, если бы все глаголы, отмеченные Кратким Оксфордским словарем,³ были бы совершенно равноупотребительны. Иначе говоря, КЧ показывает, во сколько раз чаще (или реже) встречается в речи данный глагол, чем (в среднем) другие глаголы.⁴ Укажем частотность форм глагола *to be* в порядке убывания КЧ: *is* — КЧ = 467; *was* — КЧ = 340; *be* (включая *being*)⁵ — КЧ = 165; *are* — КЧ = 140, *it's* — КЧ = 129; *were* — КЧ = 89; *been* — КЧ = 86; *am* — КЧ = 69. То же для глагола *to have*: *have* (включая *having*) — КЧ = 237; *had* — КЧ = 154; *has* — КЧ = 101. Соответствующий ряд глагола *to do*: *don't* — КЧ = 115; *did* — КЧ = 86; *do* (включая *doing*) — КЧ = 56; *does* — КЧ = 29,5; *done* — КЧ = 19,5.

Произведем анализ начал и исходов глагольных форм, имеющих КЧ > 50.⁶ Из существующих различных вариантов произношения будет учитываться в каждом случае только один, который считаем основным.⁷ Описание ведется в порядке убывания частотности.

is [iz]. Гласные начала вообще редки в глаголах, в плане речи они дают менее 20% всех отмеченных глаголов и глагольных форм.⁸ Если же исключить исследуемую фонему [i], то остальные гласные фонемы дадут (по неправильным глаголам) в плане языка 23,8% всех начал, а в плане речи 5,4%. Таким образом, гласные начала вообще (кроме случаев, о которых будет сказано ниже) присущи малоупотребительным неправиль-

ным глаголам; тем заметнее сигнализационная роль гласных начал у глаголов, имеющих высокую частотность. В исследованных текстах нам встретились 365 глаголов (правильных и неправильных вместе), имеющих начальной фонемой [i], из них 73,7% оказались глагольными формами *is*.

Мы считаем возможным говорить в данном случае о наличии механизма фонологической сигнализации потому, что имеется большая вероятность (0,74) по одной первой фонеме угадать глагольную форму *is* из всех других глаголов в речи. Механизма фонологической сигнализации не было бы, если бы этот глагол начинался с какой-нибудь фонемы, широко употребительной в началах английских глаголов в речи, или же если бы с этой фонемы начинались (в плане речи) многие глаголы.

Исход /z/ является редким в плане языка (по неправильным глаголам 1,9%), но в плане речи — самым употребительным (по неправильным глаголам 20,2%, а по всем глаголам 14,9% всех исходов).⁹ Можно дискуссионировать, является ли /z/ в данном случае исходом или окончанием, но в аспекте вопроса о фонологической сигнализации это не существенно. Фонема /z/, стоящая в конечной позиции глагола, представляет наиболее употребительный вариант произношения суффикса 3-го л. ед. числа наст. времени неопределенного разряда в английском глаголе (письменная форма — (e)s). Данный глагол принадлежит тоже к этой категории. Таким образом, в исследуемом аспекте для решения вопроса о наличии фонологической сигнализации надо только выяснить, насколько надежен этот признак. Подсчет показал, что в речи /z/ в конечной позиции в 73% случаев дает правильный сигнал о 3-м л. ед. числа наст. времени и только в 27% случаев такой исход встречается у глаголов иного лица или иного времени.

was [wɔz].¹⁰ Фонема /w/ в началах всех глаголов в плане языка занимает 17-е место по частотности, позади 12 согласных и 4 гласных фонем; только 2% всех глаголов, отмеченных в словаре, имеют такое начало. Но при исследовании в плане речи /w/ оказывается самой употребительной фонемой в началах глаголов. Следовательно, эта фонема, встречающаяся в начале немногочисленных, но широко употребительных глаголов, носит явное сигнализационное значение.

Механизм фонологической сигнализации мы понимаем как механизм трубой ориентации: полные сведения о слове дает вся его фонологическая структура. Поэтому в данном случае представляется возможным объединить формы *was* и *were* (как формы прошедшего времени они эквивалентны). Из встретившихся в исследованных текстах 415 глаголов с /w/ в начальной позиции оказалось 194 *was* и 51 *were*, что дает в сумме 59%. Сигнализационное значение начала /w/ усугубляется тем, что при рассмотрении рядов оппозиций выявляется предпочтение

ние, отдаваемое в началах глаголов глухому звуку перед звонким, смычному перед щелевым и шумному перед сонорным. Фонеме /w/ как звонкой, щелевой и сонорной полагалось бы иметь в началах глаголов низкую частотность, а она (в плане речи) оказывается наиболее частотной. Характерно, что начало /w/ используется и в некоторых других употребительных глаголах (например, *will*, *want*).

Исход /z/ в данной глагольной форме не является указанием на 3-е л. ед. числа наст. времени. По подсчетам глагольная форма *was* дает в плане речи 24% глаголов с фонемой /z/ в последней позиции. Таким образом, этот аномальный исход оказывается хорошо запоминающейся приметой данной глагольной формы. Можно сформулировать ориентировочное правило: английский глагол, если он не выступает в форме *was* и характеризуется конечным /z/, является глагольной формой 3-го л. ед. числа наст. времени и только для 3% всех встречающихся в текстах глаголов это правило окажется ошибочным.¹¹ Значение этого исхода в плане фонологической сигнализации подчеркивается следующим соображением. Группа щелевых вообще малоупотребительна в исходе глаголов. Из 13 фонем этой группы 6 /r, h, j, w, ź, θ/ не встречаются в исходах глаголов в плане речи, 3 /ð, f, š/ несут очень малую нагрузку. Тем примечательнее с сигнализационной стороны фонема /z/, оказывающаяся в речи наиболее употребительной фонемой в исходах (и личных окончаниях) глаголов.

have [həv]. Начало /h/ тоже оказывается принадлежащим немногочисленной, но широко употребительной группе глаголов. В плане языка только 2,8% всех глаголов имеют такое начало, т. е. частотность /h/ немногим выше средней (КЧ = 1,25). Но эта фонема занимает 4-е место по частотности в началах глаголов, когда мы переходим к плану речи. Из встретившегося нам в текстах 331 глагола, имевшего начальное /h/, оказалось 135 *have*,¹² 88 *had* и 58 *has*. Если просуммировать эти формы, то вероятность угадать глагол *to have* (и его формы) по одной начальной фонеме окажется равной 85%. Сигнализационное значение /h/ подчеркивается, во-первых, высокой избирательностью фонемы /h/ к началам глаголов (в началах глаголов в речи она встречается в 4,6 раза чаще, чем в речи в целом без учета позиции и грамматической категории) и, во-вторых, тем, что как фарингальный звук она заметно отличается фонетически от всех других звуков английской речи.

Исход /v/ занимает в плане речи 6-е место по частотности среди всех исходов глаголов, а принадлежит он к весьма немногочисленной группе глаголов, ибо в плане языка этот исход занимает скромное 16-е место позади 11 согласных и 4 гласных фонем. Видимо, исход /v/ является сигнализационным для каких-то широко употребительных правильных глаголов, ибо по правильным глаголам при переходе от плана языка к плану

речи его частотность резко повышается (от КЧ=0,71 до КЧ=3,0), но правильные глаголы здесь не рассматриваются. Исследуемая форма *have* дает 58% всех глаголов в речи, имевших исход /v/. Вероятность $>0,5$ можно считать достаточно убедительным доказательством наличия фонологической сигнализации, ибо нельзя ожидать, чтобы механизм ее работал с точностью часовского механизма.

be [bi(:)]. Начальное /b/ является употребительным и в плане языка, и в плане речи, причем как среди правильных, так и среди неправильных глаголов. Но все же из встретившихся в текстах 287 глаголов с начальным /b/ оказалось 94 *be* (включая *being*) и 49 *been*, таким образом в 50% случаев начальное /b/ принадлежит к формам глагола *to be*. Сигнализационную роль в данном случае подчеркивает то, что в началах глаголов эта фонема встречается в четыре раза чаще, чем вообще в английской речи без учета позиций.

Рассмотрим исход /i(:)/. Частотность этого исхода в плане языка по всем глаголам очень низкая — КЧ=0,13, но в плане речи частотность повышается до КЧ=2,4. Одно это уже свидетельствует о его сигнализационной роли. Прямой подсчет показывает, что форма *be* дает (в плане речи) 46% от всех глаголов, а родственная форма *been* — еще 24%. Таким образом, только 30% глаголов, имеющих исход /i(:)/, не принадлежит к формам глагола *be*.

had [həd]. Сигнализационная роль начала /h/ уже была продемонстрирована. Что касается исхода /d/, то с позиций выдвигаемой гипотезы целесообразно в данном случае рассматривать /d/ не как исход, а как фонему, стоящую в последней позиции.¹³ Известно, что /d/ в конечной позиции многих форм правильных и неправильных глаголов соответствует прошедшему времени или причастию II,¹⁴ но есть случаи, когда конечное /d/ не свидетельствует о прошедшем времени (например, *to bind*, *to find*, *to grind*, *to sound*). Сделанный нами подсчет показал, что в 95% всех случаев (в плане речи) фонема /d/ в последней позиции глагола является признаком прошедшего времени. Наличие фонологической сигнализации в данном случае очевидно.

age [a(:)]. Рассмотрим форму *age* как имеющую начало /a(:)/. Из гласных начал глаголов только /i/ обладает высокой частотностью в речи. Начало /a:/ имеет в речи КЧ=1,15, но его частотность в плане языка намного ниже: КЧ < 0,1, и есть все основания предполагать, что это начало выполняет сигнализационную функцию в английских глаголах. Конкретный анализ показывает, что в речи форма *age* дает 77% всех глаголов с начальным /a(:)/.

Можно рассматривать форму *age* и как имеющую исход /a(:)/. Из гласных исходов только две фонемы /o:/ и /i:/ имеют КЧ > 2 . Исход /a:/ дает низкую частотность в плане языка

(КЧ=0,13), хотя встречается он и в правильных, и в неправильных глаголах, но при переходе к плану речи частотность повышается до КЧ=0,93. Обычно это бывает признаком наличия сигнализационной функции. Действительно, форма оказалась в плане речи единственной с исходом /a:/ в исследованных нами текстах.

don't [dount]. Начало /d/ является распространенным среди глаголов как в плане речи, так и в плане языка. Но если рассматривать все формы глагола *to do* совместно, как родственные образования, то выясняется, что из 299 встречающихся в текстах глаголов с начальным /d/ было: *don't* — 66 раз, *did* — 49, *do* (включая *doing*) — 32, *does* — 17 и *done* — 11 раз. Таким образом, различные формы глагола *to do* дают в сумме 58,5% от общего числа глаголов с начальным /d/, и сигнализационная роль этого начала кажется доказанной.

Рассмотрим исход /ou/. Этот исход обладает наибольшей частотностью из гласных глагольных исходов в плане речи, но в плане языка исход /ə/ более чем в шесть раз превосходит /ou/ по частотности. Кроме того, большую, чем /ou/, частотность имеют гласные исходы /aɪ, ɪ, ʊ/. Казалось бы, что здесь должен проявляться механизм фонологической сигнализации, но проведенная проверка показала, что форма *don't* дает лишь 31,5% от всех глаголов с данным исходом в плане речи. Как показывает этот случай, переход от фонем, выполняющих сигнализационную функцию, к фонемам, не имеющим такого значения, является плавным, а не дискретным.¹⁵

has [həz]. Сигнализационная роль начала /h/ и конечной фонемы /z/ уже была нами продемонстрирована.

were [wə (:)]. Поскольку о начале /w/ уже было сказано, рассмотрим только исход /ə(:)/. Из 79 глаголов с исходным /ə(:)/ в речи форма *were* дала 64,5% случаев.¹⁶

Пропускаем формы *did /dɪd/* и *been /bi(:)p/*, поскольку все существенное о них уже было сказано выше.

am[əm]. Как уже говорилось, гласные начала редки в глаголах, но начало /ə/ характеризуется по правилам глаголам в плане речи КЧ=2,2. Поэтому форма *am* дает в речи лишь 36,5% всех начал с этой фонемой, хотя, если рассматривать только неправильные глаголы, найдем 96% от числа глаголов с начальным /ə/. Исход /m/ дает соответственно в плане речи для формы *am* 25% от общего числа глаголов с таким исходом и 35,5% от числа неправильных глаголов. Не беряаясь высказываться суждение, можно ли считать, что форма *am* начало и исход имеют признаки фонологической сигнализации. В данном случае выбор того или иного решения в значительной мере зависит от субъективных факторов. По нашему мнению, вероятностями порядка 0,3—0,4 не следует пренебрегать.

do [du(:)]. О начале /d/ уже было сказано. Рассматриваем исход /u(:)/. В плане языка такой исход не является редким

(по правильным глаголам КЧ=0,49, а по неправильным даже КЧ=2,5), но при переходе к плану речи частотность этого исхода падает примерно втрое. Поэтому форма *do* (с включением малоупотребительной формы *doing*) дает 60,5% от числа всех глаголов, имеющих в исходе /u(:)/.

Таким образом, мы попытались доказать наличие механизма фонологической сигнализации в началах и исходах (иногда в окончаниях) трех наиболее употребительных английских глаголов путем сравнения их с другими английскими глаголами. При этом выяснилось, что действие механизма фонологической сигнализации проявляется отчетливее в более частотных формах и менее отчетливо в формах, имеющих меньшую частотность. Кроме того, обнаружилось, что механизм фонологической сигнализации выступает более явственно в началах глаголов, чем в исходах, что, видимо, связано с большей вероятностью отчетливого распознавания фонем, стоящих в начале слова, чем фонем, занимающих в слове конечную позицию.¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О характере материала, его источниках для языка и речи см.: М. А. Кашеева. Распределение звонкости-глухости в английских глаголах. Наст. сб., стр. 25—26.

2 Там же, стр. 26.

3 The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1961.

4 О коэффициенте частотности см.: М. А. Кашеева. К вопросу о методике количественного фонологического анализа. Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1968, вып. 4.

5 Формы, имеющие одинаковые в фонологическом отношении начала и исходы, объединяются, кроме имеющей большую частотность формы *been*.

6 За исключением стяженной формы *it's*, которая не рассматривается, так как *is* представлен в ней в сильно редуцированной форме.

7 Мы исключаем из анализа сильно редуцированные формы произношения, характерные для небрежного разговорного стиля. В пределах литературной нормы границы большинства анализируемых форм оказываются неизменными. В тех случаях, когда границы колеблются в зависимости от места ударения (*age, at, be, do, were*), приняты в качестве основных безударные формы первой степени редукции.

8 В плане языка 21,5% для всех глаголов, а по группе неправильных глаголов 23,9% всех начал.

9 По группе правильных глаголов /z/ используется в исходах глаголов, имеющих употребительность ниже средней: КЧ=3,65 в плане языка и КЧ=2,6 в плане речи.

10 Другой вариант произношения /wɛz/ в отношении границ эквивалентен.

11 Не исключена возможность, что это правило может иметь и практическое значение. Как указывает И. А. Мельчук, все правила грамматики носят (в принципе) вероятностный характер (И. А. Мельчук. Статистика и зависимость рода французских существительных от окончаний. Сб. Вопросы статистики речи. Изд. ЛГУ, 1958).

12 В это число включена форма *having*, частотность которой невелика и которая входит в систему форм настоящего времени.

13 Подобно тому, как это было сделано при исследовании формы *is*.

14 С позиций фонологической сигнализации их можно объединить.

15 Исход /ou/, вероятно, имеет также сигнализационное значение для глагольной формы *won't*, но формы глагола *will* в данной статье не рассматриваются.

¹⁶ Интересно, что если бы мы стали рассматривать форму *were* в небрежном произношении /wə/, то соответствующая вероятность распознавания снизилась бы до 46%. Аналогичные изменения можно проследить и на форме *are*. Не исключена возможность, что исследование с позиций механизма фонологической сигнализации может дать объективные данные (в силу использования количественных характеристик) для постановки вопроса об отчетливом и неотчетливом произношении.

¹⁷ См.: T. W. Forgie and C. D. Forgie. Progress for Recognizing the English Fricative Consonants /f/ and /θ/. Fourth International Congress on Acoustics, vol. II. Copenhagen, 1962.

Summary

An attempt was made in the paper to show that there is a certain mechanism of phonological signalization at work in English speech. It helps to recognize (and anticipate) some of the most frequent words, such as the verbs *to be*, *to do*, *to have*. The mechanism manifests itself in the peculiarities of the phonological structure of these words (especially in their typical initials and finals) which distinguish them from the bulk of other common words. The mechanism works with greater reliability with initials than finals.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ОНОМАТОПЕЯ

С. В. Воронин

Под *словообразованием* обычно понимается образование новой лексемы в результате действия того или иного способа *словообразования*.¹ Советская лингвистическая традиция, как правило, выделяет четыре способа *словообразования*: морфологический, лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфолого-синтаксический. При этом морфологический способ включает композицию, аффиксацию и безаффиксальное *словообразование*; под лексико-семантическим подразумевается «расщепление» многозначного слова на омонимы; под лексико-синтаксическим способом понимают возникновение слова из словосочетания; под морфолого-синтаксическим — переход слов одной части речи в другую. Рассматривая эти четыре так называемых способа *словообразования*, нетрудно убедиться, что имеется принципиальное различие между морфологическим *словообразованием*, с одной стороны, и лексико-семантическим, лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим — с другой. Оно состоит в том, что, например, при аффиксации или композиции логое слово создается в результате акта словопроизводства; наоборот, лексико-семантическое, лексико-синтаксическое и морфолого-синтаксическое *словообразование* предполагает формирование нового слова лишь в результате более или менее длительного *словоупотребления*. Исследователи обычно проходят мимо этого важнейшего различия, а если о нем и упоминают, то лишь в порядке констатации факта, выводов же из него не делают. Между тем выводы здесь, как это представляется, весьма важны.

Если морфологическое и неморфологическое (т. е. лексико-семантическое, лексико-сintаксическое и морфолого-сintаксическое) словообразование принципиально различны, то словообразование данного конкретного языка, будучи единым, в то же время оказывается разложимым на два типа. Словообразование первого типа — морфологическое — обладает отчетливо проявляющимися системными признаками и потому может быть охарактеризовано как *моделированное*. Словообразование же второго типа — неморфологическое — лишено той несомненной регулярности, которая присуща словообразованию первого типа, и поэтому может характеризоваться как *немоделированное*. Поскольку всякое словообразование принадлежит диахронической оси (в противоположность, например, морфологии, точнее морфемному строению слов), фактор времени представляет одну из существенных его характеристик. Оба типа в этом смысле диаметрально противоположны: моделированное словообразование спонтанно, одноактно; и потому $t_1 = 1$; немоделированное — процессуально, и потому $t_2 \gg 1$; моделированное словообразование «морфологично» (строительным материалом здесь служат морфемы); немоделированное же — отчасти «сintаксично» (в том смысле, что новые слова образуются здесь не из морфем, а из словосочетаний, т. е. из единиц иного — сintаксического — уровня, либо же в результате длительного употребления одного слова в сintаксической функции другого), отчасти же «семантично» (поскольку дивергентные омонимы возникают в результате «расщепления» полисемантичного слова). Для моделированного словообразования характерно целенаправленное одноактное образование слова по определенной модели; для немоделированного — постепенное становление нового слова. Для моделированного словообразования создание нового слова есть одновременно и цель и результат; при немоделированном же словообразовании возникновение новой лексемы есть лишь результат. В пределах моделированного словообразования действуют словообразовательные способы, в пределах немоделированного — словообразовательные процессы. В основе словообразовательного способа лежит акт словоиздания, в основе словообразовательного процесса — словоупотребление.

К словообразовательным способам, действующим, например, в современном английском языке, следует отнести аффиксацию, композицию, образование сложнопроизводных слов, абревиацию, образование слов-слитков — *blending* (например, *smog* 'смог', т. е. 'туман, смешанный с дымом' <*smoke* 'дым' + *fog* 'туман'), реверсию («обратное образование» — *backformation*)² и конверсию (регулярное одноактное образование глаголов от существительных и существительных от глаголов). К словообразовательным процессам следует отнести переход слова одной части речи в другую (в результате длительного употребления

слова в несвойственной ему синтаксической функции: например, субстантивация прилагательных и адъективация существительных, образование сложного слова из словосочетания (как следствие длительного соположенного употребления двух или более слов), эллипс назывного словосочетания (в результате более или менее продолжительного употребления определения без определяемого) и образование дивергентных омонимов.

Поскольку при немоделированном словообразовании происходит лишь спорадическое образование слов, в этом типе нет акта намеренного словотворчества, нет регулярности, и, следовательно, понятие модели не имеет к нему отношения.

В моделированном же словообразовании модель играет чрезвычайно важную роль. Важность понятия словообразовательной модели отмечалась лингвистами неоднократно (например, И. Ружичка подчеркивает, что в современной теории словообразования понятие модели занимает «ключевое место»³). Представляется, однако, необходимым уточнить, что «ключевое место» модель занимает лишь в моделированном словообразовании.

* * *

Итак, словообразование в целом непосредственно разложимо на два типа — моделированное и немоделированное. Оба типа имеют свои отличительные черты. Однако это отнюдь не предполагает наличие между ними, так сказать, водонепроницаемых перегородок. Дело обстоит намного сложнее.

И в этой связи мы прежде всего обращаем внимание на тот факт, что в сфере словообразования весьма специфичным является место такого явления, как *ономатопея*.

Образование звукоподражательных слов (ономатопеи) изучено еще совершенно недостаточно. Одни лингвисты либо вообще не считают ономатопеи словами,⁴ либо выводят их за пределы языка как средства общения;⁵ другие, отмечая их несколько обособленное положение, считают ономатопеи тем не менее частью языковой (и уже — лексической) системы.⁶ Имеющийся материал позволяет утверждать, что последняя точка зрения больше соответствует фактам языка: Ономатопеическое новообразование есть, несомненно, явление словообразовательное, так как в результате создается новое слово (из фонических элементов системы данного конкретного языка, приблизительно изображающих соответствующие звучания реальной действительности). Ср.: *buzz* 'жужжать, гудеть'; *honk* 'крик диких гусей', 'звук автомобильного рожка'; *hum* 'жужжать', 'гудеть'; 'напевать с закрытым ртом'; *twang* 'звук натянутой струны' и т. д.

Каково же место ономатопеи в словообразовании? К какому из двух типов словообразования принадлежит она — к моделированному или немоделированному?

Образование ономатопов одноактно, непроцессуально. Это — черта, несомненно сближающая ономатопею с моделированным словообразованием.

Как обстоит, однако, дело с категорией модели применительно к ономатопеи? Прежде всего, релевантно ли само понятие модели для ономатопического словообразования?

В принципе наиболее очевидным свидетельством существования словообразовательной модели можно считать наличие ряда, состоящего из того или иного числа слов, имеющих общий для них элемент словообразовательной структуры и объединенных общностью значения. Если такие ряды обнаруживаются в области изобразительной лексики, то мы вправе поставить вопрос о существовании словообразовательных моделей ономатопов.

Рассмотрим следующий лексический ряд: *flush₁* 'взлететь (с шелестом крыльев)'; *flap* 'шелест и хлопанье разевающегося флага или крыльев птицы'; *flash уст.* 'быстро катиться (о волнах), 'плескаться'; 'хлестать'; 'проноситься'; 'болотистое место', *flish уст.* 'рубить (саблей)'; 'полосовать', *flush₂* 'шум хлынувшей воды', *flip* 'щелкать (пальцем)'; 'слегка ударять (хлыстом)', *flop* 'внезапно бросить (ся) (с последующим глухим ударом)'; 'бить крыльями'; 'полоскаться (о парусах)', *flump* '(стремительно) бросаться, падать с приглушенным звуком'; 'хлоп'. Нетрудно убедиться, что всем ономатопам этого ряда присущ вполне определенный общий элемент семантики, в основе которого лежит обозначение шелеста (шипения, свиста), представляющего либо самостоятельное звучание (*flush_{1,2}*, *flash*, *flish*), либо звучание, сопутствующее удару (глухому, как *flap*, *flip*, *flop*, или же приглушенному, гулкому, как *flump*). В первом случае ономатопы на /fl-/ представляют собою проявление структуры

$$\text{fric}^A (+ \text{son}^{\text{lat/lab}}) + \text{vōc} + \text{fric}^A;$$

во втором же случае — структуры

$$\text{fric}^A (+ \text{son}^{\text{lat/lab}}) + \text{vōc} (+ \text{son}^{\text{nas}}) + \text{plos.}$$

В том и другом случае обобщенное значение шелеста (шипения, свиста) при быстром, стремительном движении воздуха (воды) или какого-либо тела в воздухе (воде) связано в первую очередь с начальным глухим фрикативным, и начальное /f-/ (в сочетании с латеральным сонорным) предстает как носитель элемента семантики, общего для всего лексического ряда ономатопов на /fl-/.

Каждый ономатоп этого ряда входит, в свою очередь, в какой-либо другой лексический ряд, перекрещивающийся с первым и также характеризующийся наличием общего структурного элемента и обобщенного значения (элемента семантики, общего

для всего лексического ряда). Так, *flush*⁸ входит также в ряд звукоподражательных образований на /-uʃ/: *whush* *диал.* 'шестеть (о ветре)', 'шуметь (о воде)';⁹ *whoosh* /-u-/ 'производить шелестящий звук (при стремительном движении по воздуху)'.¹⁰ Далее, *flap* входит также в ряд образований на /-ap/¹¹ или /-əp/: *swap aρχ.* 'ударять сплеча'; 'полосовать'; 'хлестать', *slap* 'громко шлепать'; 'хлопать'. *Flash* является членом ряда на /-aʃ/ или /-æʃ/: *slash*₁ 'рубить (саблей), ударять сплеча'; 'хлестать', *swash* 'помой'; 'стремительно движущаяся масса воды'; 'хлынуть, плескать (ся)'; 'размахивать (саблей)', *slash* *амер. диал.* 'болотистое место'. *Flish* входит в ряд ономатопов на /-iʃ/: *hish* *диал.* 'шипеть, свистеть', *whish* 'производить тихий свистящий или шелестящий звук', *swish* 'рассекать воздух со свистом (шелестом)', *shish* 'долгий свистящий звук крыльев', *sish* *амер. диал.* 'мелко раскрошенный лед, шуга'. *Flush*₂ является также членом ряда на /-uʃ/ или /-ʌʃ/: *slush* 'слякоть'; 'шуга, ледяное сало'; 'тяжелый плеск', *hush* *сев.* 'шум воды', *акуст.* 'шипение'. *Flip* — член ряда образований на /-ip/: *swip* 'полосовать, хлестать', *whip* *уст.* 'хлопать крыльями'; 'трепаться (о парусе)', также 'хлестать, сечь'. *Flop* входит в ономатопический ряд на /ɔp/: *swop* (то же, что *swap*), *whop* 'колошматить'. И, наконец, *flumpr*¹² является также членом ряда на /-impr/, или /-ʌmpr/: *thump* 'ударять с приглушенным звуком, хлестать', *slump* 'шлепнуться (с приглушенным звуком) в воду или грязь'; 'удирать сильно и звонко', *w(h)ump* 'звук падения тяжелого тела на мягкую поверхность'; 'гулкий звук (барабана)'. Наглядно это можно представить в виде следующей схемы:¹³

	<i>flush</i> ₁	<i>whush</i>	<i>whoosh</i>	
	1300	1581	1556	
	flap	swap	slap	
	1320	1400	1632	
	<i>slash</i> ₁	<i>flash</i>	<i>swash</i>	<i>slash</i> ₂
	1382	1387	1528	1799
	hish	flish	whish	swish
	1388	1400	1518	1576
	<i>flush</i> ₂	<i>slush</i>	<i>hush</i>	
	1548	1641	1821	
	<i>swip</i>	<i>whip</i>	<i>flip</i>	
	1205	1250	1594	
	swop	whop	flop	
	1400	1400	1602	
	<i>thump</i>	<i>slump</i>	<i>flump</i>	<i>w(h)ump</i>
	1537	1677	1790	1915

Как видно из схемы, ономатоп *flish*, например, образован, с одной стороны, по образцу слов на /fl-/ (*flush*, *flap*, *flash*), с другой — по образцу слова на /-iʃ/ (*hish*); в то же время *flish* в совокупности с предшествующими ему ономатопами обоих пересекающихся рядов образует ту аналогическую цепь, по которой идет дальнейшее образование *flush₂*, *flip*, *flop*, *flitir* и, соответственно, *whish*, *swish*, *shish*, *sish*. Сходное положение имеем и в других случаях ономатопов на /fl-/.

Рассмотренные ряды ономатопов показывают, таким образом, наличие определенных черт, присущих словообразовательной модели: в структуре членов каждого ряда налицоует общий элемент, объединяющий члены ряда по признаку обобщенного значения (подобно тому, как это наблюдается, например, в частных моделях аффиксального словаобразования).

Нельзя, однако, игнорировать тот факт, что ономатопические ряды в то же время существенно отличаются от рядов моделированного (в частности, аффиксального) словаобразования.

Укажем на две специфические черты ономатопических рядов. Во-первых, строительным материалом при ономатопическом словообразовании служат единицы, занимающие как бы промежуточное положение между фонемами и обычными морфемами. Это так называемые root-forming morphemes Л. Блумфильда, phonesthemes Фирта—Хаусхолдера—Болинджера, formal parts of a morpheme Ю. Найды, elementы Ф. Копечного, или symbols X. Марчанда.¹⁴ Во-вторых, ономатопические словообразовательные ряды далеко не так монолитны, продуктивны и всеобъемлющи, как ряды, образуемые по морфологическим словообразовательным моделям.

И это приводит нас вновь к вопросу о соотношении моделированного и немоделированного словаобразования в целом и о месте ономатопеи как словообразовательного явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Грамматика русского языка, т. 1. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 12. — В ней отмечается, что вопрос о «способах (или правилах) образования новых слов» и составляет «предмет словаобразования».

² См.: А. В. Мачина. Обратное образование слов (реверсия) в английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1962.

³ J. Ružička. Z. problematiky slovotvorných modelov. Prace filologiczne, t. XVIII, cz. 2. Warszawa, 1964, стр. 127.

⁴ Например: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1938, стр. 174.

⁵ С. И. Абакумов. Современный русский язык. М., 1942, стр. 115.

⁶ См., например: Z. Wittich. Les onomatopées forment-elles un système dans la langue? Annali Istituto Orientale di Napoli. Sezione linguistica, IV, 1962, p. 109.

⁷ Обозначения: *fric^A* — фрикативный (глухой), *son^{lat/lab}* — сонорный латеральный либо губной (медиальный) щелевой; *vōc* — (краткий) гласный; *son^{nas}* — сонорный носовой; *plos* — взрывной (глухой либо звонкий).

⁸ Первоначальное произношение /fluʃ/.

9 Соотносимо с *hush*.

10 Соотносимо с *whish*.

11 Первоначальное произношение образований на -ap, -ash, -ush, -ump:
/-ap/, /-aʃ/, /-uʃ/, /-ump/.

12 В следующих двух примерах (приводимых в *Oxford English Dictionary* s. v. *flump* sb., v.) отчетливо видна возможность возникновения шелестящего звука, сопровождающего удар (хлопанье) или стремительное движение: "The heavy flump flump of the huge cloth..."; "A hawk flumps or flops on a bird".

13 Цифры на схеме обозначают примерную дату появления слова в письменных источниках (данные по *OED*). Для удобства рассмотрения слова приведены в их современной форме.

14 См.: L. Bloomfield. *Language*. N. Y., 1933, p. 245; J. R. Firth. *Papers in Linguistics* 1934—1951. L., 1957, papers 4, 15; F. Householder. *On the Problem of Sound and Meaning. "Word"*, vol. II, 1946, p. 83; D. Bolinger. *Rime, Assonance and Morpheme Analysis. "Word"*, 1950, No 2, p. 130; E. Nida. *A System for the Description of Semantic Elements "Word"*, 1951, No 1, p. 6; F. Korečný. *Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární příbuznosti*. *Езиковедски изследвания* в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, стр. 369; H. Marchand. *Phonetic Symbolism in English Word-Formation*. *Indogermanische Forschungen*, Bd. LXIV, 1959, N. 2, S. 146 ff.

Summary

Attention is drawn to the fact that: a) onomatopoeia as a means of word-formation is a marginal phenomenon, tending to combine certain features of patterned and non-patterned word-formation; b) clear-cut onomatopoeic word-formation patterns are a linguistic reality which is evidenced by English onomatopoeia; c) phonesthemes comprising the word-formational 'brick-work' of an onomatopoeic root hold an intermediate status — halfway between 'regular' phonemes and full morphemes.

ЗВУКОИЗОБРАЖЕНИЯ ЩЕЛКАЮЩИХ И ДЕНТАЛЬНЫХ АРТИКУЛЯЦИЙ И НЕКОТОРЫЕ АКУСТИЧЕСКИЕ ОНОМАТОПЫ

C. B. Воронин

Для любого ономатопа (звукоподражательного слова) характерна, как известно, фонетическая мотивированность.¹ Детальное рассмотрение ономатопов, однако, показывает, что сама эта фонетическая мотивированность может быть различна по своему характеру. Так, для акустического ономатопа, в котором находит отражение «подражание» звукам (звуканиям) окружающей действительности, типичной является акустическая мотивированность (и фонемы здесь важны в первую очередь как акустические сущности: «взрывные», «дрожащие», «звонкие фрикативные» и т. д.). Для артикуляторного же ономатопа, в котором находит отражение «воспроизведение» звуковых физио-

логических процессов человеческого носа, рта или горла, типична артикуляторная мотивированность (и фонемы здесь важны прежде всего как артикуляторные сущности: «смычные», «губные», «переднеязычные» и т. д.). Хотя ономатопея акустическая и артикуляторная — два существенно различных вида ономатопеи, они теснейшим образом взаимосвязаны. Эта взаимосвязь может проявляться в интерференции акустической и артикуляторной ономатопеи. Соответствующие ономатопы имеют смешанную акустико-артикуляторную мотивированность. Таковы, например, случаи, когда звукоизображение осуществляется не прямо и непосредственно акустическими средствами (звукание определенного акустического типа звукоизобразительно передается фонемами, принадлежащими к тому же акустическому типу), а как бы опосредованно, средствами артикуляторной ономатопеи («внешний» звуковой процесс «моделируется» сходным — в определенных чертах — «внутренним» звуковым физиологическим процессом). Рассмотрим два наиболее характерных случая.

1

К первому случаю относится ряд английских звукоизображений щелканья, хлопанья, стука, шлепанья, а также чавканья грязи: наличие некоторых фонем в их составе (переднеязычной латеральной и губных фонем, а также палатоальвеолярной аффрикаты) не поддается объяснению лишь с позиций акустики, будучи объяснимо прежде всего в плане артикуляторной ономатопеи, в частности через звукоизображения щелкающих артикуляций исспираторных (недыхательных) звуковых физиологических процессов полости рта.

Рассмотрим эти звукоизображения.

Щелкающие артикуляции всегда связаны с сосательными (не всасывающими!) движениями, производимыми без участия дыхания. Сюда относятся артикуляции: губная (чмоканье) и язычные; последние подразделимы на латеральную переднеязычную (собственно щелканье)² и среднеязычную (чавканье).

Механизм щелкающих артикуляций в общих чертах таков.³ Вначале происходит одновременное запирание ротовой полости с двух концов: сзади — заднеязычно-увулярной смычкой, спереди — губно-губной смычкой (при чмокании), или переднеязычно-небной смычкой (при щелкании), или же среднеязычно-небной смычкой (при чавкании). Далее, благодаря сосательным движениям (сокращение различных мускулов в полости рта), воздух в этом замкнутом резонаторе разряжается, чем создаются условия для возникновения звука щелчка. Затем происходит раскрытие (резкое либо постепенное) передней смычки; наружный воздух врывается в ротовую полость, производя характерный чмокающий, щелкающий или чавкающий звук. Задняя смычка обычно раскрывается бесшумно (или же с очень

слабо слышимым звуком). Благодаря заднеязычно-увулярной смычке полость рта отключается от носовой полости, дыхание происходит беспрепятственно через нос; отсюда — частая назализация фонем (особенно губных) в соответствующих ономатопах.

Губная артикуляция

Губная (губно-губная) щелкающая артикуляция — это чмоканье («смакование»). Соответствующие ономатопы обозначают чмокающий звук, производимый губами при смаковании пищи, при поцелуе, при питье и т. п. Наиболее точное звукоизображение — губной щелкающий согласный $\Theta [k]$ (взрывной либо аффрицированный). Поскольку, однако, в большинстве (современных) языков мира отсутствуют щелкающие фонемы, в звукоизображательных обозначениях чмоканья наличествуют, как правило, аппроксимирующие их сходные по месту образования смычные губные фонемы: ср. рус. *смак-*, *чмок-*; киргиз. чол; венг. *csempteg*; индонез. (ke) *tpur*.

Английские звукоизображения таковы: *smack* 'чмокать губами', *pop* 'чмокать губами'.

Оба английских ономатопа в дальнейшем могли выступать и как акустические ономатопы: *smack* 'щелкать (бичом)', *pop* 'хлопать, выстреливать (о пробке)'.

Латеральная переднеязычная артикуляция

Латеральный переднеязычный (переднеязычно-небный) тип щелкающей артикуляции — это собственно щелканье [lΔ—//¹k] (щелканье в узком смысле термина). В смычке здесь участвует вся поверхность передней части языка, сам же кончик языка остается примкнутым к небу, а взрыв осуществляется спинкой языка; эта артикуляция сходна с артикуляцией переднеязычных латеральных аффрикат (как, например, /t^l/ в рус. *мётл* /m'ot^l/).⁴ Как особые фонемы латеральные аффрикаты в английском (как и в большинстве других языков) не встречаются: необычным является и сочетание /tl-/⁵ (поэлементно аппроксимирующее боковую аффрикату), и в звукоизображениях щелканья языком отражается, как правило, лишь один элемент — /t/ либо /l/. С элементом /t/ можно назвать английский ономатоп *tchick* 'щелкающий звук (произносимый при понукании лошади)'.

В отношении же отражения второго элемента — /l/ необходимо сказать следующее. Наличие в ономатопе, обозначающем неспираторный процесс, губных смычных фонем служит (как это следует из отмеченного выше) показателем губно-губной чмокающей артикуляции процесса-денотата; наличие переднеязычного взрывного указывает на переднеязычно-небную щелкающую (в собственном смысле) артикуляцию обозначаемого

процесса; наличие же палатоальвеолярной (т. е. небно-альвеолярной) аффрикаты служит (как мы увидим ниже) показателем среднеязычно-небной чавкающей артикуляции. Наблюдается, таким образом, достаточно строгое соответствие, прямое либо аппроксимированное, между характером артикуляции определенных фонем в составе артикуляторного ономатопеи и характером артикуляции обозначаемого звукового физиологического процесса.⁶ Если это так, то логично предположить, что латеральная фонема /l/ в обозначениях неспираторных процессов ротовой полости является отражением *l*-образного элемента щелкающей артикуляции (и отражением *l*-элемента латеральной аффрикаты). Здесь следует в первую очередь привести международное бесписьменное междометие со значением 'вкусно' → 'приятно' (заключающееся в прищелкивании языком), араб. LKLK 'прищелкивать языком',⁷ чуваш. шалк 'подражание щелканью языком, а также щелканью щеколды', рус. щелк (ср. сам термин «щелкающие звуки»).

Сюда же принадлежит английский ономатопеи click 'щелкать языком'; (фонет.) 'кликс, щелкающий звук', который может выступать как акустический ономатопеи: click 'щелкать щеколдой и т. п.'. Латеральная фонема /l/ в акустическом ономатопе click 'щелкать щеколдой и т. п.', таким образом, объяснима прежде всего в плане артикуляторной ономатопеи.

В этом же плане, как это представляется, лежит объяснение наличия латеральной фонемы в акустических ономатопеях на /kl/, в составе денотата которых мы имеем удар (щелканье, стук, хлопанье): clip 'резать ножницами (с характерным щелчком)', clap 'хлопать' и под., а также clink 'издавать при ударе отрывистый звенящий звук', clash 'громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков' и т. д.

В акустических ономатопеях на /pl/, /bl/, в составе денотата которых имеется удар (щелканье, стук, хлопанье, шлепанье), сочетание губной взрывной фонемы с /l/ является отражением комбинированной чмокающе-щелкающей артикуляции (на стадии первичной имитации), в которой передняя смычка осуществляется внутренней стороной верхней губы и загнутым вверх и назад передним краем или кончиком языка (разновидность шутливой имитации звука откупориваемой бутылки). Примеры соответствующих ономатопеи: plup-plup 'подражание звуку лопающихся пузырьков газа', plup 'плохаться в воду; шлепаться, ударяться' и др.

Среднеязычная артикуляция

Среднеязычная (среднеязычно-небная) щелкающая артикуляция — это чавканье. Наиболее частое при чавкании нерезкое отрывание языка от неба (и постепенное образование щели) после смычной стадии «сосущего» движения языка, с силой

прижатого к небу, обуславливает выбор аффрикаты (как фонемы со смыслно-щелевой артикуляцией) в соответствующих звукоизображениях. Характерная для чавканья среднеязычно-небная смычка (язык с силой прижимается к твердому небу) обычно аппроксимируется в звукоизображении сильным прижатием, как правило (особенно на стадии первичной имитации и в экспрессивной речи), передней части языка к альвеолам (либо зубам) и к передней части твердого неба и значительным приближением средней части языка к твердому нёбу. Приближение это следует за артикуляцией первого (смычного) элемента в палатоальвеолярной («небноальвеолярной») аффрикате /tʃ/ или /dʒ/. Ср.: венг. csámcsoq, чуваш. чапка, индонез. (ker) tjap (также обозначает 'чмоканье'), оромо⁸ djam-djam.

В английском языке обозначениями «внутреннего» звукового физиологического процесса чавканья служат ономатопы *tmunch* 'жевать, чавкать' и *champ* 'чавкать, жевать', 'раздавливать (с чавкающим звуком', 'растаптывать', 'подавлять'.

Присутствие «чавкающей» аффрикаты в *champ* как акустическом ономатопе (*champ* 'раздавливать с чавкающим звуком') становится понятным лишь при обращении к *champ* как артикуляторному ономатопе (*champ* 'чавкать, жевать'): «внешнее» звучание «моделируется» «внутренним» звуковым физиологическим процессом.

Средствами преимущественно «внутренней», артикуляторной ономатопеи передается «внешнее» звучание — чавканье грязи и т. п. в следующих акустически звукоизобразительных в своей основе лексемах: *chork* 'производить резкий отрывистый чавкающий звук (о промокшой обуви)', *trudge* 'идти с трудом, но упорно', 'подражание резкому чавкающему звуку', *plodge* 'брести с трудом, проваливаясь в рыхлый грунт, грязь или воду', (*s*)*quelch* 'раздавить ногой', 'чавкать, хлюпать', *squidge* 'звук, производимый при вдавливании чего-либо в грязь'.

Международность звукоизображений чавканья грязи и т. п. с палатоальвеолярной аффрикатой известна (ср. *Oxford English Dictionary*, s. v. *champ*). Ср. также у Р. Уилкинсона⁹ «Шлепанье (*squelching*) по грязи или мелководью — частое явление в сельской местности в Малайе, и мы имеем большое количество слов (в таком далеком от английского языка, как малайский. — *C. B.*) с 'ch' в их составе... 'Ch' в звукоподражательных словах передает чавкающий, хлюпающий звук (*squishing* or *squashing*): *chak*, *chup...* *chēpēlok*, *chērēgur*, *cheret*, *chirit*, *churat*, *chuchur...* *lēchap*, *lichun...*». Ср. далее: малайск. *ljak-ljok* 'чавкающий звук при еде либо при хождении по грязи' (ср. аналогичную семантическую структуру английского *champ*), *betjak* 'грязь на дороге', турецк. *vırç* 'звук, издаваемый предметом, погруженным во что-либо вязкое, липкое'.

Итак, в ряде случаев акустические ономатопы имеют (в про-

тивоположность обычной для них акустической мотивированности) смешанную акустико-артикуляторную мотивированность. Она проявляется в том, что присутствие некоторых фонем акустического ономатопеи, в составе денотата которого имеется удар (щелчок, хлопок, стук), или ономатопея, денотат которой — чавканье грязи, не объяснимо с позиций одной лишь акустики, будучи объяснимо прежде всего в плане артикуляторном, в частности через звукоизображения щелкающих артикуляций чмоканья, собственно щелканья и чавканья. Так, губные фонемы /p, b, m/ представляют собою отражение губной чмокающей артикуляции «внутреннего» звукового физиологического процесса, «моделирующего» сходный с ним «внешний» звуковой процесс. Ср.: пор ‘хлопать, выстреливать (о пробке)’, ‘лопаться’ (←‘чмокать губами’), ‘щелкать (бичом)’ (←‘чмокать губами’). Переднеязычная латеральная фонема /l/ отражает *l*-образный элемент переднеязычной латеральной собственно щелкающей артикуляции: ср. *click* ‘щелкать щеколдой и т. п.’ (←‘щелкать языком’). Сочетание /pl-, bl-/ является отражением комбинированной чмокающе-щелкающей артикуляции: ср. *plup-plup* ‘подражание звуку лопающихся пузырьков газа’. Переднеязычная палатоальвеолярная («небноальвеолярная») «чавкающая» аффриката /tʰ/ или /dʒ/ представляет собою отражение среднеязычно-небной чавкающей артикуляции: ср. *chork* ‘производить резкий отрывистый чавкающий звук (о промокшой обуви)’.

II

Рассмотрим еще один весьма специфический случай интерференции, относящийся к ряду английских звукоизображений стука и щелканья, наличие в составе которых дентальной носовой фонемы не поддается объяснению лишь с позиций акустики, будучи объяснимо прежде всего в плане артикуляторной ономатопеи, через звукоизображения дентальных (зубных) артикуляций звуковых физиологических процессов.

Ряд звуковых физиологических процессов, происходящих с участием зубов, — собственно кусание, обгрызание, гладание, сдавливание зубов (при сжатии челюстей), растирание пищи зубами (особенно со скрежетом) и т. д. — целесообразно объединить под общей рубрикой «кусание». Зубы при кусании являются активным артикулятором. При кусании возможен как вдох, так и выдох; в том и другом случае воздушная струя проходит через нос.

В группе, объединяющей ономатоны со значениями ‘кусать (зубами)’, ‘сжимать (зубы)’, ‘стучать, щелкать (зубами)’, ‘сжимать, стучать, щелкать (вообще)’, мы находим сложное и чрезвычайно своеобразное переплетение артикуляторной ономатопеи и ономатопеи акустической.

Ономатопы со значением кусания

Основным моментом при кусании является энергичное сжатие, сдавливание зубов. Если кусание производится отрывисто и быстро, возможен стук, щелканье зубов. Понятно поэтому наблюдаемое в различных языках участие зубных фонем в звукоизображениях кусания (ср., например, семит. 'DD 'кусать, сжимать зубы', KDKD 'щелкать зубами, стучать (о зубах)'.¹⁰ Вполне объяснимо и обозначение понятия «есть» (= 'откусывать зубами')¹¹ словами, родственными по корню обозначениям понятий «зубы» (последние же, как можно было ожидать, имеют в качестве элемента своей структуры зубную фонему¹²). Ср.: лат. edere,¹³ санскр. admi, хеттск. adai и англ. eat (OE etan) 'есть, откусывать зубами'. Ср. также: англ. tooth (OE tōf), лат. dens/dentis,¹⁴ санскр. danta — все с зубной фонемой.

Поскольку при кусании воздух может беспрепятственно проходить через нос, возможна назализация зубного; в таком случае /p/¹⁵ в составе соответствующего ономатопы, помимо своей более обычной роли показателя прохождения тока воздуха через носовую полость, выполняет также роль индикатора «зубного» характера процесса;¹⁶ строго говоря, именно эта вторая функция является в этом случае основной. Ср. ономатопы: pír 'кусить, тяпнуть (о собаке)', 'сжимать (судно во льдах)'; tex. 'откусить, зажать'; nibble 'обгрызать, покусывать, щипать (траву)', есть маленькими кусочками' (ср. более позднее nib); pag diał. 'грызть, гладить, притираться, «пилить».

Для кусания, гладания, а также сдавливания, сжимания, скрежетания зубов характерна, помимо указанных моментов, также сдавленность, напряженность горла, что может отражаться в ономатопе начальными гуттуральными фонемами (наиболее близкими неречевым горловым звукам). Резкий скрежещущий звук обычно передается фонемой /r/.¹⁷ Если обозначается скрежет зубов, то в составе ономатопы — фонема /r/ и носовой или/и неносовой дентальный, либо только носовой дентальный: grit (OE greo^þ) 'песок, гравий', 'производить скрипучий звук (например, при хождении по песчаной дорожке)'; скрежетать (зубами); grate 'тереть (теркой)', 'скрежетать (зубами)', 'скрипеть, раздражающе действовать'; grind 'молоть, точить, скрежетать (зубами)'; gnash (ME gnastan) 'растирать зубами, кусать (со скрежетом зубов)', скрежетать (зубами)', 'смыкать зубы со щелчком'; gnaw (OE gnagan) 'грызть, гладить'; gnar шотл. 'кусать, щелкать зубами (о человеке, о животных)'; gnip 'прищемить, зажать, откусить (кусок)', 'тяпнуть (о собаке)' и т. д.

В начальной позиции перед дентальным носовым может стоять /s-/ (носящий по существу протетический характер): snatch (ME snacchen) 'хватать зубами', 'хватать (ся) руками

и т. д.); *snack* 'кусать'; 'цапать (зубами)', 'перекусить (на ходу)' (*snatch* родственно *snack*, которое имеет коррелят без /s/: *snacket* *шотл.* 'легкий завтрак').

Говоря об артикуляторных ономатопах, обозначающих «зубной» физиологический процесс кусания, следует подчеркнуть в первую очередь тот момент, что определяющим элементом состава этих ономатопов является зубной носовой /п/, который выполняет двоякую функцию: служит показателем «зубного» характера процесса и одновременно указывает на прохождение дыхательной струи через носовую полость.¹⁸

В отношении семантики рассмотренных образований необходимо заметить, что ономатопы, обозначающие «зубной» процесс кусания у человека, могут, как правило, обозначать и кусание, производимое животными. Несомненно, что в последнем случае мы имеем передачу «внешнего» акустического процесса средствами «внутренней», артикуляторной ономатопеи (т. е. через уподобление его сходному физиологическому процессу у человека).

Рассмотрим далее подгруппу ономатопов, совмещающих «артикуляторное» значение кусания и «акустическое» значение стука и щелканья.

Ономатопы со значением кусания и стука, щелканья

Наиболее отчетливо оба указанных значения прослеживаются в двух ономатопах на /sn-/ (начальный /s/ — протетический): *snap* (1530)¹⁹ 'цапнуть, укусить', (1573) 'со щелчком сомкнуть зубы', (1602) 'сломать ч.-л. с резким щелчком или треском'; (1671) 'щелкать (пальцами и т. д.)'; *snip* (1586) 'откусить (о человеке)', 'цапнуть (о животном)', 'хватать зубами'; (1593) 'резать (ножницами, с легким щелчком)').²⁰

Исходным значение кусания было также и в более ранних голландских и нижненемецких соответствиях — *snappēp* и *sniprēp*.²¹ Семантический переход 'резкое движение' зубов (челюстей) → 'резкое движение ножниц (при резании)' становится особенно понятным в свете известного наблюдения Дарвина²² о том, что «существуют ... движения, которые при определенных обстоятельствах производятся обычно независимо от привычки и которые, по-видимому, вызываются подражанием или какого-то рода симпатией». Можно, например, увидеть, как люди, режущие что-либо ножницами, *двигают в то же время челюстями* в такт ножницами» (курсив наш. — С. В.).

Менее четкую картину дают ономатопы *knack* (ок. 1380) *уст.* 'отрывистый звучный стук'; (ок. 1489) *диал.* 'стучать, щелкать зубами', 'щелкать пальцами'; (ок. 1563) 'звук удара'; *knar* (ок. 1400) *уст.* 'отрывистый удар', 'сильный стук'; (1535) 'сломать ч.-л. с резким щелчком или треском'; (1575) *диал.* 'отрывисто кусать'; 'отчеканивать слова'. В этих английских ономатопах значение кусания, щелканья зубами зарегистрировано позже,

нежели значение стука, щелканья вообще. Возможно, однако, что сравнительно более поздняя регистрация в письменных памятниках значения щелканья зубов, кусания связана с тем, что указанные два ономатопеи являлись в этом значении диалектизами. Так или иначе связь значений щелканья и кусания в англ. *knack* и *knar*²⁴ несомненна, как несомненна она, например, и в нем. *knacken* 'щелкать, трещать', 'грызть (орех)',²⁵ *knarren* 'кусать, грызть, разламывать' (ср. голл. *knarren* 'есть').

Ономатопы со значением стука, щелканья

К этой подгруппе относятся ономатопы: *knock* (OE *spocian*) 'сильно ударять, стучать (особ. в дверь)', *knick* уст. 'стук или щелчок (например, пальцами)'. В английском языке *knock* и *knick* не связаны с обозначением кусания или сдавливания зубов (при сжатии челюстей). За пределами же английского языка мы находим, например, наряду с др.-сканд. *knoka* 'ударять, стучать' и нидерл.-нем. *knikken* 'лопаться', 'раскалывать(ся)', также ср.-верхн.-нем. *knochen* 'жать, давить' и др.-сканд. *kneikia* 'жать; сдавливать' (<**gneig-* или **gen-*).²⁶ Переплетение столь далеких на первый взгляд значений удара и сдавливания может быть удовлетворительно объяснено, если предположить изначальную «артикуляторную» звукоизобразительность этимонов английских *knock* и *knick*: отрывистое движение (стук, щелканье) зубов или медленное движение (сдавливание) зубов (при напряженном горле) как звукоизображение кусания либо как подражание стуку, щелканью или сдавливанию вообще (ср. сходную семантическую структуру англ. *chack* 'сдавливать ч.-л. челюстями, а также закрывать дверью и т. п.', 'стучать, щелкать' — здесь совмещение тех же значений сдавливания и стука, но при иной, не зубной и горловой, а среднеязычно-небной локализации фокуса артикуляторного напряжения). Это позволяет объяснить и наличие в соответствующих ономатопеях гуттурального и зубного носового.²⁷ Таким образом, и ономатопеи *knock* и *knick*, не имеющие в английском языке значения кусания, щелканья зубами или сдавливания зубов, следует считать изначально соотнесенными с этим значением — через их более ранние соответствия в германских языках. В свете этого становится понятной специфика фонетического состава этих акустических ономатопеи и, в частности, наличие в них дентальной носовой фонемы.

Итак, в некоторых случаях наблюдается интерференция акустической и артикуляторной ономатопеи, и акустические ономатопеи имеют (в противоположность обычной для них акустической мотивированности) смешанную акустико-артикуляторную мотивированность. Последняя проявляется в том, что наличие некоторых фонем акустического ономатопеи, обозначающего удар (стук, щелчок), не объяснимо с позиций одной лишь аку-

стики, будучи объяснимо прежде всего в плане артикуляторном. Так, дентальная носовая фонема /p/ представляет собою отражение дентальных артикуляций стука, щелканья зубов прикусаний, сдавливания зубов при сжатии челюстей и т. п.— артикуляций «внутренних» звуковых физиологических процессов, «моделирующих» сходный с ними (в определенных чертах) «внешний» звуковой процесс. Ср. knock 'стучать' (ср. ср.-верхнем. *knochen* 'жать, давить'), snap 'щелкать пальцами и т. д.' (← 'кусить; со щелчком сомкнуть зубы').

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: S. Ullmann. Semantics. Oxford, 1962, p. 80 ff; I. Arnold. The English Word. Moscow—Leningrad, 1966, p. 28.

² Выделима также медиальная переднеязычная щелкающая артикуляция — цоканье. Пример соответствующего ономатопеи — tut (или tck, tck) 'восклицание, выражающее нетерпение, досаду и т. п.' (произносится как /tʌt/, либо как медиальный переднеязычный щелкающий согласный). Специально, однако, звукоизображения цоканья в настоящей статье не рассматриваются, поскольку они не имеют «выхода» в акустическую ономатопею и не имеют отношения к вопросу об акустико-артикуляторной мотивированности.

³ См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 111, 172—173; ср.: А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965, стр. 36.

⁴ См.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, стр. 173, 162.

⁵ Ср., однако, замечание Д. Джоунса: D. Jones. The Pronunciation of English. Cambridge, 1955. «В начале слова перед /l/ некоторые произносят /t/ вместо /k/, как, например, в /lɪ:p/ (clean)... На письме это выглядит как очень странное произношение, однако в речи оно проходит почти не замеченным. Это — случай, когда две разные артикуляции дают в значительной степени сходные звуки» (р. 73).

⁶ Как показывает исследование артикуляторной ономатопеи, этот вывод верен (*mutatis mutandis*) для всех английских артикуляторных ономатопеев.

⁷ См.: А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках, стр. 37, 19. — Автор приводит также нем. lecken 'лакомиться, лизать', малайск. lerok и (под вопросом) рус. лаком-.

⁸ Оromo — язык народности галла (семито-хамитская группа).

⁹ R. Wilkinson. Onomatopoeia in Malay. — J. of the Malayan Branch of the Roy. Asiat. Soc., vol. XIV, 1936, pt. 3, p. 80.

¹⁰ Здесь и далее семитские корни приводим по А. М. Газову-Гинзбергу (Был ли язык изобразителен в своих истоках?). С семитским KDKD в значении 'стучать (о зубах)' ср. английские обозначения дрожи, несомненно возникшие как подражание многократному стуку зубов, дрожанию челюстей (от холода, слабости и т. п.): didder *dual*. 'дрожать, трястись' (ср. пример OED. s. v. didder: «*Her knocking knees, and diddering teeth*»), dodder 'дрожать, трястись (от слабости, старости)', totter 'идти неверной походкой, трястись'. Ср. также евр., араб. R'D 'дрожать', баскск. *dirdira* 'дрожание'.

¹¹ Ср. замечание А. Иоханнессона (A. Jóhannesson. Origin of Language. Reykjavík, 1949, p. 92) о корне *ed-* (например, в лат. *edere* 'есть'): «*to eat with the teeth*».

¹² Альвеолярные [t], [d], [n] современного английского языка также считаются в широком смысле зубными.

¹³ Русск. есть (<*edti), однокоренное с лат. *edere*, не имеет, однако, коррелята в виде однокоренного же обозначения понятия «зуб». Русск. *зуб* восходит к санскр. *jámbhas* (и.е. *gomgh-) 'зуб, пасть', значение 'пасть' (=то, что хватает) делает вероятной этимологизацию русск. *зуб* по линии звукоизображений хватаания ртом, строящихся по типу «гуттуральный+открытый

гласный+губной» (о них см.: А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках?, стр. 38—39, 19).

14 "... den-(dent)... imitation of the movement of the teeth in eating" (A. Jóhannesson. *Origin of Language*, p. 92).

15 На стадии первичной имитации это /n/ — глухое.

16 Ср. роль /n/ как показателя участия зубов в артикуляции жеста: *grin* (<OE. *grennian*<др.-герм. **granjōjan*) 'скалить зубы, ухмыляться' (также в выражении «to grin with the teeth»).

17 Ср. по этому поводу: С. В. Воронин. Ономатопы-диссонансы. В сб.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, вып. I. Изд. ЛГУ, 1967; Его же. Некоторые замечания о звуке /r/ в английских ономатопах. Там же.

18 К обозначениям кусания относится также глагол *bite* (OE *bitan*) с пным фонетическим составом; значение кусания в этимонах *bite* является результатом семантического развития: исконное значение — 'раскалывать' (как в санскр. *bhedati*).

19 Здесь и далее в скобках — год первого засвидетельствования слова в определенном значении, по *Oxford English Dictionary*.

20 Ср. *nip* — без протетического /s/-.

21 Этимоном ср.-голл., ср.-нижне-нем., ср.-верхне-нем. *snappēn* считается ср.-верхне-нем. *snaben* 'цапнуть, укусить' (одного корня с ср.-верхне-нем. *snabel* 'нос, клюв'); с англ. *snar* ср. пев шотл. 'клюв'; 'рыльце, нос' — без /s/-/n/. Голл., нем. *snippen* имело значение 'хватать зубами'.

22 Ch. Darwin. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. L., 1892, p. 35f. — На это наблюдение Дарвина часто ссылаются в работах по ономатопее.

23 Имеется в виду симпатический характер этих движений.

24 С *knap* ср. *gnar* шотл. 'кусать, щелкая зубами (о человеке, о животных)'.

25 Ср. нем. *Knackwurst*: «Wurst, deren dünne Haut beim Hineinbeißen knackt» (F. Kluge. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 17. Aufl. Berlin, 1957, S. 379), а также швед. *knäckebröd* 'род сухарей или галет'.

26 См.: Webster's Third New International Dictionary (s. v. *knock*) и словарь Kluge (s. v. *knicken*). За пределами индоевр. языков корни, сходные фоносемантически с и.е. **gen-* 'to strike, press, smash, push, thrust', также встречаются; о них упоминает А. Йоханнессон (A. Jóhannesson. *Some Remarks on the Origin of the n-Sound*. Reykjavík, 1954, pp. 52—53, 41): полинез. *hohoni* 'to bite, wound slightly', *kini* 'to nip, pinch'.

27 Ср.: араб. 'DD 'сжимать зубы' (с глottочным звонким щелевым и зубно-зубным напряженным щелевым) и общесемит. 'SS (S — межзубный напряженный щелевой) — принципиально той же структуры: гуттуральный+дентальный.

Summary

In a variety of cases acoustic onomatopes evince a 'mixed' type of phonetic motivation, viz. acoustic-articulatory motivation. Two such cases are discussed in the present paper. One case in point is that of acoustic onomatopes, designating, for example, the 'click' of a door, explainable (in part) by reference to click echoisms, i. e. onomatopoeic designations of nonspiratory suction processes (e. g. the 'clicking' of one's tongue). Another case discussed is that of acoustic onomatopes designating, for instance, the 'snapping' of one's fingers, explainable (in part) by reference to onomatopoeic designations of dental articulations (e. g. the 'snapping' of one's teeth).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ ГРУПП И КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ ИСХОДА ОДНОСЛОЖНОГО СЛОВА

O. B. Гугелева

Весьма характерная для современного английского языка структура слова (С)CVC(С) это — результат длительной эволюции, определенным этапом в которой является древнеанглийский период. К концу древнеанглийского периода в языке заметно возрастает как число односложных слов с консонантными сочетаниями в исходе — CVCC(С), так и число закрытых слогов в дву- и многосложных словах.

В том и другом случае важную роль в образовании закрытых слогов играет синкопирование гласных в формах словоизменения имени и глагола. В результате синкопы двусложные слова превращаются в односложные, трехсложные — в двусложные и т. д.

Односложные слова со скоплением согласных в исходе получаются из двусложных при выпадении гласных чаще всего в глагольных суффиксах (2—3-е л. ед. ч. наст. вр.) сильных и слабых глаголов. Согласный (или согласные) исхода корневой морфемы объединяется с согласным (или согласными) суффикса. Так образуются сочетания двух, трех и четырех согласных:

dweleþ > dwelþ, 3 sg. pr. of dwellan;
bryrdeþ > bryrdþ, 3 sg. pr. of brydan;
beornest > beornst, 2 sg. pr. of beornan.

Двусложные слова из трехсложных получаются обычно при синкопе гласного основы в формах словоизменения древнеанглийского имени, а также при синкопе гласного в глагольном суффиксе прошедшего времени слабых глаголов I класса:

cicel, n. nom. sg. — cicles, gen. sg.;
ægen, adj. nom. sg. — ægnum, dat. pl.;
cirmian, v. inf. — cirmde, p. sg.

В последних случаях консонантные группы возникают в интервокальном положении. Интервокальные консонантные группы могут состоять из двух, трех, а иногда даже из четырех фонем — lstr, rhtr. Возникшие в интервокальном положении консонантные группы могли, вероятно, по-разному распределяться между двумя слоговыми центрами. Теоретически можно предположить ряд случаев. Например, самые многочисленные дву-

и трехфонемные группы могли, возможно, распределяться следующим образом:

CVC	— CVC	CVC	— CCVC
CVCC	— VC	CVCC	— CVC
CV	— CCVC	CVCC	— VC
		CV	— CCCVC

При этом в большинстве случаев первый, ударный, слог закрывается. Так в языке увеличивается число закрытых слогов.

Согласно общеизвестному в лингвистике положению Е. Куриловича,¹ последний согласный в интервокальной группе всегда является эксплозивным, т. е. принадлежит следующему слогу. Следовательно, слогоделение CVCC—VC и CVCCC—VC практически маловероятно. Однако все остальные предполагаемые возможности вполне вероятны, и первый слог в двусложном слове чаще получается закрытым.

По Е. Куриловичу, к имплозии (согласный или группа согласных, замыкающих первый слог) относится максимальная часть интервокальной группы, допустимая одновременно в конце слова. К эксплозии (согласный или группа согласных, начинаяющих последующий слог) относится максимальная часть группы, допустимая одновременно в начале слова.² Сравнив по структуре интервокальные консонантные группы с консонантными сочетаниями, типичными для древнеанглийского ауслайта,³ можно выяснить, какова была вероятность образования закрытых слогов в древнеанглийских двусложных словах и какой могла быть в этих двусложных словах структура консонантного исхода первого, закрывшегося слога.

Интервокальные консонантные группы возникают, как указывалось выше, в результате синкопирования гласных, но, кроме этого, они могут также возникать в формах словоизменения имени и без синкопы. В последнем случае, однако, консонантных групп возникает немного. К ним относятся консонантные группы, возникающие в формах множественного числа существительных среднего рода с основой на -es (например, lamb, пог. sg. — lambs, пог. pl.), группы в формах существительных и прилагательных с основами на -wa (например, beagles, пог. sg. — bearwes, gen. sg.), а также группы в формах сильного склонения прилагательных с основами на гласные (например, blaes, пог. sg. — blaespe, acc. sg.). В целом набор интервокальных консонантных групп, возникших как в результате синкопы, так и без синкопы, представлен следующими группами.⁴

Двуфонемные группы: cl, sp, sr, dd, dl, dn, dr, dw, dd, dn, dl, dr, fd, fl, fn, fr, ft, gd, gl, gn, gr, gs, ht, ld, lm, ln, lr, lp, lw,

md, mr, nd, nr, ng, pl, pn, pr, pt, rc, rd, rl, rn, rw, sd, sg, scn, sm, sn, st, sw, tl, tr, tt, wd, wl.

Трехфонемные группы: esl, ftc, htn, htr, lcs, lcr, ldr, lfd, lfr, lgd, ltr, mbd, mbl, mbr, mnd, ncr, nct, ndl, ngl, ngl, rdl, rfd, rgd, rgr, rgn, rht, rld, rmd, rmg, rnd, rnl, rpn, rpt, rtl, rfr, rwd, smr, str.

Большинство двуфонемных и трехфонемных групп образовано в формах имени. По структуре эти группы заметно отличаются от групп, образованных в формах глагола. Типичная двуфонемная группа в формах словоизменения имени это — «шумный + сонорный» (самая многочисленная) или «сонорный + сонорный», или «сонорный + шумный».

«Шумный + сонорный»: cl, cn, cr, dl, dn, dr, dw, dl, dr, fl, fn, fr, gr, gn, gl, pl, pn, pr, sm, sn, tl, tr.

«Сонорный + сонорный»: lm, ln, lr, lw, mr, nr, rl, rn, rw, wl;

«Сонорный + шумный»: ld, lp, rc, wd.

Групп из двух шумных всего две — gs, sg.

Типичная трехфонемная группа это — «сонорный + шумный + сонорный»: lcr, ldr, lfr, ltr, mbl, mbr, ncr, ndl, ngl, rdl, rpt, rtl, rfr, rgr, rgn.

Групп иной структуры гораздо меньше. Например, «два шумных + сонорный»: esl, htn, htr, str; «шумный + два сонорных»: smr; «сонорный + два шумных»: lcs; «три шумных»: ftc; «три сонорных»: rnl, rmg.

Все дву- и трехфонемные интервокальные консонантные группы, образованные в глагольных формах, отличаются от консонантных групп, образованных в формах имени, тем, что последний компонент в глагольных формах всегда дентальный (d или t). Сложившееся положение вещей объясняется просто: источником этих консонантных групп являются формы прошедшего времени слабых глаголов I класса, в которых при синкопе-гласного сталкиваются согласный (или согласные) корневой морфемы с согласным характерного для данных глагольных форм суффикса -(e)de.

Двуфонемные глагольные группы состоят обычно из шумных (ht, dd, fd, ft, gd, pt, st, sd, tt, dd), но есть также группы из сонорных с шумным (дентальным) — ld, md, nd, rd, wd. Обычная трехфонемная глагольная группа это — «сонорный + два шумных» (lgd, lfd, ngl, nct, rfd, rgd, rpt, rht, mbd), однако есть группы «два сонорных + шумный (дентальный)» — mnd, rnd, rwd, rld, rnd.

Некоторые двуфонемные и трехфонемные интервокальные группы являются общими как для существительных и прилагательных (cl, dr, dr, fn, lr, gr, lr, sg, tr, ldr, rfr), так и для существительных и глаголов (ld и wd). Вероятно, эти группы встречаются в языке чаще других.

В целом численность групп, образованных в формах имени, значительно превышает численность групп, образованных в

формах глагола, а самыми многочисленными интервокальными группами являются группы «шумный + сонорный» (среди двуфонемных групп) и группы «сонорный + шумный + сонорный» (среди трехфонемных).

Особенности интервокальных групп становятся очевидными при сравнении этих групп с сочетаниями согласных в ауслауте.

Самую многочисленную группу среди двуфонемных консонантных сочетаний в исходе древнеанглийского односложного слова составляют сочетания типа «сонорный + шумный»: *gr, lr, tr, pr, wf, rt, lt, nt, rc, lc, nc, mb, wd, rd, ld, nd, md, mg, ng, rs, lf, wþ, rþ, lþ, tþ, nþ, ws, rs, ls, rsc, lsc, rh, lh, rg, lg*.

Среди двуфонемных сочетаний ауслаута есть сочетания «сонорный + сонорный»: *lw, lr, wl, rl, ml, rm, lm, rn, ln, mn* и сочетания «шумный + сонорный»: *pl, tl, tm, cl, cn, dr, dl, dm, fl, fn, dl, dm, sl, sm, sn, gl, gn*.

Весьма обширную группу по сравнению с двуфонемными интервокальными группами составляют двуфонемные сочетания шумных в ауслауте: *pt, ct, ft, sp, st, sc, ht, fd, gd, pf, rþ, ps, cþ, cs, csc, ch, bs, ds, fþ, þs, sp, scþ, hþ, gþ, sg*.

Следовательно, строение двуфонемных групп в различных позициях — ауслаут и интервокальное положение — различно. Но это не значит, что при этом нет общих черт в том и другом случае. Как в ауслауте, так и в интервокальном положении есть группы «сонорный + шумный», «шумный + шумный», «шумный + сонорный». Поэтому, несмотря на то, что в ауслауте преобладают сочетания «шумный + шумный» и «сонорный + шумный», а в интервокальном положении преобладают группы «шумный + сонорный», общими для сочетаний ауслаута и для интервокальных групп являются: *pl, ll, cl, cn, dr, dl, fl, fn, dl, sm, sn, gl, gn, rc, wd, rd, ld, md, nd, ng, lþ, lw, lr, wl, rl, lm, rn, ln, pt, ft, st, ht, fd, gd*.

Что касается трехфонемных сочетаний в ауслауте, то в отличие от трехфонемных интервокальных групп в них чаще всего присутствует один сонорный в каждом сочетании. Сонорный может быть первым компонентом — *rcþ, rdþ, rgd, rgþ, rþ, rft, rht, rhþ, rþ, rps, rgþ, nct, ngþ, ngd, ngp, ncþ, nst, mst, lcs, lcþ, lsp, lhþ, lsr, lgþ, lct, llþ, lts, lds* или последним — *csl, csn, htm, stn, stm, stl*. Иногда встречаются два сонорных (чаще подряд): *lmd, rms, rmþ, rgþ, lhþ, mbl*. Три сонорных (*gn!*) — редкое явление. Три шумных подряд встречаются довольно часто: *cst, dst, fst, gsr, hst, pst, lsr, dst*. Хотя трехфонемные сочетания ауслаута отличаются от трехфонемных интервокальных групп, все же среди тех и других есть несколько групп, которые совпадают. Это — группы общие по структуре, т. е. «сонорный + два шумных» (*lcs, ngd, rgd, rht*), «два шумных + сонорный» (*csl*), «сонорный + шумный + сонорный» (*mbl*), «три сонорных» (*rnl*). Анализ дву- и трехфонемных интервокальных групп и консонантных сочетаний ауслаута показывает, что в ряде случаев

группы согласных совпадают по структуре. Исходя из этого можно заключить, что предположение, высказанное в начале работы относительно увеличения числа закрытых слогов в древнеанглийских двусложных словах, правомерно. Открытым предыдущий слог был, вероятно, тогда, когда двуфонемная интервокальная группа состояла из шумного и сонорного, поскольку структура «шумный + сонорный» типична для сочетаний анлаута.⁵ Совпадающие с анлаутными сочетаниями интервокальные группы *fr*, *gr*, *tr*, *cg*, *rg*, *fr*, *sw* могли, по всей вероятности, относиться к последующему слогу, оставляя предыдущий открытый. Интервокальные же группы *cl*, *cn*, *dr*, *fl*, *fn*, *gn*, *gl*, *pl*, *sn*, *st*, *wl* характерны как для анлаута, так и для ауслаута, а группы *dg*, *gs*, *pn*, *fn*, *rw*, *nr*, *dn*, *dd*, *sd* не совпадают ни с анлаутными, ни с ауслаутными сочетаниями.

Если двуфонемная интервокальная группа совпадает с сочетанием анлаута, то она, видимо, относится к последующему слогу, но если интервокальная группа не совпадает ни с анлаутным, ни с ауслаутным сочетанием или же совпадает с ауслаутным, то вполне вероятно, что она не относится к последующему слогу целиком, а разделяется между двумя слогами или замыкает полностью первый слог. Последний случай, однако, мало вероятен.⁶ Скорее всего первый слог в двусложном слове закрывается одним согласным.

Трехфонемные интервокальные группы иногда совпадают с трехфонемными сочетаниями ауслаута, но, как и двуфонемные, они вряд ли целиком и полностью замыкают первый слог. Типичная для трехфонемной интервокальной группы структура «сонорный + шумный + сонорный» говорит о том, что сонорные принадлежат к двум разным слогам. Что касается шумного, то он скорее всего относится к первому слогу, т. е. первый слог замыкается группой «сонорный + шумный». Конечно, шумный может относиться и к последующему слогу, но в пользу первого предположения говорит то примечательное обстоятельство, что первые два компонента любой трехфонемной интервокальной группы всегда совпадают с двуфонемным консонантным сочетанием, характерным для ауслаута.

Последние же два компонента могут совпадать с анлаутными двуфонемными сочетаниями, но не всегда. Происходит это в следующих группах: *csl*, *ltr*, *ldr*, *lr*, *mbl*, *mrg*, *psg*, *ltr*, *fr*, *str*, *fr*, *leg*, *rg*, *rgn*. Целиком и полностью отходить ко второму слогу может лишь одна трехфонемная интервокальная группа *str*, которая характерна для древнеанглийского анлаута.

Таким образом, с возникновением интервокальных консонантных групп в древнеанглийском, несомненно, увеличивается число закрытых слогов. При двуфонемной интервокальной группе первый слог в двусложном слове чаще всего закрывается одним согласным, а при трехфонемной — или одним или же чаще всего двумя.

Наблюдение над структурой интервокальных групп дает также возможность отметить, что в подавляющем большинстве случаев интервокальные группы образуются по уже существующим в языке структурным моделям ауслаутных или же анлаутных сочетаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е. Куринович. Вопросы теории слога. Сб. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 270.

² Случаи амбисиллабичности согласных в настоящей работе не рассматриваются ввиду того, что данная проблема требует особого исследования.

³ Сочетания ауслаута выявляются обычно на примерах односложных слов, поскольку односложное слово является в то же самое время и слогом. Список древнеанглийских консонантных сочетаний в ауслауте приводится в статье Т. А. Амировой «К проблеме структуры слога» (Уч. зап. МГПИЯ, т. 29, 1965, стр. 5—16). О консонантных сочетаниях в исходе односложного слова см. также: О. В. Гугелева. Консонантные сочетания в исходе односложного слова в древнеанглийском языке. Сб. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, вып. I. Л., 1967, стр. 154—159.

⁴ Материалом для настоящего исследования послужили первые 300 страниц словаря Босвортса: J. Bosworth. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections*. Oxford, 1954. Фонемный анализ консонантных групп и определение аллофонов некоторых фонем в определенной позиции выходят за рамки настоящего исследования. Поэтому консонантные группы даны в графическом виде. Группа *scn* причислена к двуфонемным, так как *sc* скорее всего представляло собой в древнеанглийском фонему /ʃ/. — См. Б. А. Ильиш. История английского языка. М., 1958, стр. 54; а также: И. П. Иванова. Система согласных и ее динамика в древнеанглийском языке. «Научные доклады высшей школы». Филологические науки, 1963, № 3, стр. 30.

⁵ При ссылке на ауслаутные сочетания используются данные Т. А. Амировой. — См.: Т. А. Амирова. К проблеме структуры слога, стр. 6—7.

⁶ См. по этому вопросу: Е. Куринович. Вопросы теории слога, стр. 270 и сл.

Summary

Due to the process of syncopation intervocalic consonant groups arise in the middle of Old English disyllabic and polysyllabic words. In some cases the intervocalic consonant groups consisting of two or three phonemes appear to coincide with the final consonant clusters of monosyllables. The first and the second components of any intervocalic group consisting of three phonemes always coincide with a final consonant cluster. Taking these facts into consideration we may suppose that the preceding syllable was closed by one or two consonants.

К ПРОБЛЕМЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Штейнберг

Древнеанглийские глагольные префиксы типа *ge-* уже не раз были объектом исследований. Традиция, начало которой положил В. Штрейтберг,¹ связала их изучение с проблемой видовой характеристики действия. Некоторое внешнее сходство со славянской системой глагольной префиксации привело к предположениям о наличии морфологической категории вида и в древнеанглийском. Между тем уже давно отмечены факты, противоречащие этой теории.² Однако, подвергая ее критике, некоторые лингвисты на деле придерживаются того же мнения или, во всяком случае, не предлагают принципиально иного решения вопроса.³ Возможно, что применение наряду с лингвистическими методами исследования количественного анализа (с использованием приемов прикладной статистики) поможет получить некоторые новые данные.

Материалом для исследования послужили около 6000 примеров, которые были получены сплошной выпиской из 10 печ. листов древнеанглийского текста, отобранных жеребьевкой. Все примеры обозначают действия в сфере прошедшего. Это обусловлено тем, что именно в прошедшем времени особенно отчетливо выступает различие в видовой характеристике действий.

Несколько слов о теоретических предпосылках исследования. Согласно традиционной точке зрения префиксы подразделяются на лексически бесцветные (*ge-*; *a-*) и лексически полнозначные (*þig-;* *ofer-*; *to-*), в первую очередь изменяющие лексическое значение глагола.⁴ Однако несомненно наличие примеров, где подобные префиксы не оказывают обычного воздействия на семантику глагола. Наряду с этим имеются случаи, когда префиксы, относимые к лексически бесцветным, включены в состав префиксированного глагола, отличающегося по значению от своего непрефиксированного коррелята. Поэтому, несколько отойдя от традиции, мы положили в основу классификации принцип структурно-семантической или только структурной выделимости префикса.⁵ Это привело к необходимости установить совпадение или несовпадение семантики обеих коррелятов при помощи анализа текста и словаря. Приведем два примера: 1. *þa befōr se here hī þāt and hī þāt gesuhton...* (Chr., 825, 181) 'Тогда окружило их это войско там, и они там сразились...' 2. *Mid þu þe se ... man ... mid him wæs on gestiþnesse. þa becom þo to eagan þās ... caldormannes ...* (Bede, VII, 20) 'Когда этот ... человек побыл с ним ... в гостях, тогда дошло до ушей этого ... начальника ...'. В примерах типа I *be-* является полнозначным, так как он структурно-семантически выделим, и *be-fagan* 'окружать' отличается по значению от *fagan* 'идти',

'ехать'; а в примерах типа 2 префикс выделим лишь структурно, и *ситап* и *беситап* равнозначают 'приходить, доходить'.

Изучение явления префиксации в плане видовой характеристики действия обусловило еще одну особенность. При несомненной структурно-семантической выделимости полнозначных префиксов вполне справедливо представляется та точка зрения, что «производные основы с префиксальными морфемами стоят на грани сложных слов».⁶ Это дало нам основание отнести такие префигированные глаголы вместе с корневыми к группе глаголов без префикса.

Остается лишь указать,⁷ что изучение видовой характеристики действия проводится с точки зрения оппозиции действия-акта, переданного в полном объеме своего протекания, и действия-не-акта, рассматриваемого «только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целостности действия».⁸

Обратимся теперь к определению масштаба явления префиксации. Из 5277 глаголов в форме претерита префигированными, т. е. включающими лексически бесцветный префикс, являются лишь 1392, что составляет 26,4 %. Отметив небольшой масштаб изучаемого явления (что показательно и само по себе), установим, в каком соотношении число префигированных глаголов находится с числом глаголов, передающих действия-акты.

Из 4019 глаголов, передающих действие-акт, лишь 1276, или 31,7 %, являются префигированными. Отсюда следует, что действие-акт передается в основном не префигированными глаголами, а глаголами, лишенными префикса, при соседстве обеих форм: 3. *Dy ilcan geare sende* *Ælfred cuning sciphere of Cæn* *on Eastengle. Sona swa hi comon on Sture* тифан *þa geteton* *hy XVI scypa ... and wiþ þa gesuhton. and þa scipu ealle ge-*
rehton and þa men ofslogon (Chr., 885, 153) 'В этом же году послал король Альфред корабли из Кента в Восточную Англию. Как только они пришли к устью С., тогда встретили они XVI кораблей ... и с ними сразились, и эти корабли все захватили и людей убили'. Возможна также, хотя это и наблюдается весьма редко, передача префигированными глаголами действия-не-акта: 4. *...for Eadweard cing mid sumum his fultume on Eastsexē. to Mældune. and wicode þær þa hwile þe man þa burh worhte and getimbrode.* æt Witham (Chr., 913, 187) '...поехал король Э. с частью своего войска в М. в Эссексе, и там оставился то время, что это укрепление строили и сооружали в В.'

Эти факты общеизвестны, и здесь дается лишь более точная количественная оценка, еще раз подтверждающая ошибочность предположения, что ге- является формантом совершенного вида. При отсутствии фронтальности охвата данным признаком всего лексического материала⁹ мы не можем говорить о наличии грамматической категории. Однако этот вывод не объясняет обратной стороны явления префиксации — большинство префи-

гированных глаголов передает действия-акты (1276 глаголов из 1359, или 93,9%). Выяснить причину представляется весьма важным, так как именно это явление мешает понять, в чем же заключается своеобразие проблемы вида в древнеанглийском языке, и поэтому-то вновь и вновь возрождается теория Штрайтберга.

Качественно-количественный анализ показал, что самый большой процент префигированных (42,7%) — среди глаголов двойственного видового характера, несколько меньший (32,9%) — среди предельных и ничтожно-малый (5,8%) — среди непредельных. Сама по себе эти цифры мало значат. Как известно, двойственные глаголы являются таковыми лишь в словарном составе языка, в тексте они выступают либо в предельном, либо в непредельном значении. Что касается глаголов непредельного видового характера, то для некоторых из них под влиянием ограничителей в тексте возможно предельное употребление. Весьма важно выяснить, в каком случае им более свойственна префигированная форма. При этом спорные примеры, дабы не вносить элемента сомнения, исключены из выборки.¹⁰ Глаголам непредельного видового характера префигированная форма одинаково мало свойственна при обоих употреблениях (4% — при непредельном употреблении, 11% — при предельном): 5. *þa wæs mid him ân ... man ... se þæt facn to his* *syfþe gebodade, and hit on anum brede awrat, and syfþan mid* *weaxe beworhte* (Or., II, V, 46) 'Тогда был с ним один ... человек, ... он этот заговор своей стране сообщил, и это на табличке написал, а потом воском покрыл (при предельном употреблении, ограничитель — hit); 6. ... and hi þeah þa ceastre *aweredon of þæt Ælfred cyning ...* (Chr., 885, 153) '... и однако они этот город обороныли, пока король Альфред...' (при непредельном употреблении).

Для глаголов двойственного видового характера разрыв между цифрами весьма значителен: 55,5% — в предельном значении, 13,1% — в непредельном: 7. *Ða se dema þas word geþyrd-e, þa wæs he utte geworden ...* (Bede, VII, 23) 'Когда старейшина эти слова услышал, тогда он рассердился ... (в предельном значении); 8. ... we geacsedon ymbe Cristes geleafan mid gesægene ƿurðim ... witen, þa ƿe ƿing wiston and gemundon (Bede, 6) '... мы узнавали о христовой вере ... по свидетельствам бесчисленных... людей, которые это знали и помнили' (в непредельном значении).

Итак, префигированная форма в основном свойственна предельным глаголам (определяемым с учётом влияния контекста на видовой характер) — из 1392 префигированных глаголов 1292, или 92,8%, предельны. Различие в степени префигированности между непредельными и двойственными объясняет соотношение между префигированностью и видовым характером. Предельное значение не свойственно непредельным глаголам

как словарным единицам, оно может возникать в контексте под влиянием ограничителей, создающих реальный внутренний предел в протекании действия, — в этой роли лексически бесцветные префиксы выступать не могут. Двойственные глаголы не нуждаются в ограничителе, внешнего показателя предельного значения достаточно — в этой-то роли (и весьма часто) и выступают лексически бесцветные префиксы. Это создает впечатление об определенной парцой противопоставленности префиксированных непрефиксированным. Если бы оно было фронтальным, то лексически бесцветные префиксы выполняли бы роль форманта предельности. Это опровергается как количественным анализом, так и существованием глаголов *perfectiva simplicia*.

Вернемся теперь к поставленной задаче. Как показал анализ, примерно 73% выписанных глаголов — предельного видового характера, и в 96% случаев они обозначают действия-акты (см. пример 3). Из всего предыдущего следует, что регулярность передачи префиксированными глаголами действия-акта объясняется лишь тем, что в подавляющем большинстве случаев они являются предельными. Определенное соотношение префиксированная форма → действие-акт не означает обратного соотношения действие-акт → префиксированная форма.

Подтверждением роли видового характера глагола в видовой характеристике действия служит и избирательность к нему только начинающих выделяться двучленных сложноглагольных форм со структурой $V_f + V_{nf}$, где V_f — личная, а V_{nf} — неличная форма глагола. Одна из них — условно сочетание I (*wæs + причастие I*) — в основном функционирует с непредельными глаголами (в 76,0% случаев) и, как правило, передает действия-не-акты (70,0%). Вторая — условно сочетание II (*hæd/wæs + причастие II*) — в основном образуется от предельных глаголов (72,7%) и передает действия-акты (98,0%). Естественно, что первой свойственна непрефиксированная, а второй — префиксированная форма (см. таблицу).

Наша тема не была бы исчерпана, если бы мы не коснулись еще двух вопросов: роли лексически полнозначных префиксов, во-первых, и гипотезы лексической полнозначности *ge-*, во-вторых.

Количественный анализ показал, что лексически полнозначные префиксы в основном также присущи предельным глаголам: 93,0% против 5,1% — для двойственных и 1,9% — для не-предельных. О масштабе явления дают представление цифры: из 5277 глаголов лишь 467 имеют в своем составе структурно-семантически выделимый префикс. Этот факт является весьма веским аргументом против теории двойной префиксации, согласно которой полнозначный префикс создает значение предельности (против этого трудно возразить, хотя иногда это значение вовсе не создается, а лишь видоизменяется), а лексически бесцветный является показателем «достигнутого преде-

ла»,¹¹ т. е. совершенного вида. В нашей выборке всего 8 примеров с двойной префиксацией. К тому же в 5 из них двойная префиксация создается сочетанием *ge-* или *a-* с *ut-* или *ir-*. Между тем эти последние скорее относятся к наречиям, нежели к префиксам: 9. . . and fôr syðfan fyrр on Crecas, and gewin up-ahôf wiþ Athenienses (Or., II, V, 46). . . и далее пошел по-

Соотношение видового характера глагола с видовой характеристикой действия и префиксацией

Исследуемая форма	Видовая характеристика действия	Общее количество	Видовой характер с учетом влияния контекста				Префигированность			
			предельный		непредельный		без лексически бесцветного		с лексически бесцветным	
			ко-лич.	ж	ко-лич.	ж	ко-лич.	ж	ко-лич.	ж
Парадигматическая форма прошедшего времени (претерит)	Действие-акт	4019	3676	91,5	343	8,5	2743	68,3	1276	31,7
	Действие-не-акт	1183	139	11,7	1044	88,3	1100	93,0	83	7,0
Сочетание I	Действие-акт	43	24	56	19	44	43	100	—	—
	Действие-не-акт	99	8	8	91	92	94	95	5	5
Сочетание II	Действие-акт	144	143	99,3	1	0,7	40	27,8	104	72,2
	Действие-не-акт	3	2	67	1	33	3	100	—	—
Итого	Действие-акт	4206	3843	91,4	363	8,6	2826	67,2	1380	32,8
	Действие-не-акт	1285	149	11,6	1136	88,4	1197	93,2	88	6,8

том на греков и войну поднял с афинянами». С точки зрения роли в видовой характеристике действия нет различия между лексически бесцветными и полнозначными префиксами. И те и другие связаны с видовой характеристикой опосредованно, через предельный видовой характер глагола.

Несколько слов о гипотезе лексической полнозначности *ge-*. Эта точка зрения подробно излагается Л. С. Лимарем,¹² которая приводит примеры шести глагольных «пар», где префигированный и непрефигированный глаголы далеко расходятся по значениям (*hatan*—*gehatan*, *feran*—*geferan* и т. д.). У нас крайне мало примеров подобного употребления (36). Наряду с этим встретились случаи, где значение, приписываемое лишь префигированному глаголу, было ему свойственно в двух формах.

А. В непрефигированной форме *gan* и *gegan* могут оба означать 'захватить'. Например: 10. *Her fôr se here fram Hge-
opredune ... and nam winter sett be Tînan fæge eâ and se here
þ land eode ...* (Chr., 875, 143—145). 'В этом году поехало это
войско из Х. ... и стало на зиму у реки Т., и это войско эту
землю захватило ...'; 11. ... and þone cuning ofslogon and þ
land eall geodon (Chr., 870, 145). '...и этого короля убили и
этую землю все захватили'.

Б. С различными лексически бесцветными префиксами: *ge-
hætan* и *behætan* равно означают 'обещать'. Например: 12. ... and
þa Anlaf *behet* ... þ he næfre eft to Angelcynne mid unfrîfe co-
mon nolde (Chr., 994, 243). '...и тогда А. обещал... что он
никогда снова в Англию не придет с враждой'; 13. ... and espe
þeowdom *geheton*, wîffon þe him mon andlyfne forgeaf (Bede,
XV, 43). '...и вечное рабство обещали, если им пишу дадут'.

Оба факта вероятнее свидетельствуют о многозначности кор-
невого глагола, нежели о лексической полнозначности самого
префикса, семантически никак не выделимого. Очевидно, имен-
но это, а не⁶ специфика «мертвого языка», на которую ссылает-
ся Л. С. Лимарь, и объясняет сплошь и рядом наблюдающееся
отсутствие различий в семантике глагольных «пар».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ W. Streitberg. Perfective und imperfective Actionsart im Gotischen. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Tübingen, Bd. 15, 1889.

² A. Beerg. Tri studie o videch slovesného děje v gotštině. Věstník Královské Společnosti nauk. Třída Filosoficko-Historicko-Yazykozpynta. Ročník 1917, II, V. Praze, 1918.

³ См., например: И. Г. Долинина. Категория предельности в системе древнеанглийского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1958; Т. С. Богоомазова. К вопросу о влиянии приставок на видовую характеристику глагола в древненемецком языке. Уч. зап. I МГПИИЯ, 1964, т. 30.

⁴ И. П. Иванова. К вопросу о категории вида в древнеанглийском языке. Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 197, вып. 23, стр. 172.

⁵ Термины Р. Е. Кац. — См.: Р. Е. Кац. Развитие производных глаголов с префиксом *be* в английском языке. Сб. Исследования по английской филологии. Изд. ЛГУ, 1958.

⁶ В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960, стр. 45.

⁷ Подробнее см.: И. А. Штейнберг. К вопросу о становлении аналитических форм глагола в древнеанглийском языке (на материале категории вида). Сб. Проблемы лексикологии и грамматики, вып. II. Минск, 1967.

⁸ Л. П. Разумесен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891, июнь, стр. 379.

⁹ См.: В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 79 и сл.

¹⁰ G. Stegpn. On Methods of Interpretation. Studia Neophilologica, vol. XVII, No 1. Uppsala, 1944—1945.

¹¹ И. Г. Долинина. Категория предельности в системе древнеанглийского языка, стр. 14.

¹² С. Л. Лимарь. К вопросу о роли глагольных приставок в связи с видовым значением глагола (на материале древнеанглийского языка). Уч. зап. I МГПИЯ, 1963, т. XXVIII, ч. II. — Такова же точка зрения и Дж. Линдеманна. См.: J. Lindemann. Old English Preverbal -ge; a Re-examination of Some Current Doctrines. Journal of English and Germanic Philology. Urbana, 1965, vol. LXIV, No 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Bede — König Alfred's Übersetzung von Beda's Kirchengeschichte. Leipzig, 1897.
Chr. — The Anglo-Saxon Chronicle, vol. I. Ed. by B. Thorpe. London, 1861.
Or. — King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious History of the World by Orosius. Ed. by J. Bosworth. London, 1859.

Summary

The paper deals especially with ge- type prefixes in Old English considered as non-obligatory morphemic indicators of terminative verbs.

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ (ОЧЕРКИ)

Л. Л. Иофик

I. О ПРИМЕНЕНИИ СТРУКТУРНЫХ МЕТОДОВ В РАННЕЙ ДОСТРУКТУРНОЙ ГРАММАТИКЕ

Общеизвестно и справедливо мнение, что новые методы исследования и описания грамматических явлений, такие, как дистрибутивный анализ, субSTITУЦИЯ и в особенности трансформационный метод, интенсивно разрабатываемый в зарубежной и советской англистике, не являются абсолютно новыми и в той или иной мере применялись в традиционной грамматике. Однако степень и объем применения этих методов не были, насколько нам известно, точно установлены на материале английских грамматик, хотя для истории английского языкоznания представило бы известный интерес выяснить, в какой мере, с какой целью, в каких типах грамматик, для описания или объяснения каких именно явлений, каким образом использовались элементы тех или иных методов, которые принято называть структурными.

В задачу настоящей работы входит анализ некоторых английских грамматик XVI—XVIII вв., где элементы этих методов выступают как ведущие или вспомогательные приемы описания. Мы начинаем с ранних грамматик, так как только систематическое обследование источников позволяет выявить возникновение и преемственность грамматических традиций, но в рамках небольшой статьи мы не имеем возможности дать полное опи-

сание этих работ в намеченному аспекте, а только остановимся на некоторых характерных чертах.

Первая грамматика английского языка (У. Буллокара, 1586 г.) считается несамостоятельным произведением, основанным на калькировании грамматической схемы латино-английской грамматики У. Лили.¹ Действительно, построение грамматики Буллокара, многие парадигмы и формулировки воспроизводят довольно точно схему грамматики Лили, но предметом описания Буллокара был английский язык, а не латинский, и автор проявил большую самостоятельность в поисках методов объяснения форм и конструкций английского языка, прибегая к таким приемам, известным в современной лингвистике, как дистрибутивный анализ и трансформация, причем ценность второго приема, как мы увидим ниже, эксплицитно формулируется автором.

Приемы дистрибутивной характеристики можно обнаружить при описании примет частей речи (хотя отправным пунктом остаются семантические определения). Например, существительное «могло легче отличить от любой другой части речи при помощи одного из этих артиклей — a, an или the, которые обычно стоят перед любым существительным в самостоятельном употреблении. Но если существительное в предложении управляет именем прилагательным, прилагательное обычно стоит между таким артиклем и существительным, а их предлог — перед ними всеми».² Ср. с «новыми» дистрибутивными определениями существительного и прилагательного в глоссарии лингвистических терминов, данном в приложении к книге У. Н. Фрэнсиса: «Существительное — ... лексическое слово, которое может следовать за детерминантом существительного, таким, как the...». «Прилагательное — класс лексических слов..., способных занимать одну из следующих структурных позиций: между детерминантом существительного и существительным...»³

Датский лингвист П. Дидриксен справедливо отмечает, что дистрибуция в значении «встречаемость элемента относительно других элементов» заключена почти в каждом утверждении грамматиков начиная с античности, что традиционные классы частей речи устанавливаются частично на дистрибутивной, частично на семантической основе, но вряд ли можно согласиться с мнением того же автора, что дистрибутивный характер носят все правила управления и согласования.⁴ Последние предполагают обусловленность формоизменения («сслекцию», по терминологии Л. Блумфильда), а не расположение элементов относительно друг друга.

В этой связи заслуживают внимания некоторые формулировки и в грамматике Лили, послужившей прототипом грамматики Буллокара, особенно в той ее части, которая изложена на английском языке и где отмечены многие особенности англий-

ского языка с целью облегчения для учащихся перевода с английского на латинский, в частности в разделе синтаксиса, который у Буллокара специально не разработан.

В морфологии при определении падежей Лили дает примеры, исходя из признаков их английских эквивалентов, и указывает, что именительный падеж стоит перед глаголом, родительный узнается по признаку (*token*) *of*, дательный — по признаку *to*, винительный следует за глаголом и т. п. В синтаксисе, например, в дистрибутивном плане сформулировано правило о падеже относительного местоимения: «Если именительный падеж не стоит между относительным местоимением и глаголом, относительное местоимение будет именительным падежом глагола: *miser est qui punitos admiratur, Wretched is that person, which is in love with money.*» В таком же плане сформулировано правило о сочетаемости существительных: «Если два существительных сходятся вместе, обозначая различные предметы (*things*), последнее будет родительным падежом, например *Facunda Ciceronis, The eloquence of Cicero.* Но если они оба принадлежат одному предмету (т. е. обозначают один предмет. — *Л. И.*), они будут оба в одном падеже — *Pater meus vir, amat me риец, My Father being a man, loveth me a child.*»⁵ Ср. с приметами различных функций существительных в дистрибутивных формулах Ч. Фриза, например, в предложении, построенном по формуле 8: *This student my assistant brought the papers...* «Оба слова первого класса, предшествующие слову второго класса, имеют один и тот же референт» (т. е. относятся к одному и тому же лицу. — *Л. И.*), тогда как в формуле 9 — *This morning my assistant brought the papers...* «референты слов первого класса различные».⁶

Сходство между формулировками самых ранних грамматик и современных дескриптивных объясняется тем, что, отказавшись от описания синтаксических явлений в терминах членов предложения, дескриптивисты пользуются морфологическими терминами, сближаясь с тем этапом развития английской грамматики (самым ранним), когда в арсенале грамматистов еще не было понятий членов предложения и синтаксические явления описывались в морфологических терминах. Поэтому черты сходства между первыми и одним из новейших методов описания грамматических форм и конструкций большие, чем между дескриптивными характеристиками и описаниями традиционной грамматики, оперирующей понятиями и терминами членов предложения.

Некоторые примеры трансформаций Буллокар также мог заимствовать у Лили. В качестве иллюстрации приведем следующий отрывок из синтаксиса Лили, где описывается третье правило согласования — согласование относительного местоимения со своим антecedентом: «Когда английское *that* можно обратить в английское *which*, это относительное, в противном

случае это союз, который в латинском языке называется *quod* или *ut* и в латыни его можно с элегантностью опустить, превратив именительный падеж в винительный и глагол в инфинитив, например: *Gaudeo quod tu bene vales; Gaudeo te bene valere, I am glad, that thou art in good health*. Английский эквивалент не поддается такой трансформации, как зависимое предикативное сочетание в латыни, которое трансформировано в предикативный оборот *accusativus cum infinitivo*, но основная направленность этого отрывка — диагностическая, различие омонимов — союза и относительного местоимения *that*.

Однако Лили сравнительно редко прибегает к подобным объяснениям, Буллокар, как мы увидим, значительно расширил этот прием описания.

В своих трансформациях Буллокар пользуется понятием *resolve*, которое употребляли и логики⁷ в значении 'разложить (на элементы)'; 'превратить (во что-то)'. Ср. толкование в *The Concise Oxford Dictionary*: *break up into parts, analyse, convert or be converted into, reduce by mental analysis*.⁸

Первая трансформация Буллокара служит для изъяснения значений «падежей» существительного, к которым, в отличие от Лили, Буллокар не причисляет предложные сочетания. Так, «дательный падеж» (Буллокар называет его *gainative*) обращается в сочетание с *to* или *for*: предложения *Roberd geveth Richard a shirt and Nicolas maketh William a coat* трансформированы в *Roberd geveth a shert too Richard, and Nicolas maketh a coat for William*. Предложный эквивалент дается и для родительного падежа, обозначающего «владельца» (*proprietary*), после которого идет относящееся к нему слово «владения» (*propriety*). Последнее можно поставить и перед называнием владельца при помощи предлога *of*: *the maisters' teaching through wisdoms' guide and childerns' learning through virtues' help* трансформируется в *the teaching of the maister through the guide of wisdom, and learning of childern through the help of virtue* (по современной символике N's N трансформируется в N of N).

Больше всего внимания уделяется «разложению» оборотов с инфинитивом и причастием на сочетания с личными формами глагола (трансформации типа *-sub*) в направлении, противоположном тому, которое мы видели в приведенном примере из Лили.

По поводу выражения *bid him come hither* Буллокар пишет, что с некоторыми глаголами мы употребляем сходное выражение (phrase) в именительном падеже: *you say I am idle; that* является способом «разложения» первого и подразумевается в последнем: *bid that he com hither; you say that I am idle*. Причастие, по мнению Буллокара, употребляется для краткости в речи, но оно может быть шире развернуто (*more amply Resolved*), выражено глаголом и относительным *that*, которое пре-

вращается в *which: a loving man* или *a man that loveth*, а *man loved of all men* или *that is loved of all men*; *a loved*, которое остается причастием в обоих выражениях, можно превратить в его активный глагол: *a man that all men love*, и благодаря такому обращению и ранее показанным вспомогательным приемам (*helps*) можно легко отличить причастие от любой другой части речи даже при одинаковой с ним форме. Следовательно, эта трансформация имеет диагностический характер.

В этой связи показательно следующее высказывание Н. Хомского: «Не было бы неточным рассматривать трансформационную модель как формализацию черт, имплицитно содержащихся в традиционных грамматиках, и рассматривать эти грамматики как неэксплицитные трансформационные грамматики (*inexplicit*)».⁹

Но Буллокар в стихотворном резюме своей грамматики эксплицитно говорит о пользе этого приема, отмечая, что *equivocu* (многозначная форма, омоним по современной терминологии) делает речь приятной, но в связи с этим следует «разложить» каждое выражение для уяснения его смысла, и он не знает более кратких правил, чем эти.

Грамматики XVII в. не представляют особого интереса в рассматриваемом аспекте. Некоторые из приведенных дистрибутивных формулировок или их варианты кочуют из грамматики в грамматику.¹⁰

Очень современно звучат рассуждения автора философской грамматики начала XVIII в. Р. Джонсона, который с целью обоснования именной природы инфинитива не считает существенным признаком возможность «разложить» его при помощи глагола, утверждая, что эквивалентность значения недостаточна для причисления слова к той части речи, которой оно эквивалентно по значению, а более важный показатель — тождество формальной структуры предложения, которая достигается путем замены инфинитива однокорневым существительным, т. е. номинализацией по современной терминологии. Правда, в отличие от взглядов современных авторов, он считает, что в *te venisse* (*Gaudeo te venisse incolumem*. «Радуюсь, что ты вернулся невредимым») не больше предикативности, чем в *adventu tuo* («Радуюсь твоему приходу»), но сам прием доказательства соответствует современным методам, и автор эксплицитно говорит, что так можно «разложить» все предложения этого типа, если есть родственное существительное (*a cognate Noun to г-solve them by*).¹¹

Очень интересна грамматика Д. Фэрроу (1751 г.), в которой рассматриваемые методы последовательно применяются и эксплицитно обосновываются как плодотворные, с целью обучения детей: «Порождающий» характер этой грамматики подчеркивается на титульном листе, где указано, что детей можно научить образовать более 10 000 предложений при помощи вставок на

полях, не увеличивая объема книги даже на две страницы. В обращении к читателю указано, что благодаря этому методу английский язык сведен фактически к стандарту (reduced to a standard), т. е., пользуясь языком современной лингвистики, к набору моделей.¹²

Ведущим для данного автора является принцип дистрибутивной характеристики материала, дополняемый субSTITUTIONНЫМИ таблицами. Так, все правила для различных фонетических и графических вариантов окончаний существительного и сами списки существительных поданы в виде дистрибутивно-субSTITUTIONНЫХ таблиц,¹³ где слева, на полях приведены предлоги, далее идут артикли, затем существительные и суффиксы множественного числа, например:

of, to for,	a	Ace,
through, from		
by, with		

an	Face,	ces.
the		
и т. п.		

Таким образом, существительные не приводятся изолированно, а с левым и правым окружениями, причем на равных правах выступают и свободные и «связанные» морфемы, как это свойственно и современным дескриптивным описаниям.

Наиболее отчетливо эксплицитность в применении дистрибутивных принципов изложения материала и порождающая направленность грамматики проявляются в дистрибутивно-субSTITUTIONНЫХ таблицах, составленных для прилагательного. Автор здесь предварительно оговаривает, что он вставил на полях с левой стороны «личные имена», т. е. местоимения с соответствующими личными изменениями «субстантивного утверждения» am, а на полях справа — самое общее существительное thing, чтобы облегчить ребенку овладение всем современным языком, а не, как некоторые думают, озадачить начинающего ученика (очевидно, необычность метода требовала таких пояснений). Эти таблицы и должны способствовать генерации 10 000 предложений (однако только одной модели), например:

Singular	Aff. (-глагол)	Qual. (-прилагательное)
I	am	sad
thou	art	glad
you	are	red
he		big
she		snug
it		etc.
who	is	er comp. est sup.
which		
this		
that		
	{ a	Thing sing. s. Plural
	the	
	more comp. most	
	& very sup.	

Эти таблицы снабжены примечаниями и рекомендациями, в каких случаях при лексической несовместимости опускать некоторые элементы, например, существительное thing при место-

имениях 1-го и 2-го л. и т. п. В таком же плане даны и синтаксические явления. Эта методика полностью соответствует определению субSTITUTIONной техники П. Гарвина: «Лингвистическая техника субSTITUTIONи заключается в установлении, какие элементы взаимозаменяемы в одном и том же диагностическом контексте».¹⁴

Систематическое обследование последующих грамматик нормативного и научно-описательного типов в намеченном плане могло бы способствовать выявлению путей дальнейшего развития структурных приемов анализа в диструктурной грамматике (хотя и не исключена возможность полной или частичной утраты опыта ранних грамматик).

II. РАННЯЯ ИСТОРИЯ УЧЕНИЯ О ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ ДО НОРМАТИВНОГО ПЕРИОДА (КОНЦА XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА)

Если в грамматиках латинского и английского языков, созданных в Англии в XV—XVI вв., первым источником учения о членах предложения, главным образом именных, служили морфология (указания на закрепленные позиции именительного и винительного падежей) и разделы синтаксиса сочетания слов, где «именительным падежом» назывались инфинитив, группа слов и предикативное сочетание в соответствующей позиции,¹⁵ то во второй половине XVII в., с появлением философских грамматик, начинается новый этап в развитии учения о членах предложения. Он знаменуется проникновением в синтаксис и переосмысливанием понятий, заимствованных из логики и философии.

Первые сведения о предложении и его членах появляются в грамматике К. Купера (1685 г.), в разделе «Синтаксис», построенном по старому типу — описания связей слов. Общего определения предложения у Купера еще нет, но есть указание на состав законченного предложения (*sententia perfecta*), которое «состоит из именительного падежа и глагола», если же глагол переходный, то «также из аккузатива, на который переходит действие глагола...».¹⁶ Здесь морфологические термины выступают как несомненные обозначения синтаксических единиц, так как автор, последователь Дж. Уоллиса (*J. Wallis. Grammatica Linguae Anglicanae*, 1653 г.), не выделял у английского существительного категории падежа, приписывая имена лишь следующие «акциденции»: artikel, число, род и предлог, и рассматривал форму на 's в главе о прилагательных как притяжательное существительное адъективного характера.

Путь к отождествлению грамматических и логических понятий как один из способов выделения членов предложения намечен в первом правиле согласования слов, где Купер пишет, что существительное, о котором нечто утверждается или отрицает-

ся, относится к глаголу или связке. Грамматисты называют его именительным падежом, а логики — субъектом. Второе правило, касающееся того, что утверждает или отрицает, вводит понятие предиката, выраженного глаголом или связкой с прилагательным или именительным падежом, третье посвящено элементу, зависящему от переходного глагола и названного, как мы видели выше, аккузативом. Логической параллели к нему Купер, естественно, не мог обнаружить. Купер заключает, что это суть главные части предложения (*partes sententiae principales*), к которым добавляются различные зависимые, например согласуемые, приложения (*appositiō* — понятие, известное из риторики или «фигур» стилистического синтаксиса), существительные с предлогами, инфинитив, имя в абсолютном употреблении, наречия, союзы и междометия.

Так закладываются основы учения о трех главных членах предложения (первые два как члены суждения, третий как элемент, необходимый для структурной законченности предложения при сказуемом, выраженному переходным глаголом). Они противопоставлены недифференцированным и синтаксически не обозначенным зависимым. Здесь нетрудно обнаружить противоречие в трактовке «аккузатива», поскольку Купер, с одной стороны, как мы видели, указывал на его зависимость от глагола, с другой — включил его в состав главных частей предложения. Дихотомия главных и зависимых частей предложения находит параллель в дихотомии частей речи у того же автора, который противопоставляет речения (*dictiones*), образующие главные члены предложения, т. е. имена и глаголы, как «цельные» (*integrales*) «частички» (*particulae*), уточняющим условия или обстоятельства по смыслу.

Понятие *circumstantiae* (*circumstances*), заимствованное из средневековой риторики,¹⁷ является в изучаемый период единственным общим обозначением слов, выражающих обстоятельственные отношения. Так, в разделе пунктуации Купер пишет об употреблении знаков препинания там, где обозначены отдельные части конструкции, такие, как время, место, средство, образ или другие условия действия.

К. Купер не был оригинален в своих синтаксико-логических построениях. На него оказала большое влияние ранняя философская грамматика, созданная в Англии, — Дж. Уилкинса (1668 г.). Уилкинс — один из первых английских авторов, который связал логические понятия с грамматическими, поясняя, что слово «субъект» он употребляет, как и логики, для обозначения всего того, что стоит перед связкой. Если это одно слово, то это то же самое, что грамматисты называют именительным падежом. Под предикатом автор понимает все то, что следует за связкой в том же предложении, в частности прилагательное, обычно сливающееся со связкой и образующее глагол (здесь любопытна дистрибутивная характеристика средств выраже-

ния логического субъекта и предиката, встретившаяся нам только у этого автора, и общая для всех логиков и грамматиков этого и позднейших периодов «деривационная» история глаголов, например, *he loves* считается произведенным от *he is loving*). Правила расположения компонентов предложения объясняются грамматическими связями: то, что управляет, должно предшествовать, т. е. именительный падеж стоит перед глаголом, а винительный — после него. Деление частей речи на интегральные и частицы Купер, очевидно, тоже заимствовал у Уилкинса.¹⁸

В философской грамматике Р. Джонсона (1706 г.) также высказан ряд интересных мыслей о соотношении суждения со структурой предложения. Логико-сintаксическая направленность автора проявляется в определении целей и задач грамматики, которая, по мнению Джонсона, должна изучать отношения между словами в предложении, такие, как следствие, средства (*means*), образ действия (*таппег*), цель, орудие, объект, адъюнкт, названные так логиками. Джонсон считает, что для учащихся понять эти отношения не сложнее, чем род, число, наклонение и другие грамматические термины. Соответственно этим взглядам и грамматика определяется как искусство выражать отношения вещей в конструкции (т. е. в сочетаниях слов). В определении грамматического существительного (*substantive*) включено указание на его философскую природу как название предмета, который может существовать самостоятельно в мысли (*may subsist by itself in the understanding*), и на его логическую функцию — субъекта предикации в речи (*discourse*). Понятие субъекта автор связывает с понятием именительного падежа («субъект или именительный падеж»). Субъект предикации может быть не только названием предмета, но и названием действия (так инфинитив может быть именительным падежом глагола) и предложением (судя по примеру, придаточным).

Точно так же глагол получает логическое определение как часть речи, при помощи которой что-то приписывается (*is applied*) другой, как своему субъекту. Указано также, что глагол и существительное или, в другой формулировке, сочетание субъекта с предикатом выражают законченный смысл (в отличие, например, от омонимичного причастия на *-ed*). Отношение объекта упоминается вскользь — при описании сочетаемости латинских глаголов комментируются предложения, где инфинитивы являются объектом глагола *volo* (причем здесь Джонсон употребляет понятие *object* в известном нам сейчас значении, хотя для данной эпохи обычным было смешение понятий субъекта и объекта).

Понятие атрибута у Джонсона соотнесено с прилагательным, но, судя по примерам, только в предикативном употреблении, т. е. как способ выражения логического предиката, например

при обосновании именной природы инфинитива, который сам может быть субъектом глагола и допускает атрибуцию при помощи прилагательного или причастия.¹⁹

Таким образом, философская грамматика Уилкинса несомненно стимулировала синтаксическую направленность грамматики Купера на выделение членов предложения, а углубление логических и грамматических параллелей в философской грамматике Р. Джонсона не могло пройти незаметным для дальнейшего развития учения о предложении. Первый, очень краткий, синтаксический раздел грамматики английского языка Дж. Брайтленда (1711 г.) озаглавлен по-новому: «О предложении». Помимо отечественных философских грамматик, Брайтленд хорошо знал грамматику Пор-Рояля, которая оказалась инкорпорированной (в английском переводе) в тексте его книги в виде примечаний.

Подобно Куперу, Брайтленд указывает на состав предложения и дает, помимо этого, его смысловую характеристику: предложение содержит не менее трех слов для выражения чувства или мыслн.²⁰ Первые два — это «утверждение» (=глагол) и имя, субъект этого утверждения: *A Lie is abominable*. Из изложения, однако, неясно, что автор понимал под третьим обязательным компонентом предложения. Скорее всего это не имя как объект действия, а третий, присвязочный, компонент суждения. Это толкование подтверждается и некоторыми другими рассуждениями Брайтленда, свидетельствующими о логическом источнике этих представлений, например определение «утверждения» как части речи, которая приписывает какой-то атрибут, или указание в логике, приложенной к его грамматике, что предложение *Henry rages* — законченное суждение, равное *Henry is ga-*ing, где выделяются связка и атрибут.²¹

Однако во втором разделе синтаксиса «О сочетаниях слов», тораздо более развернутом, наряду с указанием на местоположение имени—субъекта утверждения, Брайтленд отмечает, что после «утверждения» стоит имя, обозначающее предмет, к которому его действие непосредственно относится: *The Fire burns Robert*. Эти имена легко узнать по вопросам — первое отвечает на вопрос *who* или *what*, второе — *whom* или *what*. Так вопросно-ответный метод, служивший прежде для различения падежей (при калькировании латинской падежной схемы), становится средством разграничения именных членов предложения. Мы видим, что у Брайтленда в синтаксическом плане и терминологически более отчетливо выделено имя-субъект, чем имя, на которое распространяется действие глагола. Отмечено также, что вместо имени-субъекта может стоять и другое «утверждение с *to*», т. е. инфинитив или целое предложение. Однако, как и у Купера, *subject* — еще не грамматический термин, это обозначение своего рода функционально-логической единицы.

У Брайтленда, следовавшего за Уоллисом в вопросе о падежах, встречается и понятие «именительный падеж», когда речь идет об общих принципах, применимых ко всем языкам, об обязательном наличии выраженного или подразумеваемого субъекта или именительного падежа глагола. Но в рассуждении об аккузативе Брайтленд пользуется понятием *objec^t*, известным в схоластической философии в значении, противоположном нынешнему пониманию. От Дунса Скотта до Декарта и Спинозы существование в представлении обозначалось словами *esse objectivum*, а существование в действительности — *esse subiectivum*, и только с первой половины XVIII в. эти термины поменялись местами и содержанием.²¹ Поэтому неудивительно, что Брайтленд утверждает, что глаголы, которые переходят от агента (*agent*), например *to beat*, *to break*, *to heat*, *to love*, имеют после себя имя, воспринимающее их, субъект или объект действия. Очевидно, понятие *agent* (которое встретится и позднее, например у Р. Лоута, как синоним *subject*), понадобилось автору при таком употреблении указанных терминов (эти рассуждения в основном заимствованы из текста грамматики Пор-Рояля). Понятие «субъект», как известно, имело четкие границы в логике, но не было достаточно разграничено с понятием «объект» в философии, и в грамматике Брайтленда эклектически отражены обе концепции.

По сравнению с Купером, Брайтленд сделал шаг назад, не проводя дихотомии «главные — зависимые» члены предложения. Понятие *circumstances* у этого автора встречается лишь в морфологии, при описании функций «частиц» — наречий и предлогов.

В грамматиках первой половины и середины XVIII в., созданных после появления книги Брайтленда, учение о членах предложения закрепляется, но не получает заметного развития, причем последователи Брайтленда тоже сделали шаг назад, не выделив в синтаксисе раздела, посвященного предложению. Дж. Гринвуд в правилах порядка слов пользуется понятием «именительное слово» (*genitive word*), отвечающим на вопросы кто? (что?), под которое, как и ранее, подводятся инфинитивы и предложения, отвечающие на те же вопросы.²² Эти же положения повторяет и Д. Фэрроу, используя понятие «субъект утверждения». Имя, стоящее после глагола, названо пате *affect*, т. е. лицо или предмет, затронутые действием или влиянием субъекта (эти положения иллюстрируются таблицами с упражнениями на субSTITUTION различных способов выражения субъекта).²³

Таким образом, в рассмотренных грамматиках до нормативного периода под влиянием философских грамматик происходит процесс вычленения компонентов предложения путем синтезирования грамматических понятий, обозначавшихся морфологическими терминами, с логическими. В стремлении разграничить

слово как часть речи и слово или группу слов как член предложения грамматисты пришли к отождествлению понятия именительного падежа (в синтаксическом значении) с субъектом, винительного падежа — с объектом/субъектом (по терминологии этой эпохи); последнее понятие обозначалось и описательно. Глагол, переименованный Брайтлендом и его последователями в «утверждение», обозначается также логическими терминами «предикат» или «атрибут». В последнем случае целое именуется по части, но это объясняется, как мы видели выше, «деривационной историей» глаголов, установленной логиками. В этот период закладываются и основы учения о трех главных членах предложения, противопоставленных зависимым (позднее они будут названы «адъюнктами» — *adjunct*, понятие, также восходящее к логике). Это учение, которое было впервые наиболее эксплицитно сформулировано Купером, останется ведущим на первом этапе развития нормативной грамматики (с середины XVIII до середины XIX в.), начиная с Р. Лоута и кончая грамматиками, созданными в первой половине XIX в., но переиздававшимися и позднее.²⁴ Только во второй половине XIX в., когда было разработано учение о подчинении и сочинении, дополнение было выведено из состава главных членов предложения.

Однако отголоски этого учения можно обнаружить и после того, как была создана система членов предложения, известная сейчас как традиционная, даже на современном этапе развития английского языкоznания, начиная с так называемых *diagramming*, школьных схем анализа предложения, где графически дополнение находится на одном уровне с подлежащим и сказуемым,²⁵ в теории рангов О. Есперсена, согласно которой дополнение имеет одинаковый ранг с подлежащим (*primitary*), и в цепочечном анализе З. Хэрриса, более точно воспроизводящем старую схему членения предложения, чем традиционные грамматики, так как «элементарное» предложение, «центр», выделенное Хэррисом, включает дополнение как необходимый элемент (*trucks saggu coal*) и противопоставлено недифференцированным синтаксически и терминологически левым и правым адъюнктам.²⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: O. Funke. William Bullokar's Bref Grammar for English (1586). "Anglia", Bd. LXII, N. 1/4, 1938, SS. 118, 121.

² W. Bullokar. A Bref Grammar for English. Palaestra I.I. Berlin, 1906, SS. 339, 341, 342, 354, 365, 384 (специфическая транскрипция Буллокара в примерах не сохранена).

³ W. N. Francis. The Structure of American English. N. Y., 1958, pp. 599, 589.

⁴ P. Diderichsen. The Importance of Distribution versus other criteria. Helsing og Structur. København, 1966, p. 270.

⁵ W. Lily. A. Short Introduction of Grammar. N. Y., 1945 (воспроизведено издание 1567 г., где пагинация отсутствует).

6 Ch. C. Fries. *The Structure of English*. N. Y., 1952, p. 195.

7 Th. Granger. *Syntagma Logicum or the Divine Logike*. London, 1620, p. 237 (где составное суждение «разлагается» на два простых).

8 Понятие "transform" встретится у грамматиста XVIII в. Д. Фэрроу (D. Farrow. *The Royal Universal British Grammar and Vocabulary*. London, 1754 (3rd ed.), chapter XXI) в связи с «превращением» прилагательных в существительные.

9 N. Chomsky. *Current Issues in Linguistic Theory*. In: J. A. Fodor, J. J. Katz. *The Structure of Language. Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, N. J., 1965, p. 55.

10 Ср. некоторые дистрибутивные определения частей речи в грамматике Ч. Бутлера: «Существительное это то, что без прилагательного может иметь перед собой артикли». «Прилагательное подразумевает качество, принадлежащее существительному, без которого оно не может иметь перед собой *a* или *the*». «Местоимение — это несовершенное имя, которое не может иметь перед собой *a* или *the*». — Ch. Butler's *English Grammar* (1634). Halle, 1910, S. 33, 36, 39; см. также: Ben Jonson. *The English Grammar. Works*, 1640, pp. 71, 78.

11 R. Johnson. *Grammatical Commentaries*. London, 1706, p. 342. — Ср. с известным положением З. С. Хэрриса о том, что трансформации основаны на отношении эквивалентности. — См.: З. С. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. В сб.: *Новое в лингвистике*, вып. II. М., 1962, стр. 632.

12 D. Farrow. *The Royal Universal British Grammar and Vocabulary*, pp. VII, 30—34, 38—39, 47—132, 192—196.

13 Ср. с дистрибуционные субSTITUTIONНЫМИ таблицами в книге: Z. S. Harris. *Structural Linguistics*. Chicago, 1960, p. 259.

14 P. L. Garvin. *On Linguistic Method. Selected Papers*. The Hague, 1964, p. 85.

15 См.: Л. Л. Иофик. Предыстория учения об именных членах предложения в английских грамматиках XVI — середины XVII в. В сб.: *Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии*, вып. 2. Изд. ЛГУ, 1969.

16 Coopers *Grammatica Linguae Anglicanae* (1685). Hrsg. von J. D. Jones. Halle, 1911, S. 142, 101, 113—114, 140, 142, 86, 157 (здесь и далее последовательность постстраничных ссылок соответствует последовательности цитации или ссылок на указанные работы). Ср. первую цитату с отрывком из Аполлония Дискола в сб.: *Античные теории языка и стиля*. М.—Л., 1936, стр. 137.

17 В средневековых трактатах по риторике перечислялись семь «обстоятельств вещей» (*circumstantiae rerum*), куда входили не только обстоятельства в узком смысле: *persona, res, locus, causa, tempus, modus, facultas (materia)*. — См.: H. Jellinek. *Geschichte der neuhighdeutschen Grammatik*, Bd. II. Heidelberg, 1914, S. 464—465.

18 J. Wilkins. *An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language*. London, 1668, pp. 394—395, 355, 298. — Более раннее отождествление логического понятия с грамматическим, «темы» (т. е. субъекта, выраженного не только одним, но и многими словами) с империтивным падежом («настоящим или ложным») находим в логике Грейнджера (Th. Granger. *Syntagma Logicum or the Divine Logike*. London, 1620, pp. 8—9). Деление частей речи на интегральные и частицы восходит, по-видимому, к итальянскому латинисту XVI в. Скалигеру (J. C. Scaliger. *De Causis linguae latinæ*, 1540). Из возникших в схоластической грамматике XIII в. обозначений грамматических субъекта и предиката как *suppositum-appositum* встретилось только *supposit* (A. Hume, 1612) — Цит. E. Vortigat. *Progres in English grammar* (1585—1735), vol. IV. Luxemburg, 1964, p. 159.

19 R. Johnson. *Grammatical Commentaries. Being an apparatus to a New National Grammar*. London, 1706, pp. 4, 6—7, 256, 255, 345, 342.

20 J. Brightland. *A Grammar of the English Tongue*. London, 1714,

pp. 109, 182, 61, 208, 110, 113, 118, 119 (авторство Брайтленда оспаривается исследователями).

²¹ См. об этом: H. Glinz. *Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik*. Bern, 1947, S. 20, 21, 27; А. М. Деборин. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов. ВЯ, 1967, № 4, стр. 41—42.

²² J. Greenwood. *The Royal English Grammar*. London, 1737, pp. 142, 145, 146.

²³ D. Farro. *The Royal Universal British Grammar and Vocabulary*, pp. 326, 327, 244.

²⁴ R. Lowth. *A Short Introduction to English Grammar*. London, 1783, pp. 125, 119, 198—199, 201—202. — Неправ О. Функе, утверждая, что Лоут первый ввел в синтаксис учение о предложении и дал первое определение предложения; мы видели, что в обоих случаях приоритет принадлежит Брайтленду (см.: О. Funke. *On the System of Grammar*. *Archivum Linguisticum*, vol. 6, 1954, р. 5). См. также: R. Sullivan. *An Attempt to simplify English Grammar*, 34-th ed. Dublin, 1858, p. 119; W. Lenneie. *The Principles of English Grammar*, 59-th ed. Edinburgh—London, 1865, p. 81.

²⁵ См., например: H. C. House, S. E. Harman. *Descriptive English Grammar*. Englewood Cliffs, N. J., 1965.

²⁶ Z. S. Harris. *String Analysis of Sentence Structure*. The Hague, 1962, p. 9.

Summary

In the first of the two essays on the history of early English grammars the author points out some analogies between distributional analysis, substitutions and transformations in modern linguistics and the descriptions to be found in some early English grammars (e. g. in W. Bullokar's grammar, 1586, and in D. Farro's Grammar, 1751). The most striking features are: the similarity between distributive descriptions of grammatical phenomena in early and modern English grammars due to the use of morphological terms in the explanations of syntactic constructions, and the generative trend of Farro's grammar.

In the second essay the author describes the development of the first syntactic system of English grammar, as it was evolved by English grammarians of the late seventeenth and early eighteenth century (before the rise of prescriptive grammars of English). It was due to the efforts of J. Wilkins, Ch. Cooper, R. Johnson and J. Brightland that the notion of the sentence and its parts was introduced into syntax proper and the grammatical notions of the "nominative case" and the verb were identified with those of the logical subject and predicate (or attribute). The "accusative" (later on, the "object") was considered to be the third principal part of the sentence. This system (of three principal parts of the sentence as opposed to dependent parts or adjuncts) constituted the prevalent syntactic description of the English sentence in prescriptive grammars till the middle of the nineteenth century and may still be traced in some present day syntactic descriptions, including "String Analysis" by Z. S. Harris.

К ПРОБЛЕМЕ ФАКУЛЬТАТИВНОЙ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

В. В. Бурлакова

Понятие факультативной и обязательной сочетаемости прочно укоренилось в современной отечественной лингвистике.

Несмотря на то, что упоминание об этом явлении встречается еще у А. М. Пешковского,¹ окончательное признание идея факультативности и обязательности элементов в сочетаниях получила после работ В. В. Виноградова, В. Г. Адмони, Л. Л. Иофик² и нашла свое дальнейшее развитие в трудах целого ряда исследователей.³

Вместе с тем нельзя считать, что все упомянутые авторы трактуют этот вопрос в одинаковом плане. Если А. М. Пешковский, а вслед за ним и Л. Н. Иорданская и Ю. Д. Апресян, исследуя вопросы сильного и слабого управления, главным образом концентрируют внимание на предсказуемости второго элемента, исходя из формы первого, то в статьях В. Г. Адмони и Е. А. Иванчиковой обязательная и факультативная сочетаемости получают несколько иное освещение.

В. Г. Адмони наряду с рассмотрением собственно словесных форм, которые не обладают абсолютным употреблением, уделяет значительное внимание описанию несамостоятельности отдельных единиц, которые он также называет «формами слов» или просто формами, хотя в действительности речь идет не о формах одного класса, а о лексико-грамматических разрядах слов, а в отдельных случаях просто о лексических единицах. Так, например, отмечается, что «при точно направленной обязательной сочетаемости в форме, которая этой сочетаемостью обладает, как бы уже содержится предвосхищение того, что должно быть в данной структуре восполнено».⁴ Для иллюстрации этого положения приведен глагол *быть*, который «обязательно указывает на определенный предикатив».

Судя по изложенному, можно полагать, что глагол *быть* является той единицей, которой свойственна обязательная сочетаемость независимо от ее функционирования, и что данная характеристика распространяется на соответствующие глаголы других индоевропейских языков, так как вслед за русским глаголом *быть* упоминается немецкий глагол *sein* в сочетании *Die-Rose ist...*, так же как единица, предсказывающая обязательный предикатив.⁵

Несмотря на безусловную справедливость последнего утверждения, все же сопоставление высказываний о русском глаголе *быть* и немецком *sein* скрывает некоторую противоречивость. Русский глагол *быть* рассматривается не в конкретной структуре, а изолированно. В таком случае понятие самого термина «форма» несколько иное, чем, скажем, в тех случаях,

когда имеется в виду какая-либо специфическая форма слова, как, например, форма падежа существительного или форма лица глагола. Действительно, вряд ли можно оспаривать, что личные формы глагола в английском языке, как-то: *is, has, reads* свидетельствуют о необходимости левой сочетаемости, так как эти формы обычно не функционируют самостоятельно, вне определенных синтаксических группировок.

Словесные формы указанного типа действительно можно назвать элементами с обязательной сочетаемостью. Однако распространять это понятие на формы именительного падежа существительного в русском языке или существительного в общем падеже в английском и целого ряда глагольных форм как в том, так и в другом языке оснований нет, ибо они легко используются в абсолютном употреблении. Например, односоставные предложения русского языка — *Разбой! Пожар! Бунт!*⁶ или в английском: *Fire! Thieves! Come!*

Из этого следует, что понятие обязательной сочетаемости в плане определенных структур касается только некоторых форм слов, но никак не целых классов или подклассов. Именно поэтому представляется спорной характеристика глагола *быть* как единицы, требующей добавочного элемента для завершения конструкции. Такое утверждение может оказаться справедливым в отношении глагола *быть* только как лексической единицы, но не как элемента, участвующего в определенной структуре. Если взять в качестве примера хотя бы русский перевод монолога Гамлета «*Быть или не быть*», то в указанной структуре глагол *быть* не только не обладает обязательной сочетаемостью, но, напротив, характеризуется обязательной «*несочетаемостью*».

Существование структурной схемы, требующей абсолютного функционирования глагола *быть*, свидетельствует о том, что наличие или отсутствие комплементарного элемента обусловлено не самим глаголом, а той позицией, которую он занимает в каждой из допускающих его структур. Даже личные формы глагола *быть* предполагают не обязательную сочетаемость вообще, а, например в английском языке, только обязательное заполнение левой позиции: *We all of us spend some of our time pretending that something that is, is not — and we are not grateful to those who break the dream* (M. St. Nine, 23); *Oh what people say — They always look at what might be, or what should be, never at what is* (M. Sp., Bach.).

Абсолютное употребление неличных форм — явление еще более частое: *For all these gestures she had really extinguished herself in his presence wanting simply to let him be* (I. M., Nice, 108); *And this had to be not only because of ...* (Ibid., 175); *Time to be! Burst the spirit's sleep.* (S. V., King, 142); *Tell your men to let the travellers be* (J. M., Dec., 101).

Таким образом, глагол *быть*, так же как и его английский

аналог *to be*, взятый вне синтаксической структуры, не может однозначно предсказать тип своего синтаксического поведения. Поэтому утверждение, что в сочетании типа *Die Rose ist ...* обязательен еще один элемент, представляется в значительной мере спорным.⁷ В приведенном примере не столько сама форма глагола *ist*, сколько сочетание этого глагола с подлежащим определенного лексического значения указывает на необходимость какого-то правого элемента для смыслового завершения высказывания. Однако стоит заменить *Die Rose* на *Der Gott*, как необходимость добавочного элемента сразу же станет гораздо менее ощутимой, особенно в тексте религиозного характера.

Однако подобный анализ переходит из области грамматики в область лексики, так как о завершенности конструкции начинают судить исходя из завершенности или незавершенности смысла отдельной словесной единицы. Совершенно естественно, что те положения, которые справедливы для уровня анализа лексических значений отдельных слов и словоупотреблений, оказываются нерелевантными для уровня анализа грамматических структур. Вместе с тем в ряде случаев именно это и происходит, т. е. лексическая незавершенность отдельного элемента выдается за регулярную структурно-грамматическую незавершенность модели.

Примером подобного подхода может служить трактовка комбинаторных свойств переходных глаголов, которым обычно приписывается обязательная сочетаемость с прямым дополнением. Но подобное утверждение может относиться только к лексической незавершенности переходных глаголов, взятых изолированно, как словарные единицы вне определенной структуры. Тогда как функционирование в определенных синтаксических моделях в ряде случаев делает появление прямого дополнения при переходном глаголе не только факультативным, но и просто невозможным.

Иными словами, нулевая сочетаемость не является окказиональной, а характерна для определенного синтаксического использования переходных глаголов.

В связи с регулярностью проявления данного признака есть все основания считать, что абсолютное употребление также характерно для некоторых синтаксических позиций переходного глагола как сочетания с прямым дополнением для других.

Например, глагол *to discuss*, который по данным словаря *The Concise Oxford Dictionary*⁸ является только переходным глаголом, в определенных синтаксических позициях лишается способности комбинироваться с прямым дополнением: *The chance to listen and to discuss seems to me...*

Наиболее часто утрата комбинаторных способностей наблюдается у единиц, занимающих позицию определения как препозитивного, так и постпозитивного. Изменение валентных

свойств особо ярко выражено в пропозитивных группах, где в большинстве случаев наблюдается полная утрата сочетательных возможностей переходного глагола. Например: *admiring glances, astonishing career, frightening noises, terrifying experience, vitalizing effect*.

Во всех приведенных биномах⁹ причастия образованы от собственно переходных глаголов, для которых непереходное употребление не отмечено словарем.¹⁰ В тех действительно редких случаях, когда причастие в функции пропозитивного определения сохраняет при себе прямое дополнение, размещение элементов по отношению друг друга меняется, и прямое дополнение переходит на левую контактную позицию. Вероятно, это обусловлено существующей закономерностью аранжировки, требующей, чтобы прямое дополнение было отодвинуто от ядра сочетания на одну позицию дальше, чем глагольный элемент, так как именно такая соотнесенность с ядром позволяет классифицировать его как прямое дополнение. В результате подобной перестройки группы часто возникают сложные слова. Например: *to fear god <=> god-fearing (people)*.

Абсолютное употребление переходных глаголов наблюдается и в позиции постпозитивных определений. Однако необходимо отметить, что нулевая сочетаемость глагольного элемента при атрибутивном использовании может быть только кажущейся, вернее относящейся к поверхностной структуре, так как в глубинной структуре объект, соотносимый с действием, обозначенным глаголом, часто бывает выражен антецедентом, т. е. находится слева от глагольного элемента. Например: *She had now nothing more to desire* (W. M., Cat., 18).

Аналогичное квазиабсолютное употребление глагола наблюдается в определительных предикативных единицах, где глагол-сказуемое фактически имеет левую направленность объектных связей и где прямое дополнение также совпадает с антецедентом и поэтому занимает левую контактную позицию по отношению подлежащего придаточного: *Forgot her age and accepted*

her as the passionate girl of sixteen she was representing (W. M., Cat., 239). Наличие связей между глаголом-сказуемым придаточного и его антецедентом можно легко проследить, если попытаться отделить придаточное от главного и таким образом нарушить связь между глаголом-сказуемым и определяемым: *she was representing*. В таком виде вышеприведенное предложение не может существовать самостоятельно, так как переходный глагол, используемый как сказуемое независимого предложения, обычно требует эксплицитно или имплицитно выраженного прямого дополнения, а в случаях изоляции зависимых предикативных единиц атрибутивного характера ни явного, ни предполагаемого дополнения не сохраняется.

Утрата комбинаторных свойств переходного глагола может встречаться не только в атрибутивной позиции, но и в отдельных случаях при ином синтаксическом использовании. Например: ...it is more blessed to receive than to give (E. F., Pass., 143); I have loved too much ... I have given and I haven't received (M. Sp., Bach., 164).

Как свидетельствует материал, нулевая сочетаемость переходных глаголов чаще наблюдается у неличных глагольных форм, независимо от того, выступают ли они самостоятельными членами предложения или являются частью сложной глагольной формы времени, залога или наклонения.

Абсолютное употребление синтетических глагольных форм встречается относительно редко и модели типа *He gives generously* единичны.¹¹

Иными словами, использование переходного глагола в позиции сказуемого в форме настоящего простого или прошедшего простого времени обычно влечет за собой обязательное присутствие дополнения. В отдельных структурах по семантическим причинам ни один лексически значимый элемент не может занять эту позицию, и в таких случаях для сохранения структурной схемы используется «пустой» элемент. Так, например, глагол *right*, по данным словаря Хорнби,¹² является только переходным глаголом, а, следовательно, в позиции сказуемого требует наличия прямого дополнения: *Right the helm!*¹³

Однако в таких случаях, когда этот же глагол используется для выражения действия, направленного не на какой-то внешний объект, а действия, сосредоточенного в сфере субъекта, обозначенного подлежащим, и так как требования структурной модели не меняются, то для заполнения позиции прямого дополнения используется элемент *itself*, который, по сути дела, не несет в себе никакой новой по содержанию информации, но необходим для сохранения данной структурной схемы: *The ship righted itself.*¹⁴

Таким образом, структурно обязательная сочетаемость обусловлена не свойствами словарных единиц, а требованиями синтаксической модели. Поэтому, если рассматривать переходный глагол как словарную единицу языка на уровне лексического значения, то в этом случае действительно всякий переходный глагол, взятый изолированно, всегда обладает обязательной лексической сочетаемостью. Однако если проводить анализ на уровне синтаксиса, т. е. рассматривать функционирование переходных глаголов в определенных структурах, то положение резко меняется, ибо в этом случае сочетаемость переходного глагола регулируется требованиями модели.

Вместе с тем переходность как грамматическое свойство глагола остается в пределах грамматики в том случае, когда данная способность глагола рассматривается как потенциальное качество. Это существенно для тех языков, в которых пря-

мое дополнение сохранило форму винительного падежа, так как общеизвестно, что глагол является единственной частью речи, которая способна комбинироваться с именем в винительном падеже. Таким образом, в подобных языках переходность представляет отличительное глагольное свойство, характеризующее глагол как морфологический класс. Для английского языка переходность есть одно из проявлений валентности глагола и морфологического значения не имеет.

Далее, противопоставление потенциальной и обязательной сочетаемости в том виде, как они представлены в статье В. Г. Адмони,¹⁵ также требует некоторого уточнения.

Потенциальная сочетаемость как свойство переходного глагола характеризует каждый переходный глагол, рассматриваемый в плане языка, тогда как на синтаксическом уровне все имеющиеся в данной структуре приглагольные позиции следует считать обязательными, ибо если по соображениям завершенности значения какие-то позиции можно отбросить, то в синтаксическом плане это означает только одно: изменение структуры, т. е. замену одной модели другою.

Если считать, что структура есть «система отношений элементов»¹⁶ и что «все связи в этих системах рассматриваются как в равной мере необходимые»¹⁷ и что образование некоего целого возможно «только при наличии строго определенных компонентов, которые взаимодействуют между собой избирательно»¹⁸ то для каждого типа структур и соответственно их моделей необходим определенный состав и специфические связи элементов.

Всякое изменение как состава, так и связей ведет к разрушению данной структуры даже в том случае, если в результате отсечения каких-то элементов оставшаяся часть может фигурировать как самостоятельное образование. Иными словами, «развертывание моделей» на уровне синтаксиса представляется понятием не вполне точным, так как развертывание предполагает введение некоторых добавочных элементов и возникновение вследствие этого ранее не существовавших связей и, следовательно, приводит к созданию новой структуры и соответственно новой модели построения. Так, например, сочетание *Then (she) knocked them over gently one by one with her umbrella* может быть представлено в виде следующей схемы: АМ + ... + + V + О₁ + АМ + АМ + АМ.¹⁹

Несмотря на то, что для завершения лексического значения переходного глагола достаточно наличия прямого дополнения, из этого не следует, что заполнение всех остальных позиций, кроме О₁, является факультативным на синтаксическом уровне. Если на уровне сочетания слов существуют структурные схемы, состоящие из одного глагола и пяти зависимых, то из этого следует только одно — для данной модели все синтаксические позиции являются обязательными, так как изменение

количества зависимых ведет к изменению структуры. Вместе с тем наряду с этой структурой исследуемый глагол может функционировать и в ряде других, в частности, таких, которые совпадают с рассмотренной в некоторой своей части, но обладают меньшим объемом, а следовательно, являются другими структурами, как, например: $V + O_1$; $V + O_1 + AM$; $V + O_1 + + AM + AM$; $V + O_1 + AM + AM + AM$.

Однако из этого не следует, что только в первой из приведенных моделей отражена обязательная сочетаемость переходного глагола, рассматриваемого как синтаксическая единица. Строгая необходимость наличия O_1 для завершенности значения переходного глагола — явление лексическое и соотносится с синтаксическими структурами только в этом плане. Таким образом, все существующие модели сочетаемости являются сериями реализаций потенциальных комбинаторных свойств исследуемой единицы.

Синтаксическая единица не может обладать потенциальной валентностью (за исключением случаев эллипса), так как единица, называемая синтаксической, является обязательной участницей какой-то определенной структуры, и, следовательно, в каждом случае происходит актуализация только тех валентностей, которые необходимы для создания именно этой модели.

Утверждение,²⁰ что при наличии обязательной сочетаемости от соответствующей формы «исходит такая ясная, отчетливая проекция синтаксического отношения, что в случае абсолютного употребления данной формы эта проекция выходит за пределы предложения и неизбежно заставляет мысль проделать соответствующий путь и включить в свой состав нечто, не нашедшее прямого лексического выражения в данном предложении», при всей своей справедливости относится к логическим ассоциациям, а не к синтаксическим структурам. Поэтому трудно согласиться, что при абсолютном употреблении формы от нее может исходить синтаксическая проекция. Если абсолютное употребление формы обусловлено структурной схемой, которая не допускает выраженного языковыми средствами комплементарного элемента, то в таких случаях вряд ли есть основания считать, что в наличии имеется синтаксическая проекция. Так, например, если в сочетаниях *enchanting smile*, *bewitching smile* глагольный элемент не имеет O_1 , то фактическое появление этого комплементарного элемента исключено, ибо указанная синтаксическая позиция не предусмотрена данной моделью.

О синтаксической проекции есть основания говорить только в случаях эллипса, при котором требование завершенности конструкции действительно допускает введение эксплицитно выраженного добавочного элемента. Например: *Isabel ... had written to me some time ago about a new apprentice* (I. M., Girl., 7), где явно ощущается пропуск O_1 , которое может быть легко восстановлено в виде *a letter*, *a note* и т. п.

Однако в сочетаниях, которым свойственно постоянно функционировать без эксплицитно выраженного O_1 , хотя по содержанию высказывания ясно, что имеется в виду действие, направленное на объект, не следует усматривать эллиптические структуры, так как если «отсутствие компонентов является нормой», то «не может быть речи об эллипсе».²¹ Примером подобного рода употребления переходного глагола может служить следующее предложение: *He gives generously*. Нуловая сочетаемость личных форм переходных глаголов регулярно наблюдается в тех случаях, когда глагольное действие предполагает направленность на любой предмет данного вида. Следовательно, на уровне синтаксических структур понятие факультативной сочетаемости отсутствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 396—403.

² В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетания (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 3; В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. ВЯ, 1958, № 1; Л. Л. Иофик. Некоторые особенности сложноподчиненного предложения в современном английском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 233, сер. филолог. наук, вып. 36, 1958.

³ См., например: Л. Н. Иорданская. Два оператора для обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961; Ю. Д. Апресян. О сильном и слабом управлении. ВЯ, 1964, № 3; Е. А. Иванчикова. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. ВЯ, 1965, № 5.

⁴ В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, стр. 113.

⁵ Там же.

⁶ Приведенные русские примеры заимствованы из: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 379 и 382.

⁷ В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, стр. 113.

⁸ The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1956.

⁹ Термин заимствован у В. Н. Ярцевой. — См.: В. Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, стр. 44.

¹⁰ The Concise Oxford Dictionary...

¹¹ Пример заимствован в словаре: А. С. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958, p. 525.

¹² Там же, стр. 1087.

¹³ Как известно, в односоставных повелительных предложениях допустима трактовка главного члена как сказуемого. См., например: В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 230.

¹⁴ A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary..., p. 1087.

¹⁵ В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, стр. 111, 113.

¹⁶ В. И. Свидерский. Об отражении элементов и структуры явлений в формах познания. В сб.: Некоторые вопросы методологии научного исследования, вып. 1. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 137.

¹⁷ Ю. В. Сачков. Проблема структуры материи и вероятность. В сб.: Структура и формы материи. М., 1967, стр. 50.

18 Н. Т. Абрамова. Диалектика части и целого. В сб.: Структура и формы материи. М., 1967, стр. 73.

19 AM — adverbial modifier; V — verb; O₁ — direct object.

20 В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, стр. 114.

21 Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М.—Л., 1967, стр. 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- E. F., Pass. — E. M. Forster. *A Passage to India*. [London], 1924.
J. M., Girl — Iris Murdoch. *The Italian Girl*. [London], 1964.
J. M., Nice — Iris Murdoch. *The Nice and the Good*. London, 1968.
J. M., Dec. — John Masters. *The Deceivers*. [London], 1962.
M. Sp., Bach. — Muriel Spark. *The Bachelors*. [London], 1964.
M. St., Nine — Mary Stewart. *Nine Coaches Waiting*. London, 1962.
S. B., King — Saul Bellows. *Henderson the Rain King*. N. Y., 1963.
W. M., Cat. — William S. Maugham. *Catalina*. [London], 1967.

Summary

This paper deals with the question of non-omissible elements in syntactic structures.

The conclusion which can be drawn from the discussion is that there are no omissible elements at the syntactic level as the omission of one element, even if semantically possible results in the change of the pattern.

СООТНОШЕНИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

B. B. Бурлакова

Внутренняя структура словосочетания, так же как и соотношение предложения и словосочетания, неоднократно привлекали внимание советских лингвистов.

Несмотря на то, что субординативные словесные группы, получившие всеобщее признание как истинные словосочетания, широко освещены в трудах отечественных исследователей,¹ даже наличие многочисленных работ оказалось недостаточным для исчерпывающего описания всех свойств подчинительных структур, и ряд вопросов внутреннего строения групп до сих пор остается нерешенным.

До настоящего времени не затронут вопрос о формальных отличительных признаках, на основании которых можно определить тот элемент в словосочетании, который является его стержнем.

Работы зарубежных лингвистов не дают ответа на этот вопрос, так как принятая ими классификация не позволяет вы-

явить стержневой элемент, основываясь на внутренней структуре словосочетания. Деление словосочетаний на экзоцентрические и эндоцентрические, принятые в западноевропейской и американской лингвистике и ведущее свое начало еще от классификации Л. Блумфильда,² исходит из поведения словосочетания на более высоком уровне анализа и игнорирует его внутреннее строение.³

Таким образом, сочетания типа *red roses* и *Tom and Mary* относятся к эндоцентрическим, так как и в том и в другом случае хотя бы один из составляющих элементов может заменить всю конструкцию в большей структуре: *I like red roses* — *I like roses*; *Tom and Mary* came — *Tom* came; *Mary* came.

Иными словами, разные по своей внутренней структуре сочетания попадают в одну классификационную группу в силу того, что один или более элементов могут функционировать вместо всего сочетания на более высоком уровне анализа.

Однако для формального выделения стержневого слова подобное расширение структуры не обязательно. Определить, какой из элементов является ведущим, можно, оставаясь в пределах исследуемого словосочетания, не расширяя его и основываясь только на его внутреннем строении.

Как каждый элемент структуры, стержневое слово имеет присущие только ему специфические признаки, отличающие его от других элементов данной структуры и позволяющие определить его как нечто иное по отношению к остальным единицам, образующим данное сочетание. Несмотря на это, до настоящего времени стержневое слово словосочетания выделяется интуитивно, и, хотя интуиция является мощным фактором в науке, все же возможность классифицировать элементы по строго формальным признакам гарантирует более точное определение исследуемого явления.

Общеизвестно, что стержневое слово может быть выделено только в словосочетании, члены которого находятся в отношении подчинения, т. е. стержневое слово является господствующим, от которого зависят остальные входящие в словосочетание элементы. Также известно, что в терминах традиционного синтаксиса отношения подчинения бывают представлены тремя следующими типами синтаксической связи.⁴ а) атрибутивной — *new books*, б) объектной — *to read books* и в) обстоятельственной — *to run fast*.

Существование перечисленных типов синтаксических отношений внутри словосочетания одновременно свидетельствует о наличии внутри словесных групп синтаксических элементов, которые характеризуются данными отношениями, т. е. второстепенных членов, ибо отношения не могут быть вне образующих их элементов. Атрибутивная связь может существовать только тогда, когда имеется второстепенный член, именуемый определением; объектная связь возникает одновременно с по-

явлением дополнения, а обстоятельственные отношения указывают на присутствие различного рода обстоятельств.

Действительно, объем минимального (т. е. двучленного) словосочетания оказывается вполне достаточным для выявления синтаксической функции зависимого элемента. Так, в словосочетании *new books* зависимый элемент *new* можно без труда идентифицировать как определение, а в сочетаниях *to read books* и *to run fast* слова *books* и *fast* легко классифицируются как дополнение и обстоятельство. Более того, на уровне словосочетания различимы не только определение, дополнение и обстоятельство, но и их разновидности — дополнение прямое и косвенное, обстоятельство места, времени, образа действия и т. п. Например: *to give lessons to these children*; *to come home early*. Именно эта возможность лежит в основе традиционного деления глаголов на переходные и непереходные: *to read books*; *to run fast*.

Аналогичное явление наблюдается и в других языках. Например: двухэлементные словосочетания в русском *новый дом*, *дом брата*, в немецком *kleine Mädchen* и во французском *une jolie maison*; *un livre sérieux* оказываются вполне достаточными для выделения второстепенного члена, называемого определением.

Дополнение и обстоятельство в этих языках также легко различимы в минимальных словосочетаниях: в русском — *читать книги*; *быстро бежать*; в немецком — *Blumen pflanzen*; *schnell laufen* и во французском — *acheter des livres*; *marcher vite*.

Из сказанного следует, что классификация зависимых единиц подчинительного словосочетания в терминах синтаксических единиц, т. е. второстепенных членов, подтверждается фактами языкового материала и, следовательно, имеет объективное обоснование.

На фоне выделенных синтаксических связей зависимых элементов (определение, дополнение, обстоятельство) легко различается стержневой элемент словосочетания как единица, синтаксическая функция которой остается неидентифицированной на данном уровне анализа. Например: *new books*, *new* — определение, синтаксическая функция существительного *books* остается не выясненной в данном объеме словосочетания; следовательно, *books* является стержневым словом. Аналогично в *to read books* и *to run fast*, где *read* и *run* выступают стержневыми элементами, так как их синтаксическая функция не может быть идентифицирована в пределах рассматриваемого сочетания.

При дальнейшем развертывании группы путем введения новых подчиняющих единиц происходит смещение стержневого элемента. Например: *impassively* (обст-во), *surly* (стержн. элемент); *impassively* (обст-во) *surly* (опр.) *faces* (стержн. эле-

мент); to see (стержн. элемент) *impassively* (обст-во) *surly* (опр.) *faces* (доп.).

Из сказанного не следует, что на уровне предложения синтаксические функции зависимых элементов совпадут с их синтаксической ролью на ярусе более низкого порядка. На уровне предложения целое подчинительное словосочетание может оказаться единым синтаксическим комплексом: *It is always unpleasant to see impassively surly faces*. В таких случаях отношения между элементами словосочетания остаются внутренними связями, т. е. связями более низкого ранга.⁵

Однако возможно и иное положение, как, например, *I saw impassively surly faces*, где зависимый элемент *faces* сохраняет свою синтаксическую позицию в большей структуре; т. е. на более высоком уровне анализа.

Таким образом, дифференциальным признаком ведущего члена подчинительного словосочетания является неидентифицированность его синтаксической позиции на уровне анализа.

Переходя к рассмотрению второго вопроса, поставленного в этой статье, следует отметить, что проблеме соотношения словосочетания и предложения также было оказано серьезное внимание в отечественном языкоznании и посвящено много исследований. В подавляющем большинстве работ эта проблема решалась признанием коренного различия двух рассматриваемых единиц.⁶

Несмотря на бесспорную доказательность аргументов, приводимых в пользу разграничения словосочетания и предложения, не все было до конца ясным в этих работах, так как по молчаливому соглашению исследователей как бы ставился знак равенства между предикативными сочетаниями и предложением. Сторонники классификации предикативных групп как особого рода словосочетаний оказывались в меньшинстве.⁷

Вследствие отказа от разграничения предикативных сочетаний и предложения как различных синтаксических единиц, критика часто относилась не к сущности проблемы, а касалась терминов, ибо у разных авторов одно название часто объединяло различные понятия.

Общеизвестно, что до настоящих дней предложение не получило точного лингвистического определения, и все же несмотря на это существует целый набор признаков, позволяющий лингвистам безошибочно ориентироваться в языковом материале при идентификации предложений для нужных целей. Следует подчеркнуть, что вследствие различных задач, стоящих перед исследователями, в идентификации этой лингвистической единицы обычно отсутствует одинаковый охват признаков и она характеризуется различием в уровнях исследовательского подхода.

Действительно, предложение, как и большинство других лингвистических единиц, может выступать по меньшей мере

двупланово: как единица языка и как единица речи. И в том и в другом случае она не тождественна предикативному сочетанию.

Как единица языка предложение представлено набором моделей, включающих не только структурные схемы организации составляющих, но и супрасегментные элементы; тогда как в речи происходит актуализация этих «клише-предложений».⁸

Намеренное или случайное пренебрежение этим фактом может вызвать серьезные неясности в трактовке данной проблемы. Так, например, А. Гардинер,⁹ а вслед за ним и О. Ахманова и Г. Микаэлян¹⁰ считают предложение единицей речи. Однако, как справедливо отметил В. Матезиус,¹¹ в работе А. Гардинера рассматривается только индивидуальное высказывание, т. е. актуализованная модель, и в силу этого, естественно, А. Гардинер выводит предложение из сферы языка.

Русские лингвисты конца XIX и начала XX в. также обращали мало внимания на уровень анализа, что естественно усложняло понимание их концепций в более поздний период, когда к лингвистическим исследованиям стали предъявлять требования большей точности описания.

Как известно, виднейшие представители отечественного языковедения упомянутого периода обычно включали предикативные сочетания,¹² именуя их предложениями, в сферу словосочетания. Вместе с тем нечеткое разграничение планов проводимого анализа в этих работах привело позднее к не вполне оправданной критике данных теорий. Критические замечания были не совсем справедливы, ибо обсуждались разноярусовые единицы, носящие одинаковые названия.

Действительно, если проанализировать более подробно хотя бы некоторые из критикуемых работ, то можно увидеть, что, называя *предложение законченным словосочетанием*¹³ или просто одним из видов словосочетания,¹⁴ русские лингвисты не имели в виду единицы коммуникации,¹⁵ а исследовали формальную сторону этих сочетаний. Так, например, рассматривая «отдельные полные слова» *Пушкин* и *поэт*, Ф. Ф. Фортунатов указывает, что они могут группироваться в различные словосочетания, например: *Пушкин — поэт* или *поэт Пушкин*.¹⁶

Аналогично и в работе А. А. Шахматова, где учение о предложении как о законченном словосочетании предусматривает исследование всех элементов, входящих в его состав, будь они независимые, используемые в функции главных членов, или зависимые.¹⁷

Таким образом, в упомянутых работах «предложениями» как и «законченными словосочетаниями» называются даже не языковые модели предложений, так как последние предполагают включение супрасегментных элементов, а просто линейно организованные схемы предикативных сочетаний.

В силу этого основное возражение советских лингвистов против включения предикативных сочетаний в сферу изучения словосочетания отпадает. Опасение, что параллельное изучение предикативных и непредикативных сочетаний может привести к смешению предложения и словосочетания, оказывается лишенным основания, так как предикативные сочетания не тождественны предложению, а являются только основой предложения, которая нуждается еще в значительном пополнении, чтобы стать предложением.

Другими словами, предикативное сочетание отличается от предложения тем, что не имеет соответствующего интонационного оформления¹⁸ и лишено коммуникативной направленности. Только при наличии этих отличительных свойств предикативное сочетание может преобразоваться в предложение.

Сама предикативная структура, взятая вне супрасегментных элементов и не имеющая коммуникативной нагрузки, является всего лишь языковым инвентарем. Так, например, противопоставление сочетаний *the girl runs* и *the girls run* является ни чем иным, как сопоставлением структурных схем аранжировки определенных форм группирующихся единиц, благодаря которому можно установить, что единственное число имени существительного образует сочетание с глаголом, имеющим окончание *-s*, а появление окончания *-s* у имени существительного влечет за собой исчезновение этого элемента у сочетающегося с ним глагола. Таким образом, рассмотрение предикативных сочетаний на уровне словосочетания никак не грозит «смешению предложения и словосочетания», ибо исследуемая структура рассматривается совершенно под другим углом зрения. Аналогично и в сочетаниях: *I am*, *he is*, *you are*, где на уровне словосочетания устанавливаются только формы и взаимное расположение комбинирующихся единиц.

Следовательно, если принять за отправную точку рассуждения положение современной лингвистики о том, что язык есть инвентарь речи, т. е. набор лексических единиц и грамматических закономерностей, дающих возможность сгруппировать слова в структурно организованные группы, то из этого следует, что учение о сочетаемости слов принадлежит к области языка и что в речи происходит только актуализация заготовленных сочетаний, построенных на основании регулярно повторяющихся закономерностей.

Иными словами, в тех случаях, когда предложение не состоит из одного слова, разница между предикативным словосочетанием и предложением лежит в плане разницы языка в речи. Это положение может быть принято, безусловно, только в том случае, если под термином «предложение» понимается актуальное сообщение.

Однако на этом еще не заканчивается отличие предикатив-

ного сочетания от предложения, так как в плане языка существуют две противопоставимые единицы: предикативное словосочетание и модель предложения. Бессспорно, в основе последней лежит предикативное словосочетание, если имеется в виду модель двусоставного предложения. Вместе с тем модель предложения более объемна, чем предикативное сочетание, так как включает в себя супрасегментные элементы.

Таким образом, в плане языка существуют как бы два яруса: один из них более низкий, на котором устанавливаются закономерности, диктующие порядок расположения и формы комбинирующихся единиц, тогда как следующий уровень предполагает наложение супрасегментных элементов, что создает модель предложения. Только после этого, получив коммуникативную направленность, данная структура может быть реализована в речи.

Следовательно, между созданием предикативного сочетания и актуальным предложением в речи существует еще одно звено — модель предложения, которая часто, так же как и предикативное сочетание, обозначается термином «предложение». Подобное использование термина вносит дополнительную неясность в этот и без того сложный вопрос.

Спорность исключения предикативного сочетания из учения о словосочетании усиливается еще тем, что на уровне моделей предложения существуют не только модели двусоставных предложений, основанных на предикативных сочетаниях, но и другие структуры. Так, например, последовательность элементов $N + \text{prp} + N$,¹⁹ представляющая собой общепризнанную схему подчинительного атрибутивно-субстантивного словосочетания, одновременно широко используется как модель односоставного предложения: *The way of the Lake* (T. Dr., Am. Tr., 574); *The horrog of this effort* (*Ibid.*, 596); *The lion-dust of desert* (Dur., Balt., 11). Аналогичное явление наблюдается и в отношении следующей структурной схемы: $\text{Attr}^{20} + N$: *This impending disaster* (T. Dr., Am. Tr., 555); *Oh, those bells* (T. Osb., Look, 138); *Poor squirrels* (J. Osb., Look, 142).

Однако этот факт почему-то не вызывает опасений о возможности смешения предложения и словосочетания. Правда субстантивные сочетания вышеприведенного типа актуализируются в виде предложений значительно реже, чем предикативные. Однако для принципиального решения вопроса это не существенно, так как важна сама возможность их реализации в виде предложений.

Такая недостаточная последовательность в решении проблемы о соотношении предложения и словосочетания значительно снижает доказательную силу утверждения, что включение предикативных групп в учение о словосочетании может привести к смешению этих двух единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Избр. труды, т. I. М., 1956; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947; Его же. Вопросы изучения словосочетания (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 3; Грамматика русского языка, т. II, ч. I. М., Изд. АН СССР, 1960; В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, и др.

² L. Bloomfield. Language. N. Y., 1933; Harold Whitehall. Structural Essentials of English. N. Y., 1956.

³ Как известно, западные лингвисты считают экзоцентрическими такие сочетания, в которых ни один из составляющих элементов не может заменить все сочетание в большей структуре, а эндоцентрическими — сочетания, в которых один или более составляющих элементов могут функционировать в большей структуре вместо всего сочетания.

⁴ Грамматика русского языка, т. II, ч. 1, стр. 10, 15, 116, 227, 228; Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, 1957, стр. 7—8.

⁵ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 107—121.

⁶ См., например: В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 3, стр. 3—24; Грамматика русского языка, т. II, ч. I. Изд. АН СССР, 1954, стр. 11 и далее; В. Н. Ярцева. Предложение и словосочетание. В сб.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 436; О. С. Ахманова. Словосочетание. Там же, стр. 452; Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.

⁷ В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке, стр. 147; Б. А. Ильиш. Стой современного английского языка. М.—Л., 1965, стр. 179—180.—Следует подчеркнуть, что указанные авторы не отождествляют предложение и словосочетание, но считают возможным включить в учение о словосочетании и предикативные образования. Более того, проф. Б. А. Ильиш показал, что эти единицы принадлежат к разным уровням.

⁸ В. Скаличка. О грамматике венгерского языка. В сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, стр. 160.

⁹ A. Gardiner. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1932.

¹⁰ О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. Изд. МГУ, 1963, стр. 55—60.

¹¹ В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. В сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, стр. 236.

¹² В данной работе «предикативность» употребляется в значении, придаваемом этому термину проф. М. И. Стеблин-Каменским.—См.: М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. Вестник ЛГУ, 1956, № 20, сер. ист., яз. и лит., вып. 4.

¹³ Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. I. М., 1956, стр. 183; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 274.

¹⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1957, стр. 34—62.

¹⁵ Как известно, в отечественной лингвистике коммуникативная функция признается одним из ведущих признаков предложения.—См., например: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 123.

¹⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. I, стр. 182.

¹⁷ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 276—277.

¹⁸ Ч. Хоккетт отмечает, что если предложение лишено интонации (if the intonation is listed), то оставшаяся структура представляет собой предикативное сочетание (Charles Hockett. A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1959, p. 200).

¹⁹ N — noun; prp — preposition.

²⁰ Attr — attribute.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Dur., Balt. — Lawrence Durrell. Balthazar. London, 1958.

J. Osb., Look — John Osborne. Look Back in Anger. Moscow, 1966.

T. Dr., Am. Tr. — Th. Dreiser. An American Tragedy, vol. I. Moscow, 1951.

Summary

This paper constitutes an attempt (1) to determine the distinctive feature of the head word in a phrase and (2) to treat a predicative construction as a unit of the phrase level. It is believed reasonable to determine the constituents of a phrase in terms of syntactic elements, i. e. attribute, object, adverbial modifier. Then it follows that the word whose syntactic position cannot be identified at the level of analysis is the head of the phrase.

As to the predicative construction being a unit of the phrase level there is evidence tending to support this view. There is sharp debate on this issue in Soviet linguistics and two traditions can be distinguished.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СЛОВА-ЗАМЕСТИТЕЛЯ ONE В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

H. B. Варгина

Несмотря на большой интерес, который проявляют в последние годы исследователи английского языка к теории замещения вообще и к отдельным словам-заместителям в частности,¹ вопрос о месте слова-заместителя опе в системе частей речи английского языка все еще остается дискуссионным.

Вопрос о месте других слов-заместителей в системе частей речи не вызывает больших разногласий. Обычно их причисляют к различным знаменательным частям речи (местоимениям: it, that; глаголам: do), отмечая при этом их служебное использование.²

Такое решение представляется наиболее справедливым. Ведь то обстоятельство, что слова-заместители, выполняющие служебную функцию структурного замещения отсутствующего члена предложения, должны неизбежно являться членами предложения, не позволяет отнести эти слова к служебным частям речи, так как последние не могут выступать в качестве членов предложения. Однако слова, принадлежащие к знаменательным частям речи, могут выполнять различные служебные функции. Так, вспомогательные глаголы служат для обра-

зования сложных глагольных форм, но не перестают быть глаголами.

Слова, выполняющие служебную функцию структурного замещения, также, по всей вероятности, следует отнести к знаменательным частям речи в служебном использовании. Однако при решении вопроса о том, к какой знаменательной части речи следует отнести служебное слово-заместитель *one*, возникают значительные трудности и связанные с ними разногласия.

Как известно, помимо служебного слова-заместителя *one*, в английском языке имеются числительное *one* и местоимение *one*. Кроме того, что особенно важно отметить, слово-заместитель *one*, в отличие от всех других служебных слов-заместителей, приобретает формальные признаки существительного — форму мн. ч. *ones*, род. пад. *one's*, а также возможность сочетаться с артиклем (а *one*, *the one(s)*), не свойственные ни числительному, ни местоимению.

Это последнее обстоятельство позволяет Н. Ф. Устиновой в одной из первых работ, в которой затрагивались вопросы замещения,³ сделать вывод о том, что слово-заместитель *one* следует отнести к особой части речи, омонимичной числительному и неопределенному местоимению. Однако вопрос о том, к какой части речи нужно отнести *one* в этом случае, Н. Ф. Устинова не ставит.

Чаще всего слово-заместитель *one* относят к местоимениям, числительным или существительным. Обычно, относя слово-заместитель *one* к разряду местоимений, исследователи никак это не аргументируют, считая, очевидно, само собой разумеющимся или ограничиваются беглым указанием на то, что *one*, подобно другим местоимениям, способно замещать существительное; при этом ни морфологические, ни синтаксические особенности *one* не принимаются во внимание. Лишь в последних исследованиях, специально посвященных изучению слова-заместителя *one* в современном английском языке,⁴ приводятся доводы в пользу правомерности причисления *one* к разряду местоимений. Позволим себе более подробно остановиться на аргументации автора этих исследований.

Подвергая критике точку зрения на *one* как на существительное,⁵ автор этих работ В. М. Аринштейц приводит в качестве основного аргумента в пользу причисления *one* к разряду местоимений семантику *one*: «Структура значений заместителя принципиально отличается от значения любого существительного».⁶ Это отличие состоит, по ее мнению, в том, что «все существительные, даже абстрактные, с которыми часто сравнивают заместитель *one*, имеют собственный денотат».⁷

Приводя примеры с существительными *thing* и *person*, с которыми О. Есперсен⁸ сопоставляет *prop-word* *one*, автор заключает, что даже существительные с таким обобщенным значением, как *thing* и *person*, имеют свой класс денотации и

могут выступать антецедентами заместителя опе, тогда как опе не выступает антецедентом других субстантивных заместителей.

Другое отличие опе от существительного проявляется, по мнению В. М. Ариштейн, в способе указания на денотат. «Существительные указывают на него непосредственно без опоры на антецедент, заместитель указывает на денотат опосредованно. Этот признак заместителя опе совпадает с признаками личных местоимений 3-го лица».⁹ И в качестве последнего довода в пользу причисления опе к разряду местоимений В. М. Ариштейн выдвигает функциональное тождество опе и личных местоимений 3-го лица: «Сравниваемые единицы выполняют одну и ту же функцию субстантивных заместителей».¹⁰

Правда, В. М. Ариштейн отмечает и отличие опе от личных местоимений 3-го лица, которое состоит в том, что опе является «заместителем собственно существительного», тогда как личные местоимения 3-го лица замещают «полные именные группы» (т. е. группы типа $T + N$, где T — детерминатив).

Приведенные доводы, на наш взгляд, не являются убедительными и не могут служить основанием для причисления опе к разряду местоимений.

1. В отличие от личных местоимений 3-го лица да и вообще от местоимений, опе — слово-заместитель, как и все служебные слова-заместители, является полностью десемантизованным словом.¹¹ Опе — слово-заместитель может передавать только значение предметности, т. е. грамматическое, а не лексическое значение существительного. Действительно, в речи опе каждый раз наполняется конкретным лексическим значением, но это значение выясняется только из контекста (при наличии анафорической соотнесенности опе с антецедентом) или из ситуации речи:

1. "Your car was burnt, wasn't it?... You haven't a new one?" (Gr., 39); 2. "What about a Chinese dinner in Cholon?" To get a good one you have to order in advance (Ibid., 189).

Отсутствием собственного лексического значения и объясняется частое использование опе во фразеологии:

1. The Pink one — спортивная газета, печатающаяся на розовой бумаге; 2. A thick one — соверен.; 3. That's a good опе — хорошая шутка.

Некоторое сходство между личными местоимениями 3-го лица и заместителем опе заключается лишь в том, что, как и у опе, в качестве антецедентов личных местоимений могут употребляться существительные с различным лексическим значением. Эта способность местоимений замещать различные по значению существительные объясняется предельной отвлеченностью лексического значения местоимений как части речи. «Местоимения — это слова с предельно отвлеченным значением, которые указывают на предметы и признаки, не называя их».¹²

Личные местоимения 3-го лица в отличие от опе обладают, следовательно, *собственным*, хотя и максимально отвлеченным, *лексическим значением*.

Именно отсутствием собственного лексического значения у опе и следует объяснять опосредованное указание на денотат. Естественно, что слово, лишенное собственного лексического значения, не может самостоятельно, без опоры на антecedент или ситуацию, указывать на денотат.

2. В отличие от местоимений с предметным лексическим значением (в том числе и от местоимения опе), слово-заместитель опе имеет как анафорическое, так и не анафорическое употребление и может передавать как значение лица, так и значение предмета:

1. . . Mrs. Sunbury had given him a kite. It wasn't by any means *the first one* she had given him (St., 21); 2. They passed under New Bridge... Joskins being *the only one* who was rowing (J. K. S., 156); 3. The names of the two little ones seemed to be Sabina and Freda... (MESS, 165).

Во всех разрядах «субстантивных» местоимений имеется четкое противопоставление лица нелицу. Единственным исключением является местоимение *they*, которое имеет значение множественного числа.

Сравните:

Разряд местоимений	Лицо	Нелицо
Личные	I, he, she, we, you	it
Неопределенено-личное	one	—
Неопределенные	somebody (-one) anybody (-one)	something anything
Отрицательные	nobody (-one)	nothing
Обобщающие	everybody (-one)	everything
Относительные	who	which
Взаимные	each other, one another	—
Усилиительные	myself, himself	itself
Вопросительные	who	what

П р и м е ч а н и е. Относительное местоимение *that*, правда, может передавать как значение лица, так и нелица. Однако, как отмечает Иошихиро Масуя (Joshihiko Masuya. Functions of the Consecutive *that* in Present-Day English. Studies in English Grammar and Linguistics. Tokyo, 1958, p. 129), *that* в этом случае полностью теряет свое местоименное значение и превращается в чисто связующее слово. По этой же причине *that*, в отличие от других относительных местоимений (*who*, *which*), не может употребляться с предлогом,

3. Слово-заместитель опе замещает существительное в любой синтаксической позиции, тогда как «субстантивные» местоимения крайне редко употребляются в функции предикативного члена: «Местоимения редко употребляются предика-

тивно: лишь в особых выражениях, большей частью при подлежащем *it* и *this*: *it is he*, *this is he* — это он и т. п.»¹³

4. Оне свободно сочетается с артиклем, а также с любым другим определителем существительного, тогда как сочетаемость с артиклем и вообще с определителями существительного местоимению не свойственна.¹⁴

5. Оне — слово-заместитель свободно сочетается с любыми по способу выражения препозитивными определениями. Местоимения, как известно, могут сочетаться лишь с обособленным препозитивным определением, да и то крайне редко. «Они (местоименные существительные) прилагательных (необособленных) при себе не теряют».¹⁵

6. И, наконец, морфологические формы слова-заместителя *оне*—*онес*, *оне's*, указывающие на формальное тождество *оне* и существительного, препятствуют причислению *оне* к разряду местоимений.

Местоимение *other*, способное образовывать мн. ч. по образцу существительных — *others*, а также сочетаться с артиклем, представляет собой особый случай. В субстантивном использовании *other* является полностью субстантивированным словом и лишь его способность употребляться атрибутивно дает основание для причисления его к местоимениям.¹⁶

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ни семантические, ни синтаксические, ни морфологические особенности слова-заместителя *оне* не дают никаких оснований для причисления его к разряду местоимений.

Эти же особенности *оне*, а также отсутствие атрибутивной функции у *оне*-заместителя представляют препятствие для отнесения его к разряду числительных.¹⁷

Все эти специфические качества слова-заместителя *оне*, по сравнению с местоимением и числительным, являются признаками его субстантивной природы. Единственное, что отличает *оне* от существительных, даже таких отвлеченных, как *thing* и *person*, это отсутствие у него собственного лексического значения. Эта особенность *оне* объясняется его служебным назначением — осуществлять структурное оформление словосочетания.

Принимая во внимание служебное назначение *оне* и его лексическую опустошенность, мы предлагаем внутри класса существительных выделить особое служебное существительное, назначением которого было бы структурное замещение знаменательного существительного во всех его синтаксических позициях и в любом окружении. Семантическим отличием служебного существительного от знаменательного существительного является полная лексическая опустошенность первого.

То же самое мы наблюдаем и у глагола-заместителя *do*. В отличие от знаменательного глагола, слово-заместитель *do* полностью лишено всякого лексического значения, кроме значе-

ния действия, являющегося грамматическим значением глагола вообще. Кроме лексической опустошенности, слово-заместитель *do* не имеет других отличий от знаменательных глаголов, а потому и не исключается из категории глагола.

В заключение хотелось бы сказать еще несколько слов об одном ошибочном представлении, которое встречается иногда в лингвистической литературе в отношении слова-заместителя *one*. Исследователи часто называют это *one* «бывшим местоимением», предлагают исключить его из разряда местоимений или, наоборот, считают недостаточными основания для исключения *one* из ряда местоимений.¹⁸ Из этих высказываний может сложиться впечатление, что заместитель *one* развилось в английском языке из местоимения. Однако, как показывает история происхождения и развития слова-заместителя *one* в английском языке, это *one* никогда не было местоимением. Слово-заместитель *one* и местоимение *one* развивались в языке параллельно, из общего источника — числительного.¹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В. М. Ариштейн. Слово-заместитель *one* в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; Ее же. Слово-заместитель *one* в современном английском языке. Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та, 1963, т. 27; Ее же. Слово-заместитель *one* в неанафорических атрибутивных сочетаниях и вне атрибутивных сочетаний. Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та, 1966, т. 47; В. П. Кобков. Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1965; Его же. Слова-заместители *one*, *that* и *do* в современном английском языке. Сб.: В помощь преподавателю иностранных языков. Новосибирск, 1965; Л. О. Воронина. Слова-замисники *to do* и *one*. Праци Одеського держ. ун-ту, т. 51, сер. іноземних мов., 1961; Ее же. Глагол-заместитель *to do* в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955; B. Illyish. The Structure of Modern English. Moscow, 1965, pp. 362—365.

2 Н. Ф. Устинова. Местоимения как часть речи в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1951; З. И. Тростянская. Синтаксический слово-заместитель *it* в структуре простого предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1955; Н. В. Варгина. Развитие субстантивного слова-заместителя *that* в атрибутивных группах. Сб.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1967.

3 Н. Ф. Устинова. Местоимения как часть речи в современном английском языке.

4 В. М. Ариштейн. Слово-заместитель *one* в современном английском языке; Ее же. Слово-заместитель *one* в неанафорических атрибутивных сочетаниях и вне атрибутивных сочетаний.

5 Этой точки зрения придерживаются О. Есперсен: O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles, р. II. Heidelberg, 1914; Г. Н. Воронцова. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, стр. 58; Л. А. Воронина. Глагол-заместитель *to do* в современном английском языке. Автореф. канд. дисс.: Н. В. Варгина. Развитие субстантивного слова-заместителя *one* в английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

6 В. М. Ариштейн. Слово-заместитель *one* в современном английском языке. Автореф. канд. дисс.

7 Там же.

8 О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 87.

⁹ В. М. Ариштейн. Слово-заместитель one в современном английском языке.

¹⁰ Там же.

¹¹ Этого мнения придерживаются многие исследователи: L. Bloomfield. Language. N. Y., 1933; G. Langenfeldt. The Roots of the Prop-Word One. Studies in Modern Språkvetenskap, XVI. Stockholm, 1946; В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 48.

¹² В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык, стр. 49.

¹³ А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.

¹⁴ М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М., 1959, стр. 212—213.

¹⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

¹⁶ Г. Н. Воронцова. Очерки по грамматике английского языка, стр. 163.

¹⁷ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык, стр. 242.

¹⁸ В. М. Ариштейн. Слово-заместитель one в современном английском языке. Автореф. канд. дисс.

¹⁹ Н. В. Варгина. Развитие субстантивного слова-заместителя one в английском языке. Автореф. канд. дисс.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Gr. — G. Green. The Quiet American. Moscow, 1959.

J. K. J. — J. K. Jerome. Three Men in a Boat. Moscow, 1955.

MESS — Modern English Short Stories. Moscow, 1961.

St. — Stories by Modern English Authors. Moscow, 1961.

Summary

Different view-points as to the morphological status of the prop-word "one" are treated here. The author attempts to prove that the prop-word "one" should be ranked among the category of noun as by its morphological characteristics and syntactical properties it has no distinctions from this grammatical category.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА-ЗАМЕСТИТЕЛЯ ONE В АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

H. B. Варгина

Говоря о причинах употребления слова-заместителя one в английском языке, авторы некоторых последних работ, посвященных теории замещения, приходят к выводу, что слово-заместитель one применяется для позиционной характеристики слов, которые сами никак позиционно не охарактеризованы. По их мнению, достижение полноты структуры используется как одно из средств позиционной характеристики слов, а пред-

посылки для опущения определяемого создаются тогда, когда позиция атрибутивных слов охарактеризована какими-либо морфологическими или синтаксическими показателями. Так, отсутствие определяемого возможно тогда, по мнению этих исследователей, когда в качестве определения употребляются слова, «имеющие четко выраженные признаки атрибутивности: лексическое значение признака или грамматическую форму, указывающую на передачу словом значения адъективности».² К таким словам относят обычно количественные прилагательные, числительные, существительные в притяжательном падеже, адъективные местоимения, качественные прилагательные в сравнительной и превосходной степени.

На первый взгляд действительно кажется справедливым такое мнение. Ведь существительные в притяжательном падеже, имеющие особую морфологическую форму, указывающую на их атрибутивную функцию, не употребляются со словом-заместителем *one*, тогда как существительные в общем падеже, не имеющие никакого формального показателя их атрибутивной позиции требуют обязательного наличия определяемого имени или его заместителя. Ср.: 1. *My own business bores me to death.* I prefer *other people's* (Wilde, Lady, p. 67); 2. "You have only that puffy muslin dress on". — "It's my best *summer one*" (T. H., Tess, p. 84).³

Отсутствие средств позиционной характеристики является причиной употребления *one* и в тех случаях, когда в качестве определения выступают слова, принадлежащие к таким частям речи, для которых атрибутивная функция не характерна (глаголы, наречия): 1. *The problem of land is a buy one* (MEG, § 10, 67); 2. *You always did run from a minnie, even when it was just as safe to stand still. Brrr-umph! Holy Mike, that was a near one* (MESS, p. 357).

Однако другие случаи (а их большинство) употребления или отсутствия определяемого после атрибутивных слов вряд ли можно объяснить только наличием или отсутствием средств позиционной характеристики этих слов.

Как известно, все адъективные местоимения, числительные и количественные прилагательные широко употребляются без определяемого имени, тогда как качественные прилагательные в положительной степени всегда, за очень редким исключением, требуют наличия определяемого: 1. *So they spread their handkerchiefs on the ground and sat on those, bolt upright* (J. K. J., p. 65); 2. *If one knight hits the other, he knocks him off his horse...* (Car., p. 160); 3. *We have never exchanged one word upon the subject. — Very few, indeed, on any subject* (Dick., vol. 1, p. 232); 4. *Your car has burnt, wash't it? ... You haven't a new one?* (Gr., 39); 5. ... *hope was a good one* (Gr., p. 132).

Как видно из примеров, адъективные слова не имеют ни-

каких *морфологических* средств позиционной характеристики. Вряд ли можно говорить и о том, что в примерах 1—3 адъективные слова имеют *лексическое* значение признака и потому определяемое отсутствует, а в примерах 4 и 5 лексического значения признака нет, что и вызывает появление слова-заместителя *оне*. Ведь значение признака как раз и есть то общее грамматическое значение, по которому прилагательные выделяются в особую часть речи. Более того, целый ряд прилагательных имеет и формальные морфологические показатели, указывающие на их принадлежность к категории прилагательных, а следовательно, и на лексическое значение признака. Такими показателями являются суффиксы прилагательных *-ful*, *-less*, *-ous*, *-ly* и др. Тем не менее и эти прилагательные не могут употребляться атрибутивно без определяемого имени: 1. ... *the suspicion which led to her rustification is an absolutely baseless one* (J., p. 201); 2. ... *a marriage at a Superintendent Register's office was more private than an ecclesiastical one* (Ibid., p. 331); 3. *Her fall, in fact, had not been a serious one* (Ibid., p. 272); 4. *She looked into his eyes with her own tearful ones* (Ibid., p. 213). Следовательно, основной случай употребления и отсутствия *оне* после адъективных слов объяснить наличием или отсутствием средств их позиционной характеристики не удается.

Такое различие средств выражения признака сложилось исторически, а поэтому для объяснения его причин перейдем к диахроническому плану и кратко проследим историю развития слова-заместителя *оне*.

В древнеанглийском языке, как известно, прилагательное могло употребляться без определяемого имени, так как оно было достаточно определено морфологически. Прилагательные мужского и женского рода в неанафорическом употреблении всегда передавали значение лица как носителя какого-то признака, прилагательные среднего рода — отвлеченное понятие. Анафорическое прилагательное могло выражать и значение лица, и значение предмета, так как в этом случае предметное значение, передаваемое прилагательным, выяснялось из контекста.⁴

С утратой прилагательным падежных и родовых окончаний происходит резкое сокращение числа случаев его употребления без определяемого имени, так как *good* может теперь означать 'хороший человек' или 'добро', или 'что-то хорошее'. С утратой последнего остатка старой морфологической системы прилагательного — окончания множественного числа *-e* — прилагательное превратилось в полностью несклоняемую часть речи. *The blind* теперь могло означать 'все слепые' или 'один слепой человек'.

Таким образом, к началу ранненовоанглийского периода прилагательное перестает передавать такие грамматические

значения, как значение единственного и множественного числа, лица и отвлеченное качество, которые раньше передавались родовыми окончаниями. В связи с этим все большее распространение получает полное атрибутивное словосочетание в тех случаях, где раньше можно было обойтись употребляя одно прилагательное.

Лишь субстантивированные прилагательные продолжают широко использоваться в субстантивной функции. Однако за субстантивированным прилагательным с ранненовоанглийского периода закрепляются лишь наиболее общие значения лица и нелица, т. е. собирательное значение всего класса лиц — носителей данного признака (*the blind* 'все слепые', *the rich* 'все богатые'), или значение отвлеченного качества в наиболее общем смысле (*the good* 'добро', *the evil* 'зло' и т. д.).

Итак, превращение прилагательного в несклоняемую часть речи и утрата в связи с этим возможности дифференцировать значение лица — нелица, единственного и множественного числа явились одной из причин утраты прилагательным способности употребляться без определяемого имени. Вторая причина — развитие артикля. Как известно, в английском языке неопределенный артикль в отличие от определенного не закрепился за субстантивированным прилагательным. Объясняется это, видимо, тем, что неопределенный артикль в отличие от определенного всегда вызывает некоторую расщепленность значения признака и его носителя. Так, если определенный артикль перед атрибутивным словосочетанием модифицирует всю группу существительного с определениями в целом, «нерасчлененно», то неопределенный артикль «дает возможность подчеркнуть, выделить внутри словосочетания слово (или группу слов), выражающее признак предмета».⁵ Более того, О. С. Ахманова высказывает предположение, что неопределенный артикль (по сравнению с определенным и нулевым) способствует *адъективации* одного из атрибутивных элементов с именной основой.⁶

Эти высказывания о разном характере отношений между определением и определяемым в атрибутивном словосочетании в зависимости от артикля, предшествующего словосочетанию, заслуживают внимания при объяснении причин, приведших к тому, что лишь определенный артикль в английском языке смог закрепиться за субстантивированным прилагательным. Однако каковы бы ни были эти причины, уже в среднеанглийский период с момента появления неопределенного артикля в английском языке (XIII в.) можно констатировать чрезвычайно редкое его употребление перед прилагательным.

Следовательно, становление неопределенного артикля, с одной стороны, а с другой — ограничение субстантивного употребления прилагательного в первую очередь в тех случаях, когда по уже установленной норме требуется присутствие неопреде-

ленного артикла, также приводят к развитию атрибутивного словосочетания. Не случайно именно в XIII—XIV вв. развиваются атрибутивные словосочетания типа *it's a glorious thing to travel*. Очевидно, появление существительного *thing* после прилагательного в функции предикативного члена связано с желанием передать значение класса понятий, а не просто значение признака, т. е. непосредственно связано с развитием неопределенного артикла, появление которого перед прилагательным неизбежно влечет за собой появление атрибутивного словосочетания. Параллельно развивается и другое атрибутивное словосочетание со словом-заместителем *one* для передачи значения лица. Слово-заместитель *one* также появляется прежде всего в тех случаях, когда прилагательному предшествует неопределенный артикль: 'God wot', *quath a wis on* (P. Pl., 83) '„Бог знает”, — сказал мудрец'; *And was in every mannes sihle a fair, a freisch, a lustli on* (Conf. Am., 103) 'И была в глазах всех людей прекрасная, молодая и веселая'.

Таким образом, атрибутивные словосочетания с *one* и *thing*, дифференцирующие значения лица—нелица, берут на себя функцию, передававшуюся ранее родовыми окончаниями прилагательного, и создают условия для употребления неопределенного артикла.

Функционирование определенного артикла перед прилагательным тоже часто вызывало необходимость в появлении определяемого, ибо, как уже отмечалось выше, определенный артикль перед прилагательным был признаком субстантивации последнего. В тех же случаях, когда требовалось передать значение одного предмета (лица) или множество отдельных предметов (лиц), а не обобщенное, собирательное значение лица как носителя какого-то признака или наиболее общее абстрактное качество, то необходимо было употребить определяемое существительное или его заместитель. Появление у слова-заместителя *one* формы множественного числа — *ones*, а также развившаяся в ранненовоанглийский период способность словосочетаний «прилагательное + опе» употребляться с любым детерминативом имени способствовали широкому распространению этих словосочетаний в английском языке.

Функционирование слова-заместителя *one* в современном английском языке в словосочетании «прилагательное + опе» по существу ничем не отличается от употребления его в таких словосочетаниях в ранненовоанглийский период.⁷ Случай отсутствия определяемого после прилагательного в современном языке подтверждают нашу мысль об отсутствии необходимости охарактеризовать позицию прилагательного. Определяемое после прилагательных в основном отсутствует в тех случаях, когда замещаемое существительное является неисчисляемым:⁸ *I like red wine better than white. He had known good luck or bad* (MEG, § 10.91). Употребление *one* в этих случаях невоз-

можно из-за особенностей самого опе: как известно, опе не может замещать неисчисляемое существительное. Возможность избежать повторения существительного обычно объясняют наличием противопоставления, благодаря которому функция прилагательных не вызывает сомнения. Тем не менее в аналогичных условиях при наличии противопоставления опе появляется как только прилагательному предшествует неопределенный артикль, указывающий на желание передать класс понятий: *This is a black winter, not a white one* (Birds, p. 35).

Что касается других адъективных слов, таких, как количественные прилагательные, числительные и адъективные местоимения, то их история развивалась несколько иначе. Количественные слова (числительные, кроме опе, и количественные прилагательные) передают значение множественности, и, следовательно, здесь нет и не было противопоставления единственного и множественного числа, которое необходимо было выразить после превращения качественных прилагательных в несклоняющую часть речи. Кроме того, числительные крайне редко передают абстрактное значение числа, а существование таких пар среди количественных прилагательных, как *many—much, few—little*, исключало необходимость создания средств передачи значения лица—нелица при их неанафорическом употреблении. Сочетаемость с неопределенным артиклем также исключалась для слов с количественным значением.

Что касается адъективных местоимений, то и здесь часто их лексическое значение или грамматическая форма дифференцируют значение единичности и множественности: *each, one—all; this—these; that—those; another—others*. К тому же целый ряд адъективных местоимений, для которых существенна дифференциация значений лица—нелица, имеет параллельные сложные формы с *body* (опе) и с *thing*, которые также сложились в ранненовоанглийский период: *somebody (-one)—something; anybody (-one)—anything; everybody (-one)—everything; nobody (-one)—nothing*.

Существование таких пар дает возможность употреблять местоимения *some, any*, опе без последующего определяемого, так как при отсутствии анафоры эти местоимения, именно благодаря существованию сложных форм с *body* (-опе) и с *thing*, передают обычно значение множества лиц. При наличии анафорической соотнесенности с антecedентом их предметное значение всегда выясняется из контекста.

Те же адъективные местоимения, которые не имеют возможности дифференцировать значения лица, предмета или абстрактного признака, часто сочетаются с опе. Так, неспособность указательных местоимений *this* и *that* дифференцировать значение лица, предмета и абстрактное значение указания и объясняет частое употребление опе после них: 1. *The place I mean, Is that one yonder* (J., p. 44); 2. *There are other cases,*

but *this one* is quite sufficient for my purpose. (MEG, § 10.62):
3. He thought rashly: poor frightened beast — *this one* was too
young to be a great danger (Gr., p. 192).

This и that без one часто указывают не на конкретный предмет (лицо), а на все предыдущее высказывание или на ситуацию: 1. "Who's been telling you that?" she said (J., p. 95); 2. "Was it like *this* when you were married?" (Ibid., p. 210).

Немаловажную роль в отсутствии one после адъективных местоимений имеет и то обстоятельство, что адъективные местоимения могут самостоятельно передавать грамматическое значение общего и частного, и, следовательно, сочетаемость с артиклем у них, как правило, исключается. Именно по этой причине адъективные местоимения широко употребляются как детерминативы существительного.

Таким образом, обязательное наличие определяемого существительного или его заместителя после качественных прилагательных и отсутствие определяемого после других слов с лексическим значением признака объясняются не отсутствием средств позиционной характеристики этих слов, а другими, сложившимися исторически, причинами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. М. Ариштейн. Слово-заместитель one в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; В. П. Кобков. Замещение в английском языке. Новосибирск, 1964; Его же. Анафорическое опущение в современном английском языке. Сб. Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965.

² В. П. Кобков. Анафорическое опущение в современном английском языке, стр. 154.

³ Примеры цит. по: В. П. Кобков. Замещение в английском языке, стр. 10, 48.

⁴ См.: К. Бруннер. История английского языка, т. II. М., 1956, стр. 76.

⁵ Л. С. Бархударов, Д. А. Штейнинг. Грамматика английского языка. М., 1960, § 81.

⁶ О. С. Ахманбова. К вопросу об отличии сложных слов. Тр. Ин-та языкоznания АН СССР, т. IV, 1954, стр. 66.

⁷ Более подробно см.: Н. В. Варгина. Развитие субстантивного слова-заместителя one в английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1963, стр. 12.

⁸ Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 275.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Birds — Daphne Du Maurier. The Birds. Kiss Me Again, Stranger. N. Y., 1955.
Car. — L. Cartell. Through the Looking Glass. Moscow, 1966.
Conf. Am. — J. Gower. Confession Amantis. London, 1900.
Dick. — Ch. Dickens. Dombey and Son. Moscow, 1955.
Gr. — Gr. Greene. The Quiet American. Moscow, 1959.
J. — Th. Hardy. Jude the Obscure. Moscow, 1959.
J. K. J. — J. K. Jerome. Three Men in a Boat. Moscow, 1955.
MEG — O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. Pt. II. Heidelberg, 1914.

MESS — Modern English Short Stories. Moscow, 1961.

P. Pl. — W. Langland. The Vision of William concerning Piers the Plowman. Oxford, 1868.

T. H. Tess — T. Hardy. Tess of the D'Urbervilles. Moscow, 1950.
Wilde, Lady — O. Wilde. Plays. Moscow, 1961.

Summary

The author refutes the statement, which has appeared in recent essays, that the prop-word "one" after adjectival words serves the purpose of defining their syntactic position. The paper attempts to prove that the need to use the prop-word "one" after adjectives is closely connected with such historical processes as the destruction of the morphological system of the adjective and the development of the article.

КРИТЕРИЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СИНТАГМ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА ОТ ОМОНИМИЧНЫХ ИМ АТРИБУТИВНЫХ СИНТАГМ

O. I. Бродович

Атрибутивная синтагма — это сочетание двух элементов, связанных атрибутивными отношениями.

Под вторично-предикативной синтагмой будем понимать сочетание двух элементов, связанных в плане выражения отношениями, аналогичными отношениям подлежащего и сказуемого двусоставных предложений, т. е. предикативным. Однако предикативные отношения подлежащего и сказуемого могут быть выражены показателями лица и числа в глаголе-сказуемом; во вторично-предикативной синтагме они оформляются только соположением элементов. Например, в предложении ... his idea of the free society is women making after-dinner speeches... (I. M., 13—14) позицию предикативного члена составного сказуемого занимает вторично-предикативная синтагма.

Вторично-предикативные синтагмы могут быть омонимичны атрибутивным синтагмам с определением в постпозиции. Однако в отличие от атрибутивных синтагм, второй элемент которых связан с первым подчинительной связью, между элементами вторично-предикативных синтагм отсутствует подчинение; элементы их равноправны. Вследствие этого атрибутивные синтагмы могут быть названы одновершинными; вторично-предикативные — двухвершинными.

Чаще всего сравниваемые синтагмы занимают зависимую позицию в предложении. При этом как атрибутивные, так и вторично-предикативные синтагмы удовлетворяют одну валент-

ную потребность опорного слова. Но если функция атрибутивной синтагмы равна функции ее ведущего элемента, то во вторично-предикативной синтагме ни один из ее элементов не выполняет функцию всей синтагмы самостоятельно, без связи со вторым элементом. Таким образом, в атрибутивной синтагме связь с опорным словом имеет только первый, ведущий элемент. Во вторично-предикативной синтагме оба элемента связаны с опорным словом, но не отдельно каждый, как, например, дополнение и обстоятельство при одном глаголе, а как элементы единой двухвершинной группы.

Атрибутивная синтагма не может занимать в английском языке позицию обособленного беспредложного обстоятельства, весьма характерную для вторично-предикативных синтагм (как, например, в предложении *Maurice was peculiarly happy, his feeling of affection swimming over everything* (L., 268). Вследствие этого омонимии интересующего нас типа в этих позициях не возникает.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением таких случаев, в которых очевидна однофункциональность исследуемых синтагм, т. е. то обстоятельство, что опорное слово всей синтагмы имеет при себе только одну зависимую единицу. Предстоит выяснить, является ли этой единицей только первый элемент рассматриваемой синтагмы или группа, образованная обоими элементами. Опорным словом исследуемых синтагм оказывается такая форма, валентные свойства которой не допускают наличия при ней двух разнофункциональных единиц, которыми могли бы быть первый и второй элементы присоединяемой группы.

Таким образом, мы исключаем из рассмотрения позиции при переходных глаголах, способных подчинять одновременно две зависимые единицы, например прямое и косвенное дополнения.

Рассмотрим следующие предложения: 1. *The idea of Kittridge being willing to let him step into his shoes took him completely by surprise* (R. M., 34); 2. *I'm used to people coming here* (G. G., 98); 3. ...*his instructions would have had to be particularly definite to allow of that note being written* (A. C., 145); 4. *He studied the gathering with the interest of an old journalist sorting up facts and impressions* (J. C., 40); 5. *The School was still holding back with the delighted expectation of someone waiting for the conclusion of a long but undoubtedly very funny story* (I. M., 249).

Как в предложениях 1—3, так и в предложениях 4—5 содержатся конструкции, состоящие из опорного слова (*idea (of)*, *used (to)*, *allow (of)*, *interest (of)*, *expectation (of)*) и связанной с ним двухэлементной субстантивно-вербальной синтагмы. В этих конструкциях очевидным является наличие связи между субстантивным элементом синтагмы и опорным словом.

Проблематично, следовательно, наличие связи между глагольным элементом синтагмы и опорным словом. Если такая связь есть, то опорное слово, поскольку оно — единица одновалентная, подчиняет себе двухвершинную синтагму. Если же второй элемент не связан с опорным словом, то он, следовательно, подчинен только первому элементу синтагмы и является по отношению к нему определением. Таким образом, необходимо преобразовать сравниваемые предложения таким образом, чтобы представить отношения между вербальным элементом синтагмы и опорным словом в явном виде. При этом первый элемент синтагмы нужно поставить в позицию, зависимую от второго. Если такая трансформация данного предложения возможна, то этим будет доказана, во-первых, взаимозависимость элементов синтагмы, т. е. то, что в них не только второй элемент зависит от первого, о чем позволяет судить форма исходного предложения, но также и первый от второго. Во-вторых, этим будет доказано, что с опорным словом связан не только первый элемент, но тоже и второй. В качестве критерия допустимости трансформации возьмем положение Ю. Д. Апресяна¹ о необходимости совпадения денотативных значений (отражаемой ситуации) исходных конструкций и их трансформ.

Предложения 1—3 можно преобразовать: *The idea of Kittridge's being willing to let him step into his shoes took him... by surprise; I'm used to people's coming here; His instructions would have had to be particularly definite to allow of that note's being written.* При этом могут возникнуть сомнения в стилистической допустимости предложений с притяжательной формой существительных, обозначающих нелицо или имеющих при себе определение в препозиции. Однако существование реальных предложений типа *There was a quality of nastiness, ... in a married man's having an affair with his private secretary* (R. M., 107) или ... *sitting at home in dying expectation of the telephone bell's ringing, I saw my companion depart again* (G. G., 164) убеждает нас, что подобные конструкции возможны.

Если же теперь мы попробуем подвергнуть трансформации этого вида предложения 4 и 5, то получим следующие трансформы: *He studied the gathering with the interest of an old journalist's sorting up facts...; The School was... holding back with the... expectation of someone's waiting for a conclusion of a long... story.* Эти трансформы не поддаются интерпретации. Следовательно, в предложениях 4 и 5 второй элемент сравниваемых синтагм не имеет связи с опорным словом.

Таким образом, для выявления наличия или отсутствия связи между опорным словом и вторым элементом омонимичных структур, а также зависимости не только второго элемента от первого, но и первого от второго, т. е. в конечном итоге

взаимозависимости элементов присоединяемой группы, предлагаются трансформация вида

$$H\ N\ VI \rightarrow H\ N's\ VI,$$

где H — опорное слово (англ. *head-word*); если сравниваемые структуры присоединяются к нему с помощью предлога, то под символом H понимается опорное слово вместе с предлогом;

N — первый элемент сравниваемых синтагм; чаще всего это имя существительное (англ. *noun*). Форма для существительных, субстантивированных форм и неличных местоимений — общая, для личных местоимений — субъектная или объектная; $N's$ — тот же элемент в притяжательной форме; VI — второй элемент сравниваемых синтагм (*verbal*).

Если исследуемая конструкция допускает эту трансформацию, то в ней к опорному слову присоединяется вторично-предикативная синтагма. Эту трансформацию назовем трансформацией I (TI). Она дает позитивную характеристику вторично-предикативным синтагмам и негативную — их омонимам, так как только показывает, что в них нет связи второго элемента с опорным словом, но не показывает, какие связи в них есть.

Можно предложить другую трансформацию сравниваемых структур, которая будет давать позитивную характеристику атрибутивным синтагмам и негативную — их омонимам. Эта трансформация выявит наличие отдельной, самостоятельной связи первого элемента с опорным словом и одновременно покажет характер функции второго элемента.

Предложения 4 и 5 можно преобразовать: *He studied the gathering with the interest of an old journalist who is sorting up facts and impressions; The School was ... holding back with the delighted expectation of someone who is waiting for the conclusion of a ... story.*

Так как денотативные значения исходных предложений и их трансформ совпадают, то трансформация этого вида для предложений 4 и 5 допустима. Поскольку при этом второй компонент исследуемых синтагм попадает в другое предложение (точнее в другую предикативную единицу²), то трансформация этого вида доказывает, что первый компонент исследуемых синтагм имеет самостоятельную связь с опорным словом. Кроме того, так как придаточное предложение, занимающее в трансформах позицию второго элемента, связано с первым атрибутивной связью, то и в исходных конструкциях второй элемент связан с первым атрибутивной связью.

Если теперь мы попытаемся подвергнуть этой трансформации предложения 1—3, то получим трансформы: *The idea of Kittridge who is willing to let him step into his shoes took him completely by surprise. I'm used to people who come here. His instructions would have had to be particularly definite to allow*

of that note which was written. Эти трансформы, если и поддаются интерпретации, то их денотативные значения не совпадают со значениями исходных предложений. Таким образом, трансформация этого вида для предложений типа 1—3 недопустима. Следовательно, первый элемент исследуемых синтагм в предложениях этого типа отдельной связи с опорным словом не имеет.

Итак, для выявления наличия или отсутствия самостоятельной связи первого элемента исследуемых синтагм с опорным словом и атрибутивной функции второго элемента по отношению к первому может быть предложена трансформация вида

$$H N VI \rightarrow H N^{who/which} clause,$$

где символ *who/which clause* обозначает придаточное предложение, образованное местоимениями *who* (если *N* — лицо) или *which* (если *N* — нелицо) в качестве подлежащего и личной формой глагола, обозначенного в исходной конструкции символом *VI*, в качестве сказуемого. Трансформацию этого вида назовем трансформацией II (TII). Если для данного предложения TII допустима, то в нем содержится конструкция с атрибутивной синтагмой.

До сих пор мы рассматривали синтагмы, вторым элементом которых являлась *ing*-форма. Это наиболее распространенный вид субстантивно-вербальных синтагм, занимающих рассматриваемые здесь позиции, т. е. позиции при опорном слове — имени или непереходном глаголе. Однако изредка (по нашим подсчетам, примерно в 6% случаев — 9 примеров из 150) здесь встречаются синтагмы, второй элемент которых выражен причастием II или инфинитивом, как, например, в предложениях: 6. *He had introduced the policy as far as he could ... : cafeteria, lunches and the boys to make their beds, clean their shoes and wash up twice a week* (I. M., 70); 7. *Why not ... get a divorce, ... if that was the price of selfrespect restored and freedom?* (R. M., 86).

Однако для ограничения вторично-предикативных синтагм такого вида от омонимичных им атрибутивных синтагм, таких, как, например, в предложениях 8. *My aunt is in want of a young lady to help her* (A. C., 15); 9. *Here and there came a deep vista into the wood, down leafstrewn alleys lighted by a brown light* (I. M., 87) нельзя предложить вариант TII, который бы выявил наличие или отсутствие связи между вторым элементом синтагмы и опорным словом, так как в английском языке не существует конструкций с инфинитивом или причастием II, подобных герундиальным конструкциям типа *his coming*, т. е. таким, в которых имя, связанное с инфинитивом или причастием II в плане содержания субъектно-предикатными отношениями, стояло бы в позиции, зависимой от гла-

гольной формы. Однако сопоставляемые предложения в этих случаях можно подвергнуть ТII. Предложения 8 и 9 дадут при этом трансформы вида: *My aunt is in want of a young lady who would help her; Here and there came a deep vista into the wood, down leaf-strewn alleys which were lighted by a brown light*, денотативные значения которых совпадают со значениями исходных предложений. Следовательно, в этих предложениях к опорному слову (*want (of), vista (down)*) присоединяется атрибутивная синтагма.

Нетрудно убедиться, что предложения 6 и 7 не поддаются ТII. Следовательно, второй элемент исследуемых синтагм в этих случаях не связан с первым элементом атрибутивной связью. В этой ситуации возможны два вывода. Во-первых, второй элемент может быть вообще не связан с первым элементом, а подчинен непосредственно опорному слову. Во-вторых, второй элемент может быть связан с первым элементом, но не атрибутивной связью. Однако для случаев, рассматриваемых в настоящей статье, т. е. при опорном слове имени или непереходном глаголе, первый вывод неприемлем. Следовательно, второй элемент связан с первым элементом. Очевидно, в рассматриваемых нами случаях эта связь не может быть ни комплетивной, ни копулятивной.³ Остается заключить, что это связь предикативная; но так как второй элемент выражен неличной формой глагола, то сочетание первого и второго элементов представляет собой вторично-предикативную синтагму.

Таким образом, выявлению вторично-предикативной природы субстантивно-вербальных сочетаний со вторым элементом, выраженным *ing*-формой, способствует трансформация вида

$$H\ N\ VI \rightarrow H\ N's\ VI. \quad (TII)$$

Если сочетания поддаются этой трансформации, они содержат вторично-предикативную синтагму, если нет — какую-то иную.

Выявлению атрибутивной связи в субстантивно-вербальных сочетаниях со вторым элементом, выраженным любой неличной формой глагола, способствует трансформация вида

$$H\ N\ VI \rightarrow H\ N^{who/which}\ clause. \quad (TII)$$

Если сочетания поддаются этой трансформации, то они содержат атрибутивную синтагму. Если нет, то глагольный элемент их связан либо непосредственно с опорным словом, либо с первым элементом отношениями, которые в конструкциях данного вида могут быть только вторично-предикативными. Таким образом, для тех случаев, когда опорное слово выражено именем или непереходным глаголом, неспособность данного сочетания поддаваться ТII доказывает, что в нем с опорным словом связана вторично-предикативная синтагма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 57—60.
- 2 Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968, стр. 3 и сл.
- 3 А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 173—184.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- R. M. — Rosamond Marshall. *The Bixby Girls*. London, 1960.
G. G. — Graham Greene. *The End of the Affair*. N. Y., 1951.
A. C. — Agatha Christie. *The Man in the Brown Suit*. London, 1963.
J. C. — Joyce Cary. *The Captive and the Free*. London, 1963.
I. M. — Iris Murdoch. *The Sandcastle*. Penguin Books, 1963.
L. — D. H. Lawrence. *Love among the Haystacks and Other Stories*. London, 1962.

Summary

Two transformations are suggested to discriminate between homonymous pairs of phrases formed up by a noun (or a noun-equivalent) and a verbal. The first transformation reveals secondary predication in one of the homonyms, the second — attributive relations in the other.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТОВ ОБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНОГО СОЧЕТАНИЯ (на материале древнеанглийского языка)

Д. П. Новиков

Целью статьи являются исследование морфологических способов выражения элементов объектно-предикативного сочетания и попытка определения их значения, рассматриваемого как функциональное содержание данных элементов.

Под объектно-предикативным сочетанием в статье понимаются конструкции типа современных *She boiled the egg hard* или *The President made him a general*. Определяя предикативность как «сказуемостное свойство»¹ (а не как «отнесение высказывания к действительности»²), можно постулировать, что предикативность способна характеризовать не только сказуемое, но и другие элементы высказывания. В последнем случае предикативность определяют как «вторичную»³ или «неполную».⁴ О наличии предикативной связи между выделенными элементами в приведенных выше примерах свидетельствует возможность трансформации рассматриваемой конструкции в предложение, в котором элементы объектно-предикативного сочетания выполняют функцию подлежащего и сказуемого: *She boiled the egg that it became hard* и *The President disposed so that he became a general*.⁵

Материалом для исследования послужили древнеанглийские прозаические и поэтические памятники общим объемом в 800.000 слов.⁶

Вопрос о способах выражения первого элемента данного сочетания не ставился ни в советской, ни в зарубежной англостике.⁷ В результате изучения собранного материала были установлены следующие способы выражения первого элемента: 1) существительное (23%) или 2) один из его эквивалентов — местоимение (53%), 3) субстантивированное прилагательное (1%), 4) субстантивное словосочетание атрибутивного характера (23%).

1. Не имея возможности в настоящей статье дать более развернутую классификацию существительных, употребляемых в роли первого элемента объектно-предикативного сочетания, отметим, что весьма часто (60%) от общего числа существительных, отмеченных в этой функции) эту роль выделяет имя собственное: *Heo haefde gecoren Crist hyre tō brydguman* (Liv., 46, 352) 'Она избрала Христа себе женихом'. В остальных случаях в этой роли выступает имя нарицательное: *God gescigde thā drignisse eorhan* (Gen., 1, 10) 'Господь назвал твердь землей'.

2. В оформлении первого элемента объектно-предикативного сочетания могут участвовать местоимения всех разрядов.

Личные (60%): *Hē tēc... unsynnige/gedōn wolde* (Beow., 2090) 'Он (Грендель) меня безвредным сделать хотел'.

Относительные (27%), вводящие придаточные определительные предложения: ...*apostolas, the Crist gecēas ūs tō hyrdum and tō lāreowum* (Hom., I, 106,7) '...апостолы, коих Христос избрал нам в качестве пастырей и наставников'.

Возвратные (4%), т. е. личные в сочетании с местоимением *self* (хотя одинаково часто в этой роли выступают и простые формы личных местоимений): ...*th aenig man sceolde hyne sylf... ofer ealle men tellan* (Chr., E., 1086) '...что каждый должен себя самого считать выше всех'.

Указательные (3%): ...*sē bith mycel genemned on heo īēpāl rīce* (Gosp. Math., 5, 19) '... тот будет великим назван в царствии небесном'.

Отрицательные (0,9%): *Nāenigne ic ...sēlgan hýrde* (Beow., 1197) 'Ни о каком (из сокровищ) более замечательном я не слышал'.

Вопросительные (0,7%): *Hwaet wylt thū tō mede habban?* (Gen., 29, 15) 'Что хочешь ты в награду иметь?'

Неопределенные (0,7%): *Āenigne... in carcerne. cwiſe ne gemētton* (Andr., 1084) 'Никого в живых в тюрьме они не нашли'.

Исследованный материал дал 9 примеров (2%) на употреб-

ление в функции первого элемента объектно-предикативного сочетания предваряющего местоимения *thaet* и 2 примера (0,4%) на использование в этой роли предваряющего местоимения *this*. Судя по этим данным, можно предположить, что уже в древнеанглийском языке (а не в среднеанглийский период, как принято считать⁸) возникает модель, столь характерная для современного английского языка, типа *I found it necessary that...* Например:

Ic thaet witod tealde... thaet ic... (Jul., 367) 'Я (это) несомненным считала, что я...'; *Magon wē... this lō gemyndum habban... thaet wē... (Bl. Hom., 113, 34)*. 'Да будем мы считать это напоминанием того, что мы...'.

3. Субстантивированное прилагательное в роли первого элемента: *Thā manegu wundredon, gesēonde dumbē sprecende...* (Gosp. Math., 15, 31) 'Тогда многие дивились, видя, что немые обретают речь...'.

4. Субстантивное словосочетание в роли первого элемента: *Wē witon manige foremāere... weras forthgewitene* (Boet., 46, 27) 'Мы знаем, что многие славные ... мужи скончались'.

5. Исследованный материал дал 3 примера (0,03%) на оформление первого элемента предикативной единицей: *Sōth ic talige, thaet...* (Beow., 532) 'Истиной я считаю, что...'.

Говоря о значении первого элемента объектно-предикативного сочетания, исследователи обычно ограничиваются констатацией того, что он обозначает объект действия, выраженного глаголом, принимающим данное сочетание.⁹ Думается, что при определении значения первого элемента необходимо учитывать не только его связь с ведущим глаголом, но также связь первого элемента со вторым элементом объектно-предикативного сочетания и, кроме того, способы выражения каждого из рассматриваемых элементов.

С одной стороны, при наличии подчинительной связи по отношению к глаголу, первый элемент выступает в качестве объекта его действия,¹⁰ что подтверждается реализацией подчинительной связи в форме управления в древнеанглийском языке. С другой стороны, будучи связанный «неполной» предикацией со вторым элементом, первый элемент объектно-предикативного сочетания выступает по отношению ко второму в качестве а) указателя на производителя действия, если второй элемент выражен причастием I (или инфинитивом): *Ne gehyrdest ihū Drīhten c̄wethende?* (Bl. Hom., 237, 28) [Разве] не слышал ты, как говорил Господь?, б) или указателя на носителя признака, состояния, если второй элемент выражен одним из описываемых ниже способов (кроме причастия I): *Hē āhōf thaet ciild up ge-edcucod and ansund* (Hom., 2, 28.8) 'Он поднял дитя кверху возвращенным к жизни и здоровым'.

Таким образом, для значения первого элемента релевантными оказываются следующие признаки: субстантивность,

определяемая по способу его выражения; объектность, определяемая по непосредственной зависимости от глагола; агентивная репрезентативность (способность к указанию на производителя действия) или квалификативная репрезентативность (способность указания на носителя качества, состояния), определяемые по отношению ко второму элементу в зависимости от способа его выражения.

Исследование собранного материала позволило установить следующие способы выражения второго элемента объектно-предикативного сочетания.

1. Беспредложное существительное или субстантивное словосочетание атрибутивного характера (20%): *Ge... mē mundbyrde gelȳfath tō thāere stōwe* (Bl. Hom., 207.3) 'Поверьте, что я хранитель этого места'.

2. Существительное с предлогом (33%). В лингвистике распространено мнение, согласно которому наибольшей частотностью в оформлении второго элемента объектно-предикативного сочетания обладает прилагательное.¹¹ Однако проведенное исследование показало, что прилагательное в этой функции уступает по частотности сочетанию существительного с предлогом.

В оформлении второго субстантивного элемента объектно-предикативного сочетания в древнеанглийском языке практически участвуют два предлога — *tō* и *for*, причем сочетания с предлогом *tō* обладают гораздо большей частотностью как с точки зрения их употребительности (93%), так и по числу глаголов, способных управлять предложными объектно-предикативными сочетаниями. По нашим данным, 58 глаголов управляет объектно-предикативными сочетаниями с предлогом *tō*, 7 глаголов — сочетаниями с предлогом *for* и 8 глаголов — сочетаниями, в состав которых входит любой из этих предлогов.

Зафиксированные примеры не дают возможности однозначно определить, в какой степени тот или иной предлог влияет на значение второго элемента. Это особенно заметно при рассмотрении глаголов, способных управлять двумя типами предложных объектно-предикативных сочетаний. В одних случаях предлог позволяет дифференцировать значения глагола: ...*hine dōn tō cyninge* (Greg., 33, 14) '...сделать его королем'; *Ne (hē) thaes wyrtes wīg for with dyde* (Beow., 2348) 'Он ратную доблесть дракона не ставил ни во что (букв. 'не считал чем-либо')', в других, по-видимому, можно говорить о взаимозаменяемости предлогов: ...*sealde ... hīre thīnene ... tō wīfe* (Gen., 30,9) '...отдала свою служанку ... в жены'; ...*sealde him for mete hlāf...* (Gen., 21, 14) '...дал им в пищу хлеб...'.

Учитывая сказанное выше о характере функционирования предлога *tō*, можно предположить, что в древнеанглийский период окказионально большинство переходных глаголов могло

принимать объектно-предикативное сочетание, второй элемент которого был оформлен существительным с предлогом *tō*:
...thaet hio cīrīcan *getimbredē* hæleθum *tō* helpe (EL., 1010)
...чтобы она церковь построила в (как) утешение людям'.

К рассматриваемому периоду относится и появление в составе объектно-предикативного сочетания предлога *swā* (пробраза столь распространенного в современном английском языке предлога *as*): Hē hine geēatmedde *swā* steorrēthra. (Bl. Hom., 235, 23) 'Он снизошел (букв. 'унизил себя') до того, чтобы быть нашим кормчим'.

3. Беспредложное прилагательное или адъективное словосочетание (29%): Hine eal thaet folc *hālīne and mihtīne* ongeat ... on his daedum (Bl. Hom., 219, 5) 'Все люди поняли, что он свят и могуществен в действиях своих'.

Поскольку исследованный материал показал, что в роли второго элемента выступают только качественные прилагательные, следует указать, что в ряде случаев соответственно они принимают форму сравнительной (6%) или превосходной степени (3%): Us this sē aetheling ȳthre gesfremede (Crist., 627) 'Для нас благородный принц сделал это более легким'; ...Thā heo sēleste mid iudeum gūtēna wiste (EL., 1203) '... Тех, кого она знала как самых замечательных мужей среди иудеев'.

4. Прилагательное с предлогом (0,6%). Хотя в древнеанглийский период случаи выражения второго элемента объектно-предикативного сочетания прилагательным с предлогом немногочисленны, мы выделяем их, поскольку в среднеанглийском языке этот способ выражения приобретает большее распространение. В оформлении второго элемента, выраженного прилагательным, участвуют предлоги *tō* и *for*: Hē lāet hine him *tō* gelicne (Greg., 121, 21) 'Он считает себя им подобным'; Hī hī selfe lēton ... for hēane... (Oros., 98, 22) 'Они считали себя жалкими...'.

5. Причастие I или словосочетание с причастием I в функции ведущего слова (6,7%): ...gemētte hē thaet saet with hine ligende (Hom., 2, 154.22) 'Он обнаружил, что сосуд лежит рядом с ним'.

6. Причастие II или словосочетание с причастием II в функции ведущего слова (7,5%): ...hāelo gelīfath thurh thaet word Godes... brungen (Crist., 119) '...верим, что спасение принесено словом господним'.

7. Наречие или эквивалентная ему по употреблению предложная группа (3,2%): ...wiston drihten ... upp (Dan., 194) '...знали, что... Господь (находится) на небесах'; ...ic ... ānne ... ne taeg gethencean besūthan Temese (Greg., 3, 18) '... я не могу вспомнить ни одного, кто был бы к югу от Темзы'.

К рассматриваемому периоду относятся и единичные случаи употребления в функции второго элемента объектно-пре-

дикативного сочетания предикативной единицы. Этот способ выражения получает, по свидетельству исследователей,¹² значительное распространение в современном английском языке: ...*hē hine sylfne dēth tō thon the hē nis* (Bl. Ном., 183.35) '...он делает себя самого тем, чем он не есть'.

Относительно того, что выражает второй элемент, мнения исследователей совпадают: он передает состояние или признак, свойственные первому элементу, причем в зависимости от семантики глагола, принимающего данное объектно-предикативное сочетание, второй элемент выражает либо состояние, приобретенное объектом в результате действия, выраженного глаголом, либо состояние, которое было свойственно объекту в момент совершения глагольного действия.¹³ Подобное определение значения, апеллирующее к экстралингвистическим фактам и выводимое исключительно на семантическом основании, не может считаться адекватным с грамматической точки зрения.

При определении значения второго элемента объектно-предикативного сочетания, на наш взгляд, следует принимать во внимание: а) двойственный характер связи этого элемента, т. е., с одной стороны, его непосредственную связь с первым элементом (проявляющуюся в древнеанглийском языке в согласовании с первым элементом), а с другой — его опосредованную связь с глаголом, принимающим объектно-предикативное сочетание (проявляющуюся в согласовании с первым элементом, вступающим в непосредственную подчинительную связь с глаголом); б) способ выражения второго элемента.

С учётом сказанного выше можно постулировать, что значение второго элемента включает в себя комплетивность или модификативность, причем этот компонент устанавливается на основании связи второго элемента с глаголом и понимается как восполнение или изменение значения ведущего глагола.

Следующий компонент значения второго элемента определяется на основании его связи с первым элементом объектно-предикативного сочетания и может быть назван предикативностью.

Последний компонент значения второго элемента определяется по способу выражения последнего. Если в значении первого элемента, в силу однородности способов его выражения был выделен цельный, неделимый компонент (субстантивность), то, учитывая перечисленные выше различные способы выражения второго элемента, следует говорить о трехстороннем компоненте его значения.

Если в функции второго элемента выступает беспредложное существительное или существительное с предлогом, то этот компонент проявляется в форме гипонимичности,¹⁴ понимаемой как способность к включению более узкого понятия в более широкое, ибо более широкому понятию соответствует соподрежание второго элемента.

В том случае, когда второй элемент выражен беспредложным прилагательным, прилагательным с предлогом, причастием II или наречием, анализируемый компонент выступает в форме квалификативности, понимаемой как способность к указанию на состояние, в котором в данный момент пребывает объект, обозначенный первым элементом. Наконец, если второй элемент выражен причастием I, то, учитывая грамматическое значение последнего, можно считать, что в данном случае рассматриваемый компонент значения второго элемента объектно-предикативного сочетания выступает в форме процессуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. Вестник ЛГУ, сер. ист. яз. и лит., № 20, 1956, стр. 133.

2 См., например: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 102.

3 Г. Н. Воронцов а. Вторичная предикативность в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1950, № 6, стр. 47.

4 В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, стр. 13*.

5 Примеры объектно-предикативных сочетаний и их трансформаций: цит. по: G. O. Curt e. A Grammar of the English Language, vol. 3. Boston, 1931, p. 29. На возможность подобной трансформации как на критерий наличия «вторичной предикативности» указывают также О. Есперсен и Дж. Шоуейс. — См.: O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. Pt. V. Copenhagen, 1940, p. 8; G. Scheuergewehs. Present-Day English Syntax. L., 1959, p. 418.

6 В статье не рассматриваются объектно-предикативные сочетания со вторым инфинитивным элементом, хотя, как на это справедливо указывает ряд исследователей (см.: C. F. Koch. Historische Grammatik der englischen Sprache. Bd. II. Cassel, 1878, S. 110—111; J. Zeitlin. The Accusative with Infinitive & Some Kindred Constructions in English. N. Y., 1908, p. 66; J. Machacek. Complementation of the English Verb by the Accusative-with-Infinitive and the Content Clause. Praha, 1965, pp. 8—10), объектно-предикативные сочетания этого типа функционируют в языке на равных правах с конструкциями, рассматриваемыми в настоящей статье. Исключение из рассмотрения инфинитивных объектно-предикативных сочетаний продиктовано как стремлением ограничить рамки исследования, так и тем, что изучению данной конструкции в диахроническом плане посвящена специальная работа (И. Б. Хелебин и к о в а. Конструкция «объектный падеж с инфинитивом» в английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1947).

7 Ф. Виссера, автора значительного труда по историческому синтаксису английского языка (F. Visser. A Historical Syntax of the English Language. Pt. I. Leiden, 1963), интересует исключительно употребление в роли первого элемента объектно-предикативного сочетания каких-либо предваряющих местоимений (*heralding objects*, по терминологии автора, стр. 459—481), причем автор не находит подобных случаев в древнеанглийском языке, что, как это подтверждается приводимыми в статье данными, не соответствует действительности.

8 F. Visser. A Historical Syntax of the English Language, p. 466.

9 C. F. Koch. Historische Grammatik der englischen Sprache, p. 106. Ю. А. Крутиков. Трехэлементные глагольные словосочетания в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1956, стр. 2.

10 А. М. Мухин. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.—Л., 1964, стр. 42, 120.

¹¹ M. Deutschbein. *System der neuenglischen Syntax*. 2. Aufl. Leipzig, 1926, S. 273; И. Б. Хлебникова. Конструкция „объектный падеж с инфинитивом” в английском языке, стр. 72.

¹² M. M. Bryant. *A Functional English Grammar*. Boston, 1945, p. 132; W. N. Francis. *The Structure of American English*. N. Y., 1958, p. 396.

¹³ C. T. Onions. *An Advanced English Syntax*. 6th ed. London, 1932, p. 42; M. Deutschbein. *System der neuenglischen Syntax*, pp. 272—273; R. W. Pence. *A Grammar of Present-Day English*. 5th Printing. N. Y., 1952, pp. 39—40.

¹⁴ Термин и его трактовка заимствованы у: J. Lyons. *Structural Semantics*. Publications of the Philological Society. Oxford, 1963, p. 69.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Andr. — Andreas and the Fates of the Apostles. Ed. by G. P. Krapp. Boston, 1906.
- Beow. — Beowulf. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. I. Hrsg. von C. W. M. Grein. Goettingen, 1857.
- Bl. Hom. — The Blickling Homilies of the Tenth Century. EETS, No 58, 63, 73. London, 1874, 1876, 1880.
- Boeth. — King Alfred's Old English Version of Boethius "De Consolatione Philosophiae". Ed. by W. J. Sedgefield. Oxford, 1899.
- Chr. — Two of the Saxon Chronicles Parallel, vol. 1—2. Ed. by Ch. Plummer and J. Earle. Oxford, 1892, 1899.
- Crist — Christ. The Exeter Book. EETS, No 104. London, 1895.
- Dan. — Daniel. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. I. Hrsg. von C. W. M. Grein. Goettingen, 1857.
- El. — Cynewulf's Elene. Hrsg. von F. Holthausen. Heidelberg, 1905.
- Gen. — Genesis. Bibliothek der angelsächsischen Prosa. Bd. I. Hrsg. von C. W. M. Grein. Cassel & Goettingen, 1872.
- Gosp. — The Gothic and Anglo-Saxon Gospels. Ed. by J. Bosworth. 3d ed. London, 1888.
- Greg. — King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. EETS, No 45, 50. London, 1871, 1872.
- Hom. — The Homilies of Aelfric, vol. 1, 2. Ed. by B. Thorpe. London, 1843, 1846.
- Jul. — Saint Juliana. The Exeter Book. EETS, No 104. London, 1895.
- Liv. — Aelfric's Lives of Saints. EETS, No 76, 82, 94, 114. London, 1881, 1885, 1890, 1900.
- Oros. — King Alfred's Orosius. EETS, No 79. London, 1883.

Summary

The above article has for its subject-matter the description of the predicative construction which is commonly regarded as a combination of an object and objective complement. Various types of constituents of the said construction are examined to receive the data on the way they used to be expressed in Old English. Stress is laid on less familiar means of expressing the two constituents of the construction in question as well as on the distribution of frequency among these means. Thus the article points out that in Old English the second constituent is most frequently expressed by a combination of noun with preposition while the accepted view asserts it is the prepositionless adjective which functions most often as the second constituent.

An attempt is also made to determine the meaning of the two constituents as it is supposed to be relevant for the constituents of similar constructions in Modern English.

О МЕСТОИМЕНИИ ВТОРОГО ЛИЦА В СТРУКТУРЕ ИМПЕРАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Б. Е. Зернов

В последние годы в советской и зарубежной англистике появился целый ряд общетеоретических и специальных работ, в которых поднимаются те или иные вопросы, связанные с исследованием императивных предложений английского языка.¹ Однако еще до сих пор существует немало проблем, которые ждут окончательного решения. Одной из таких является, в частности, проблема «составности» императивного предложения. Можно ли его рассматривать как редуцированный (неполный) вариант двусоставной определенно-личной синтаксической конструкции — иногда как полное двусоставное предложение — или же следует согласиться с мнением, что императивное предложение односоставно, а отсутствие здесь подлежащего, независимо от того, выражено или не выражено словесно местоимение второго лица, служит грамматическим признаком повелительного наклонения?

Задача настоящей статьи — показать, что императивное предложение в древнеанглийском языке, так же как и в современном английском, принадлежит к группе односоставных синтаксических структур, а местоимение второго лица выступает как особая форма обращения.

Материал исследования (общим объемом около 530 примеров, примерно 1500 страниц текста) отобран на основе сплошной выборки примеров из древнеанглийских письменных памятников разных жанров — поэзии, прозы, переводов с латинского, государственных законов.

Поскольку объектом исследования служит синтаксическая единица (предложение), представляется необходимым сделать несколько замечаний о тех критериях, на которые нам пришлось опираться, решая вопрос о границах предложения, а следовательно, и о его принадлежности к определенной структурной разновидности (простое, сложносочиненное, сложноподчиненное): максимальная смысловая независимость; структурная законченность (завершенность) конструкции, выражаяющаяся в невозможности устранения тех или иных ее частей без ущерба для синтаксического целого; отсутствие указания при помощи грамматических средств на наличие синтаксической связи между двумя и более предикативными единицами и на вхождение их в одну большую форму. Перейдем к изложению результатов анализа фактического языкового материала.

В собранном нами материале императивные предложения с эксплицитно выраженной формой местоимения второго лица встречаются довольно часто (29% случаев): в 10% случаев

оно выражено в структуре простого предложения, в 19 — в структуре сложных типов предложения. Встречаемость местоимения второго лица в рамках каждого из названных структурных типов соответственно составляет: в простых предложениях — около 35%, в сложносочиненных — 30, в сложноподчиненных (в основном) — 24%. Относительно низкий процент встречаемости местоимения в сложных типах предложения можно, по-видимому, объяснить тем, что нередко субъект действия бывает здесь указан либо подлежащим придаточного предложения, либо указание на него содержится в речевой ситуации. Появление местоимения в предложении, как показал материал исследования, как правило, не обусловлено особенностями жанра произведения: процентное соотношение случаев с эксплицитно выраженным местоимением второго лица как в поэтических (28,5%, 84 примера из 294), так и в стилистически нейтральных произведениях (27%, 62 примера из 229) колеблется примерно в одинаковых пределах. Отметим некоторые случаи, когда вхождение в структуру предложения местоимения второго лица происходит достаточно регулярно, либо наблюдается в большинстве имеющихся примеров.

I. В формах императива, оканчивающихся на -е, омонимичных форме оптатива (при этом местоимение выступает как своеобразный показатель категории лица и числа):

Ne wene ge dæt ic to dæm come on eorðan dæt ic Sibbe sende on eorðan, ac sweord (Greg., II, 352) 'Не думайте, не затем я пришел к ним, чтобы принести мир, а с мечом я пришел'.

II. В интерпозиции между частями составного именного сказуемого и при отрицании с глаголами *bēon*, *wesan*:

Wæs þū, Hrōðgar, hal! (Beow., 105, l. 73) 'Будь процветающим (счастливым), Хротгар',

Ne bēo þū upgrōt, þeah þeos ādl me innan äle! (Guthlac, 97, l. 1037—1038) 'Ты не печалься, несмотря на то что болезнь эта сжигает меня изнутри'.

III. В конструкциях, где его появление, по-видимому, диктуется необходимостью подчеркивания, уточнения или выделения субъекта действия, т. е. выступает как средство эмфазы или логического ударения:

Gang du sylf sodlice... (Aelfr., II, 348) 'Тогда отправляйся ты сам...'.

þu þe þurstende wære mannes blodes XXX wintra, drinc niðine fille (Orosius, II, 71) 'Ты, который жаждал человеческой крови в течение 30 зим, напивайся ею теперь досыта'.

Отмечается также, что при глаголе в единственном числе местоимение *þu* появляется примерно в 3 раза чаще, чем местоимение *ge* при глаголе во множественном числе. Местоимение двойственного числа, зафиксировано лишь в одном случае. В предложениях с отрицанием при глаголе местоимение 2-го лица появляется в 2,2 раза чаще, чем в предложениях, где

такое отрицание отсутствует. При наличии в предложении обращения *þu (ge)* встречается в 1,5 раза реже, чем в случаях, когда форма обращения не выражена в предложении.²

В связи с этим возникает целый ряд закономерных вопросов: почему в одних случаях местоимение *þu (ge)* может быть эксплицитно выражено в предложении, а в других отсутствует? что имеется общего и есть ли различия между *þu (ge)*, появляющимся в императивном предложении, и подлежащим двусоставного предложения? какова вообще роль местоимения 2-го лица в построении данной синтаксической конструкции? Кратко остановимся на вопросе о взаимном расположении местоимения *þu (ge)* и глагола в императивном предложении, а также подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении.

Известно, что порядок слов как способ выражения синтаксических связей не имеет в древнеанглийском языке столь большого значения, какое он приобретает в современном английском языке. Однако выявление наиболее часто встречающегося способа расположения компонентов в императивном и двусоставном предложениях позволяет сделать некоторые предварительные выводы о тождестве или различии сравниваемых типов предложения. Так, например, в двусоставных предложениях древнеанглийского языка в определенных позициях может преобладать либо прямой, либо обратный порядок следования подлежащего относительно сказуемого: при отсутствии в начале предложения второстепенного члена — прямой порядок, при наличии второстепенного члена — обратный порядок.³ В императивных предложениях мы сталкиваемся с несколько иной картиной: в подавляющем большинстве случаев (около 80%) местоимение *þu (ge)* располагается непосредственно за глаголом. Значительно реже оно находится в пропозиции к глаголу: отмечено 7 случаев, когда оно стоит непосредственно перед глаголом, в 11 случаях оно отделено от глагола, каким-либо второстепенным членом (либо элементом, входящим в большую синтаксическую форму), в 8 случаях — двумя второстепенными членами и лишь в 4 случаях — тремя членами и более. Говоря о преимущественной встречаемости обратного порядка расположения *þu (ge)* относительно глагола, следует подчеркнуть, что это не исключает, как было уже сказано, некоторых отклонений от проявления общей тенденции: если в сложных императивных предложениях местоимение 2-го лица располагается преимущественно после глагола, то в простом предложении частотность употребления местоимения в пропозиции к глаголу примерно такая же, как и в постпозиции.

Таким образом, преобладание обратного порядка расположения местоимения *þu (ge)* относительно глагола императивного предложения еще не свидетельствует о принципиальном отличии данной синтаксической конструкции от двусоставных

предложений. Поэтому необходимо выяснить роль местоимения 2-го лица в построении и организации императивного предложения.

Роль *þu* (*ge*) в организации императивного предложения как синтаксической структуры можно установить, проследив закономерности его встречаемости в одних и тех же позициях в предложениях. Для этого сопоставим несколько пар примеров:

Ne forlæt þu usic, ãna ëce drihten (Daniel, 102, l. 310) 'Не оставь ты нас, Господь, единственный и вечный'; *La, ne forlæt ðs, ac beo ure ladeow...* (Greg., II, 304) 'О, не оставь нас, а будь нам советчиком'.

Habbað ge seal̄t on eow, and sibbe habbað betwec heow (Greg., I, 92) 'Будьте хлебосольны и мир имейте между собой'; *Habbað seal̄t on eow & sibbe betweoxen eow* (Greg., II, 346) 'Будьте гостеприимны и мир имейте между собой'.

Wes þu on ðfeste, swā he þes ðt heonan lædan hāte (Juliana, 58, l. 253) 'Ты поспеши, когда он прикажет вывести тебя оттуда...'; *Blo nū on ofoste, þæt ic æg-welan, gold-æht ongiþe.* (Beow., 167, l. 2247) 'Поспеши, чтобы я смог полюбоваться древним богатством, золотым сокровищем...'.

Сопоставление примеров показывает, что древнеанглийская языковая норма, по-видимому, допускала такое положение, что в одной и той же позиции местоимение 2-го лица может быть либо выражено, либо отсутствовать, при этом законченность предложения как синтаксического целого не нарушается. Отсюда напрашивается вывод о том, что иногда присутствие *þu* (*ge*) в структуре императивного предложения не обязательно. Но столь же необязательной может быть и структурная выраженность подлежащего в двусоставном предложении:

*...älēdon þa lēofne þēoden on bearm scipes*⁴ '...положили тогда любимого вождя на борт корабля'.

Чем же тогда отличаются императивные предложения от неполных? Отличия эти состоят в специфике коммуникативной задачи императивного предложения, в большей его самостоятельности и независимости от контекста. О возможности существования в древнеанглийском языке случаев, когда вхождение местоимения второго лица в структуру предложения позиционно обусловлено и является обязательным с точки зрения действовавшей в тот период языковой нормы, можно лишь предполагать: на мысль об этом наводят случаи с отрицанием *ne* при глаголах *bēon*, *wēsan*, где во всех примерах, которыми мы располагаем, отмечено присутствие местоимения *þu* (*ge*). И если существование тесной и неразрывной связи между местоимением второго лица и глаголом подтверждается на значительно большем фактическом материале, то естественно встает вопрос о причинах, вызвавших данное явление. В настоящее же время выяснение подобных причин не входило в наши задачи.

В заключение остановимся на вопросе о смысловой соотнесенности между местоимением *þu* (ge) и сказуемым императивного предложения.

Известно, что подлежащее всегда соотнесено по смыслу со сказуемым. Соотнесенность по смыслу между двумя главными членами получает выражение в грамматическом согласовании подлежащего со сказуемым в лице и числе. Местоимение *þu* (ge) согласуется со сказуемым в лице и числе, на что указывают личные глагольные показатели -нуль, -а, -е в единственном числе и -ad (od), -е во множественном числе. В результате создается видимость того, что форма местоимения второго лица выступает в предложении в функции подлежащего. Однако в таком случае была бы правомерна и другая постановка вопроса: в императивном предложении древнеанглийского языка встречается еще одна форма — именительный падеж существительного, которая нередко занимает ту же позицию в предложении, что и местоимение *þu* (ge).

Rodera waldend geoca us georne gæsta Scyppend (Azariah, 188, l. 11) 'Небесный правитель, сохрани нас, творец душ...'

Saga þances gleaw þegn, gif þu cippe, hū þät gewurde. (Andreas, 23, l. 557) 'Скажи, господин мудрых мыслей, если можешь, как получилось...'

Более того, довольно часто местоимение *þu* (ge) образует с формой именительного падежа существительного сложное единство, которое, очевидно, в ряде случаев может отрываться от императивного предложения и функционировать в качестве самостоятельного вокативного предложения. Последнее может возникнуть лишь на базе обращения.

þu tonnes suni ðurhðugela done wah (Greg., I, 152) 'Эй, сын человеческий, пробей эту стену'.

þu gionga, bio de ðiðe to clipianne & to læganne (Greg., II, 385) 'Эй, юноша, не стремись взывать и поучать'.

Учитывая, что *обе* названные формы — и местоимение второго лица, и существительное — соотнесены со сказуемым по смыслу и грамматически, нельзя не согласиться с мнением А. М. Мухина о том, что именительный падеж местоимения не может быть понят вне его функциональной соотнесенности с именительным падежом существительного, являющегося обращением. Поэтому местоимение второго лица следует квалифицировать не как подлежащее, а как особую форму обращения, относя императивные предложения к группе односоставных глагольных структур.⁵

Итак, в древнеанглийском языке форма местоимения второго лица употребляется в императивном предложении довольно часто, однако в преобладающем большинстве случаев она структурно не выражена, но от этого предложение не становится неполным.

Императивные предложения имеют целый ряд отличий от

предложений двусоставных, в результате чего смешение этих двух типов представляется неправомерным.

Местоимение второго лица всегда функционально соотнесено с формой именительного падежа существительного, являющегося обращением, а поэтому оно выступает в императивном предложении как особая форма обращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: Л. С. Бархударов. К вопросу о бинарности оппозиции и симметрии грамматических систем. Филологические науки, № 4, 1966, стр. 97—110; В. А. Белоусова. Односоставные предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955; К. А. Гузеева. Неполные предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1964; Е. А. Натанzon. Побудительные предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955; А. А. Трофимова. Интонация повелительных предложений в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955; R. B. Long. Imperative and Subjunctive in Contemporary English. American Speech vol. XLI, Oct. 1966, No 3, pp. 199—210; J. P. Thorpe. Imperative Sentences. Journal of Linguistics, vol. II. Cambridge, 1966, p. 69.

2 Встречаемость местоимений *þu* (*ge*) с различными лексическими классами глаголов нами не рассматривается. Однако отмечено, что с некоторыми глаголами (*cumán*, *dōp*, *habban*, *hugan*, *locian*, *seon*) местоимения второго лица употребляются сравнительно редко.

3 Б. А. Ильиш отмечает, что при отсутствии в начале предложения второстепенного члена, в „Беовульфе“ прямой порядок слов встречается в 63% случаев, обратный — 37%. — См.: Б. А. Ильиш. История английского языка. М., 1958, стр. 127.

4 Пример взят из: Б. А. Ильиш. История английского языка, стр. 130.

5 А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 84—85. А. А. Шахматов также трактует местоимение второго лица в структуре императивного предложения как обращение. — См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 166—167.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Aelfr. — Ed. by W. Skeat. Aelfri's Lives of Saints. Vol. II. London, 1885.
Andreas — Поэма Andreas. В кн.: C. W. M. Grein. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. II. Goettingen, 1858.
Azariah — Поэма Azariah. В кн.: I. Gollancz. The Exeter Book. An Anthology of Anglo-Saxon Poetry. London, 1885.
Beow. — C. L. Wrenn. Beowulf. London, 1959.
Daniel — Поэма Daniel. В кн.: C. W. M. Grein. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. I. Goettingen, 1857.
Greg., I, II — Ed. by H. Sweet. King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. Vol. I, III. London, 1871.
Guthlac — Поэма Guthlac. В кн.: C. W. M. Grein. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. II. Goettingen, 1858.
Juliana — Поэма Juliana. В кн.: C. W. M. Grein. Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Bd. II. Goettingen, 1858.
Orosius — The Anglo-Saxon Version from the Historian Orosius, by Aelfred the Great. London, 1733.

Summary

The paper presents some observations on the use of the second person pronoun in the structure of the Old English imperative sentence. It is pointed out that this pronoun cannot be treated as the subject of the sentence.

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ СЛОВ В ИМПЕРАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(на материале современного английского языка)

Б. Е. Зернов

Изучение структуры предложения, а также отношений, возникающих между теми или иными его компонентами, необходимо предполагает членение синтаксического целого на какие-то составляющие части. Современной лингвистической науке известно несколько способов членения предложения: по членам предложения, по непосредственно составляющим цепочечный анализ. Сравнительно недавно появился новый метод — конструктивный анализ структуры предложения.¹ Наряду с разработкой новых, более точных методов исследования, лингвистами творчески используется все то положительное, ценное, что было выработано наукой ранее. Так, в последние годы исследователи разных школ и направлений все чаще и чаще обращаются к изучению ранговых отношений между связанными в предложении единицами.² В настоящей статье будут изложены некоторые наблюдения, сделанные автором в процессе анализа структуры императивных предложений современного английского языка с учетом иерархических отношений, возникающих между словами, из которых состоит данная синтаксическая конструкция.

Изучение иерархических отношений в предложении необходимо начинать прежде всего в рамках синтаксических позиций, ибо это позволит нам определить функцию и место определенного слова (группы слов), а также его роль в оформлении всей структуры. Синтаксическую позицию в предложении занимают, как известно, отдельные слова и группы слов. Отдельные слова-заполнители представляют различные морфологические классы и синтаксически неоднородны; одни из них потенциально способны выступать в качестве ведущих по отношению к другим, эксплицитно не выраженным, но контекстуально или ситуативно выполнимым словам, другие же не могут выполнять эту роль ни при каких условиях. В предложении *Call the man in, please* существительное *man* может выступать как ведущее слово; ср.: *this man, this old man, this ugly old man*. В предложениях *Listen to me now* и *Be content with it* наречие *now* и местоимение *it* не способны функционировать в роли синтаксически ведущего слова, так как они не могут иметь при себе распространителей или быть распространены каким-либо образом. Отсюда закономерен вывод о том, что существует тесная взаимосвязь между явлениями морфологического и синтаксического уровней языка.

В случаях, когда позицию занимает группа слов, среди них, как правило, выделяются ведущее слово и зависимые от него

члены, которые в свою очередь тоже могут синтаксически господствовать над другими словами. Таким образом, в каждой синтаксической позиции имеется как бы несколько ярусов или уровней подчинения. Число таких уровней, количество членов на каждом из них, тип связи между ведущим и зависимыми членами определяются тем, к какому морфологическому классу принадлежит синтаксически ведущее слово, а также его валентными свойствами.³ Существительное и глагол, например, обладают большими сочетательными возможностями по сравнению с другими морфологическими классами и, следовательно, имеют больше зависимых членов на том или ином уровне подчинения. На сочетаемость глагола влияет и его принадлежность к определенному грамматическому подклассу (переходный—непереходный—связка). Для иллюстрации изложенного возьмем несколько примеров и рассмотрим их позиционную структуру.

(1) «Joyce: Yes, tell Wong to serve it now» (M. Br., p. 68).

1 ур.	tell	Wong	(to) serve
2 ур.		it	now

(2) Albert: Here give us that tin for my roast potatoes (HL., Nil., p. 218).

1 ур.	give	us	tin	(for)	potatoes
2 ур.			that	my	roast

(3) Hardcastle grinned. Give the old boy my love (A. C., Clocks, p. 90).

1 ур.	give	(the)	boy
2 ур.	love		old
3 ур.	my		

(4) Daddy, don't forget to ring that number (M. Br., p. 197).

1 ур.	(don't)	forget	(to)	ring
2 ур.			number	
3 ур.			that	

(5) Pip: For God's Sake don't start wedding me to you (A. W., Chips., p. 45).

1 ур.	(don't)	start	me	to	you
2 ур.	wedding				

(6) Be always reasonable and understanding.

1 ур.	be	always
2 ур.	reasonable (and) understanding	

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах имеет место повторяемость определенных типов отношений между ведущим и зависимыми членами как в главной, так и в зависимых позициях. Обозначим буквами а, б, с члены-заполнители той или иной позиции и укажем их расположение по синтаксическим уровням.⁴

1 ур.	a	a	a
2 ур.	b	b	b c
3 ур.		c	
А		Б	В

А — примеры 2, 3, 5; Б — 3, 4; В — 1, 2, 6.

Назовем (А) — отношением непосредственного подчинения (НП); (Б) — отношением последовательного подчинения (ПП); (В) — соподчинением (СП). Данные типы отношений следует квалифицировать как основные, поскольку каждое из них возникает лишь при наличии определенного минимума членов. Наряду с основными, существуют производные (например, трехчленное соподчинение, трехчленное последовательное подчинение) и скрещенные типы — повторение основных и производных на разных уровнях подчинения. Проанализируем еще два примера:

(7). *Wing Commander: Nonsense! And forget your theories about my unhappy childhood* (A. W. Chips, p. 47).

(8). *Joyce: Douglas, give Rod something to calm his nerves* (M. Br., p. 79).

В приведенных примерах позицию прямого дополнения занимают несколько членов, расположенных на разных уровнях, но отношения, возникающие между ними, есть ни что иное как повторение уже известных нам типов: (7) СП(2) + СП(2); (8) ПП (3), где СП(2) — соподчинение двух членов одним ведущим; ПП(3) — трехчленное последовательное подчинение.

Таким образом, помимо функции и места тех или иных слов (групп слов), анализ глубины синтаксических позиций по уровням позволяет выявить основные элементы в структуре каждой из них (*basic elements of a sentence*) — таковыми являются слова, находящиеся на первом уровне.⁵

Однако при позиционном анализе структуры предложения не могут быть вскрыты отношения непосредственной синтаксической связи, возникающие между составляющими частями синтаксического целого. Так, глагол обычно непосредственно связан с ведущими членами зависимых позиций, хотя не исключены также и случаи опосредованной связи через другие члены, занимающие позицию сказуемого (*Be content with it; Don't start wedding me to you*). Что касается ведущих членов

зависимых позиций, то они, с одной стороны, состоят в непосредственной связи с глаголом или с другим членом, занимающим позицию сказуемого, с другой — связаны между собой. Все это указывает на необходимость проведения следующего этапа исследования — анализа направленности связи между компонентами и выявления иерархических отношений в рамках единого синтаксического целого — предложения. В результате этого мы получим ряд новых, дополнительных сведений об исследуемом типе предложений, установим общую глубину структуры, количество членов на уровнях подчинения и их морфологическую принадлежность. Появляется также возможность выразить особенности связи и отношений между компонентами в рамках единой структуры при помощи знаков-формул, отражающих реально существующие отношения.⁶ Вернемся к примеру (7) (*And forget your theories about my unhappy childhood*) и рассмотрим отношения, возникающие между компонентами предложения. Общая глубина структуры^{*} составляет четыре уровня: высший и три уровня подчинения. Глагол *forget* — центр подчинения всего предложения — непосредственно подчиняет существительное *theories*, находящееся на первом уровне подчинения, которое соподчиняет два члена на втором уровне: притяжательное местоимение *your* и существительное *childhood*. Существительное *childhood* соподчиняет два члена на третьем уровне подчинения. Формулу предложения можно представить в следующем общем виде: НП + СП(2) + СП(2), которую далее необходимо развернуть в $VNP > NCP(2) > > Pr_{ps} + NCP(2) > Pr_{ps} + Adj$, где *V* — глагол, *N* — существительное, *Pr_{ps}* — притяжательное местоимение, *Adj* — прилагательное.

Как показывает фактический языковой материал, структурная глубина простых императивных предложений современного английского языка, характерных для живой разговорной речи, обычно колеблется в пределах от одного до четырех уровней и не превышает пяти-шести уровней подчинения. Эти цифры совпадают с данными Гука и Мэтьюза.⁷ Их статистика, по-видимому, отражает результаты анализа двусоставных предложений, и, если это так, можно сделать вывод о том, что объем глагольной группы в односоставных предложениях такой же, как и в предложениях двусоставных.

Количество членов на уровнях подчинения в монопредикативных структурах не превышает, как правило, четырех и уменьшается на каждом последующем уровне по мере углубления синтаксической перспективы предложения.

Обнаруживается также определенная зависимость между количеством уровней в предложении и числом членов на уровнях подчинения: чем больше членный состав на первом и втором уровнях подчинения, тем меньше глубина всей синтаксической конструкции.

Изложенные нами наблюдения дают лишь некоторое, далеко неполное представление о возможностях применения данного метода анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. Г. Почекинов. Конструктивный анализ структуры предложения. Автореф. докт. дисс. Л., 1968.

² Учение О. Есперсена «о трех рангах» (см.: O. Jespersen. *The Philosophy of Grammar*. London, 1924, p. 96). Есперсен ограничивается рассмотрением ранговых отношений в рамках именных словосочетаний. Качественно новым этапом развития теории Есперсена является изучение иерархических отношений в предложении (см.: J. N. Hook and E. G. Mathews. *Modern American Grammar and Usage*. N. Y., 1956, pp. 110—112; Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. Изд. ЛГУ, 1968).

³ В пределах тех или иных уровней допустимым, по-видимому, является выделение последовательных ступеней. Так, грамматически ведущий и зависимый компоненты в аналитической форме следуют, очевидно, рассматривать как два члена, занимающие разные ступени одного синтаксического уровня.

⁴ В тех случаях, когда определенную позицию занимают три члена, между ними может возникнуть и отношение $\frac{1}{2}$ ур. $\begin{matrix} a & b \\ & c \end{matrix}$, но оно не рассматривается нами наряду с А, Б, В, поскольку в монопредикативных структурах это отношение, как показал материал исследования, встречается лишь в зависимых позициях (например, *Bring my coat and hat*) и не отмечено в главной позиции.

⁵ J. N. Hook and E. G. Mathews. *Modern American Grammar und Usage*, p. 110.

⁶ Формулы предложений не являются моделями предложений. Модели предложений устанавливаются на базе простейших, так называемых ядерных структур, которые можно выявить путем устранения членов, связанных со своими центрами подчинения факультативной сочетаемостью. — См.: В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. ВЯ, № 1, 1958, стр. 111—118.

⁷ J. N. Hook and E. G. Mathews. *Modern American Grammar und Usage*, p. 112.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. C., *Clocks*. — Agatha Cristie. *The Clocks*. N. Y., 1965.
H. L., *Nil*. — H. Living. *Nil Carborundum*. Penguin Plays. New English Dramatists, 6.
M. Br., — M. Brand. *Plays*. Progress Publishers. Moscow, 1965.
A. W., *Chips* — A. Wesker. *Chips with Everything*. Penguin Plays. New English Dramatists, 7. London, 1967.

Summary

The paper presents some observations of the author on the relations of syntactical hierarchy generating between words in the imperative sentence in modern English.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВОЗВРАТНЫХ И БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Д. Попова

При анализе среднеанглийских возвратных конструкций со средневозвратным значением, особенно их второй подгруппы,¹ обратил на себя внимание тот факт, что некоторые глаголы имели широкое распространение как в возвратных, так и в безличных конструкциях.

В среднеанглийском сохраняется еще большое число глаголов, входящих в безличный оборот. Однако безличный оборот в среднеанглийском оказался очень неустойчивым.

В. Н. Ярцева считает важным условием распада безличных конструкций то, что «в среднеанглийском языке безличные обороты ни по форме, ни по содержанию не включаются в синтаксическую систему языка и поэтому особенно легко поддаются разрушению при процессе изменения морфологических форм».² Далее автор пишет, что, хотя один и тот же глагол может в среднеанглийском употребляться и в личной, и в безличной конструкции, постепенно происходит вытеснение безличного оборота личным и закрепление глагола только в личной конструкции.

Представляется, что возвратные конструкции могли сыграть определенную роль при перестройке безличных оборотов в личные. Структура возвратной конструкции могла явиться еще одной личной моделью, по аналогии с которой «выстраивались» безличные обороты.

Правда, ни в одной исторической грамматике английского языка, ни в специальном исследовании, посвященном истории безличных конструкций (VIII—XV вв.),³ не было обнаружено никаких упоминаний о наличии такой возможности, а также и о том факте, что целый ряд глаголов употребляется параллельно в возвратной и безличной конструкциях.

Наиболее распространенными безличными конструкциями в среднеанглийском были конструкции со значением «эмоциональное и психическое состояние человека».⁴

Безличные и возвратные конструкции имели точки соприкосновения как в своей структуре, так и в передаваемом ими содержании. Обе конструкции могли иметь общий местоименный элемент — наличие личного местоимения в объектном падеже. Наиболее разительным было сходство при общем местоименном и глагольном элементе с местоимениями 3-го лица.⁵ Например, возвратная конструкция с глаголом *gerente* 'сожалеть о...', 'раскаиваться' в среднеанглийском имела вид *he him gerenteth*, а безличная конструкция — *him gerenteth*.

Более того, в самой возвратной конструкции может наблюдаться пропуск личного местоимения (или другого слова класса имен) в именительном падеже. Чаще всего этот пропуск наблюдается при наличии однородных сказуемых, одним из которых является возвратная конструкция. (этот тип эллиптической возвратной конструкции наблюдался еще в древнеанглийском):

The gode knigt up aros//Of the wordes *him agros* (Horn, 59)
Добрый рыцарь поднялся — очень испугался этих слов'.

Вторая строка вполне может быть принята за безличную конструкцию. Эллиптическая возвратная и безличная конструкции могут полностью совпадать.

Личное местоимение в именительном падеже может быть также опущено в одном из полипредикативных предложений;⁶

And stod up — he ne migte i-seo neicere a-del: ful sofe *him a-gros* (Leg., 190) '(Он) встал — он не мог ничего увидеть; (он) очень испугался'.

В этом предложении тоже трудно решить, является ли последняя часть возвратной или безличной конструкцией.

Структурная и функциональная близость этих конструкций, передающих «эмоциональное и психическое состояние человека», говорит в пользу того, что возвратные конструкции могли сыграть определенную роль при перестройке безличных конструкций в личные.

В среднеанглийском распространены безличные конструкции с глаголом *thenchen* 'думать':

And get *him thingth* that he deth wel (Shor., 90) 'И все-таки ему думается, что он поступает хорошо';

Therfore me *thingth* that hit is right (Thom., 83) 'Поэтому мне думается, что это правильно'.

Возвратные конструкции с этим глаголом также достаточно употребительны:

Thanne he sel *him diligentliche thenche* beuore — and izy that writ (Inw., 173) 'Тогда он должен хорошенько подумать об этом раньше и посмотреть это писание'.

Возвратные конструкции, так же как и безличные, распространены с глаголами *vor-thenchen*, *be-thenchen*, *um-be-thenchen* 'обдумывать', 'поразмыслять', 'думать':

Huan the man *him uorthingth* of his zenne: thanne comth ther a newe//wrestlinge to his ogene herte (Inw., 180) 'Когда человек думает о своих грехах, тогда новое сомнение наполняет его сердце'; Than he *umbethoughte him* hastely... (Bruce, 133) 'Тогда он быстро поразмыслил...'

В безличной и возвратной конструкциях употребляются такие глаголы, как *repente* 'сожалеть', *gladjen* 'веселить', 'веселиться', *schamien* 'стыдиться'.

1. Well, Dinadin, said Sir Berluse, *me repente* that ye will take part with him (Mal., I, 385) 'Ну что же, Динадин, — скажи

зал сэр Берлус, — мне очень жаль, что ты будешь участвовать в этом вместе с ним'; ... for the knight full sore *repenteth him* of 'the misadventure that is befallen him' (Mal., II, 322) 'Потому что этот рыцарь ужасно сожалеет о той неудаче, которая его постигла'.

2. Of theliche thinges *him glede*th ine his herfe (Inw., 27) 'Из-за этого радуется он в сердце своем'; Onder 'the fayre robes is the saule dyad by zenne//and nameliche ine tham that *ham glede*th and *predeth* (Inw., 258) 'Именно в тех, кто веселится и предается гордыне, мертва душа, погрязшая в грехе, под прекрасными одеждами'.

3. *Hym schamede* nougt to girde hym self hige, and fede and serve pore men (Tr., VII, 337) 'Он не стыдился туто подпоясаться, кормить бедных и ухаживать за ними'; I will that ye wit I *shame me* not to be with him nor to do him all the pleasure that I can (Mal., I, 215) 'Я хочу, чтобы вы знали, что я не стыжусь быть вместе с ним и не стыжусь того, что стараюсь доставить ему столько радости, сколько могу'.

Употребление одних и тех же глаголов в возвратной и безличной конструкциях способствовало распаду безличных конструкций, так же как и тот факт, что «даже те глаголы, которые встречались в среднеанглийском в безличной форме, параллельно употреблялись и в личной конструкции».⁷ Возвратная конструкция была еще одной параллельной личной конструкцией, которая способствовала перестройке безличных конструкций в личные. Вследствие совпадения местоименных (а в 3-м лице и глагольных) элементов возвратной и безличной конструкций последняя могла восприниматься как личная возвратная конструкция с эллиптизованным подлежащим. В. Н. Ярцева отмечает, что «система безличных глаголов подвергалась в этот период таким всесторонним изменениям, что действительно могла существовать тенденция воспринимать все обороты, где только не была каким-либо образом подчеркнута безличность, как личные».⁸

Думается, что отмеченные факты представляют определенный интерес. Однако, по-видимому, нужно провести специальное исследование по вопросу взаимодействия обеих конструкций с более широким привлечением материала безличных конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Выражая средневозвратное значение, форма возвратного залога показывает, что действие ни на кого и ни на что не переходит, а замыкается в самом субъекте, сосредоточено в нем...»

В конструкциях со средневозвратным значением можно выделить две разновидности: «а) действие сосредоточено в сфере субъекта и сводится к выражению внешних физических изменений в состоянии субъекта, его перемещения в пространстве... б) формы возвратного залога выражают изменение во внутреннем состоянии субъекта» (В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 140).

2 В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, стр. 53.

3 Т. А. Расторгуева. История развития безличных предложений в английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

4 Там же, стр. 10.

5 Именно местоимения 3-го л. (особенно 3-е л. ед. ч. мужск. рода) являются самыми употребительными в памятниках среднеанглийского периода (как в прозаических, так и в поэтических). Это, по-видимому, вообще остается справедливым для письменного отражения языка любой эпохи.

6 Тип эллиптической возвратной конструкции может быть прослежен на вариантах среднеанглийских памятников, где личное местоимение в именительном падеже может быть опущено в одном из вариантов и сохранено в других (например, *Curs.*, *Horn*).

7 В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка, стр. 55.

8 Там же, стр. 55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Bruce — Barbour's Bruce. Ed. by W. Skeat. EETS. London, 1870.

Curs. — Cursor Mundi. Ed. by R. Morris. EETS. London, 1874.

Horn — Kyng H o g p. Floris and Blancheflour etc. Ed. by J. Lumby. EETS. London, 1901.

Inw. — Dan Michel's Agenbite of Inwyt. Ed. by R. Morris. EETS. London, 1866.

Leg. — The Early South-English Legendary or Lives of Saints. Ed. by K. Holtmann. EETS. London, 1887.

Mal. — Le Morte D'Arthur by Sir Thomas Malory. Ed. by E. Rhys. London, 1916.

Thom — Robert of Gloucester. The Life and Martyrdom of Thomas Becket. Ed. by W. H. Black. London, 1845.

Tr. — Polychronicon. English Translation of John Trevisa etc. London, 1879.

Shor. — The Poems of William of Shoreham. Re-ed. by M. Konrath. EETS. London, 1902.

Summary

In Middle English both the reflexive and impersonal constructions ('him repenteth' type) can be widely used with the same set of verbs denoting mental perceptions, the emotional and psychological state of man.

The reflexive and the impersonal constructions have at least one structural element in common (the personal pronoun in the objective case) or even two elements (the pronominal and the verbal elements) in case of the subject in the 3-d pers. sing. The impersonal constructions of this type are very unstable in Middle English. The general tendency of these constructions to be reshaped after the pattern of personal verbal formations could also be helped by the analogy presented by the personal reflexive constructions.

О КОНТЕКСТНЫХ УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (на материале прилагательных *hot* и *cold* в современном английском языке)

Л. А. Никольская

Задачей настоящей статьи является установление типовых контекстов, в которых происходит актуализация лексико-семантических вариантов¹ прилагательных *hot* и *cold*. В ходе анализа речевых условий функционирования прилагательных *hot* и *cold* были затронуты некоторые проблемы общей теории контекста, такие, как: контекст и его границы, релевантность признаков контекста для определенного лексико-семантического варианта, грамматические и семантические признаки позитивных показателей² и тип контекста. Под контекстом мы понимаем сочетание исследуемого слова с тем минимальным, но достаточным словесным окружением, в котором интересующее нас слово реализует определенное лексическое значение.³ Анализ контекстов проводился на современном материале, использовались произведения английских и американских авторов XX века.

Прилагательные *hot* и *cold* относятся к разнокоренным антонимам, противопоставленность которых основана на общности семантического признака тепла, представленного в прямом значении прилагательных *hot* и *cold* с противоположным знаком. Исследователи, занимающиеся проблемой антонимии, единодушны в признании того факта, что для антонимов характерна идентичность контекстных условий реализации соотнесенных значений. Так, В. Н. Комиссаров считает, что «слова-антонимы обладают в общем одинаковой сферой лексической сочетаемости, т. е. сочетаются с одним и тем же кругом слов».⁴ Л. Т. Корнеева пишет: «Однотипность контекстов — условие антонимичности... Вторым условием является возможность их (антонимов. — Л. Н.) употребления в одном и том же типе контекста».⁵ Н. А. Шехтман, занимающийся прилагательными-антонимами со значением скорости, также пришел к выводу об аналогии контекстов антонимичных прилагательных: «Сочетаемость слов-антонимов совпадает, за вычетом тех случаев, когда значение существительного исключает сочетаемость со словом противоположного значения».⁶ В связи с указанной особенностью антонимы представляются удобным материалом для установления типовых контекстов лексического значения.

Методика контекстуального анализа прилагательных *hot* и *cold* в прямом значении включала следующие операции:

1) фиксацию всех случаев употребления прилагательных *hot* и *cold* в пределах предложения (формально от точки до точки);

2) отбор предложений, границы которых оказались достаточными для реализации лексического значения прилагательного;

3) исключение избыточных элементов окружения и выявление собственно контекста;

4) синтаксический анализ полученной массы контекстов, вычленение синтаксических индикаторов значения;

5) анализ лексического наполнения синтаксических моделей, установление лексико-грамматических и семантических характеристик необходимых членов;

6) определение релевантных признаков контекста для каждого лексико-семантического варианта в пределах одного типового (в нашем случае прямого) значения;

7) представление типовых контекстов лексико-семантических вариантов в виде контекстных формул.

Типовой контекст слова в данном значении мы считаем контекстной формулой, если этот контекст представлен в терминах грамматических классов слов, а точность описания морфологических и семантических характеристик указательного минимума обеспечивает однозначность исследуемого слова.

В том случае, когда актуализация лексико-семантического варианта осуществляется самим синтаксическим построением необходимого окружения (синтаксический контекст),⁷ контекстная формула не требует лексико-грамматических и семантических уточнений. Если же мы имеем дело со смешанным контекстом,⁸ реализация значения слова обеспечивается сложным взаимодействием различных характеристик окружения (синтаксических, лексико-грамматических, морфологических и семантических); в таком случае контекстная формула оказывается максимально насыщенной разнообразными уточнениями.

В отдельных случаях пределы предложения (формально от точки до точки) не обеспечивали определенности лексико-семантического варианта прилагательных *hot* и *cold*. Словесное окружение увеличивалось до пределов абзаца (макроконтекст⁹) и затем вычленялись активные элементы окружения.

Рассмотрим синтаксические и семантические характеристики контекстов, в которых реализуются лексико-семантические варианты прямого значения прилагательных *hot* и *cold*.

Прилагательные *hot* и *cold* в прямом значении выступают в трех лексико-семантических вариантах:

1. *hot/cold A* — температурная характеристика предметов и веществ: *I went in and locked the door and sitting with my head against the cold wall I cried* (Gr., Am., 157).

2. *hot/cold B* — температурная характеристика окружающей среды: *The weather had continued very hot and his vigorous efforts soon made him perspire freely* (Mur., Bell., 163).

3. *hot/cold C* — температурная характеристика физического состояния живых существ: *Anselmo was now so cold that he*

decided he had best go to camp before it was dark (Hem., Bell., 186).

Прилагательные *hot* и *cold* в варианте A употребляются в следующих синтаксических функциях: препозитивного и постпозитивного определения, предикативного члена (при двух вариантах выражения подлежащего) и объектно-предикативного члена.

Если прилагательное употребляется в функции препозитивного или постпозитивного определения, реализация варианта *hot/cold A* осуществляется в результате взаимодействия семантики прилагательного с семантикой определяемого существительного. Семантическая связь опирается на прямую синтаксическую, атрибутивную связь. Например:

1. *Hitherto Doctor McLean, safe and elderly ... called upon when emergency demanded — as, for instance, when Miss Twig of the Tailoring burned herself badly with a hot iron* (Cr., Cit. 265).

2. *His cold motor needed cranking — welcome exercise to one cold and stiff from inactivity* (Wil., Sea, 513).

3. *She would wake as though out of hypnosis with her hair in wild disorder and her face hot and sweating, with almost no memory of what had been happening* (Wouk, Morn, 189).

4. *All the time drinking a white wine, cold, light, and good at thirty centimos the bottle* (Hem., Bell., 84).

Если прилагательное выполняет функцию предикативного члена, позитивное указание на вариант *hot/cold A* исходит от существительного — подлежащего: *The fire was out now, and the cellar was cold but dry* (Aldr., Hunter, 59); *But Marjorie's heart began slaming and her face became hot* (Wouk, Morn., 141).

Семантическая связь прилагательного и существительного опирается на прямую синтаксическую, предикативную связь. Контексты варианта *hot/cold A* при атрибутивной и предикативной функциях прилагательного являются лексическими контекстами первой степени.¹⁰ Функция подлежащего может быть выполнена личным или относительным местоимением: *Drink your coffee while it's hot* (Rob., Love, 4); *From my chair beside the fireplace, which was again black and cold, I could see the fair light of the lamp on the desk* (Nab., Life). В приведенных выше примерах синтаксическая связь между прилагательным и существительным, несущими позитивное указание, не прямая, а опосредованная, через репрезентирующее местоимение: *I reached for her hand. It was cold* (Rob., Love, 19). В подобных случаях существительное-индикатор находится в предшествующей предикативной единице.¹¹

Прилагательное и существительное, находящиеся в семантической контекстуальной связи, могут оказаться разделенными точкой. В таких случаях приходилось учитывать окружение

нескольких предикативных единиц и выходить за пределы формальных границ предложения (от точки до точки). Наш материал подтверждает мнение о том, что пунктуация между предикативными единицами с сочинительной связью произвольна — запятая, точка с запятой, точка:¹² *She put her hand on mine; it was dry and hot* (Br., Room., 136). В таких случаях семантическая связь прилагательного и существительного основана не на прямой, а на опосредованной синтаксической связи, поскольку прямую синтаксическую, предикативную связь мы обнаруживаем не с существительным, а с местоимением, выступающим в качестве его представителя. Семантическое указание может исходить от таких существительных, которые относятся, с одной стороны, к лексико-грамматическому разряду неодушевленных, с другой — к семантическому подклассу существительных, обозначающих предметы и вещества, способные иметь температурную характеристику.

Прилагательные *hot/cold* в варианте А употребляются и в функции объектно-предикативного члена. Существительное-индикатор выступает в функции дополнения: *Take off your coat, my dear. If keep this room too hot, I know — confounded draft from the window on my neck all the time* (Wouk Morn., 135).

Если позиция дополнения замещена репрезентирующим местоимением, позитивное указание находится за пределами данной предикативной единицы: "Finish your soup", he said. "There's many folk 'ud be glad of that and you're letting it grow cold" (Br., Room., 228). Как показал материал, во всех случаях расположения прилагательного и существительного в разных предикативных единицах лексико-семантический вариант прилагательного реализуется в лексическом контексте второй степени.¹³

Прилагательные *hot/cold* в варианте Б служат для температурной характеристики окружающей среды. Индикатором этого варианта являются неодушевленные существительные, относящиеся к семантическому подклассу явлений природы. Прилагательные *hot/cold* этого варианта могут употребляться в синтаксических функциях определения и предикативного члена. Лексико-семантический вариант Б в синтаксическом контексте глагольно-объектного словосочетания не зарегистрирован:

1. We 're a couple of days off the Banks on a stiff breeze, and we should be getting it, or cold fog (Set., Woman, 184);
2. It was that kind of a crazy afternoon, terrifically cold, and no sun out on anything, and you felt like you were disappearing every time you crossed a road (Sal., Rye, 9);
3. One wonders what that persevering traveller, Mungo Park, would have seen on a battlefield in hot weather to restore his confidence (Hem., Mac., 134).

Если вариант Б реализуется на основе предикативной связи, прилагательное выполняет функцию предикативного члена при трех возможностях выражения подлежащего: существи-

тельным, личным или относительным местоимением, безличным местоимением *it*. Например:

1. With the approach of Christmas the weather turned colder-crisp frosty days and still, starry nights (Cr., Cit., 183); 2. She was stopping at Pimienta crossing for her health, which was very good, and for the climate, which was forty per cent hotter than Palestine (Hen., St., 26); 3. It was very cold and he could not find a taxi (Nab., Life., 64).

В тех случаях, когда личное *it* представляет существительное, относящееся к подклассу явлений природы, контексты с личным *it*, так же как контексты с безличным *it*, реализуют вариант Б:

The sky was grey but the weather was too cold, and it was getting colder during the day (Aldr., Hunter, 184); The sun still shone from a clear sky, but there was a breeze, and it wasn't too hot (Mar., Ride, 80).

Грамматическая характеристика местоимения *it* оказываеться релевантным признаком контекста для разграничения вариантов А и Б, если местоимение *it* представляет существительное, обозначающее предмет или вещество. Тогда контекст будет сигнализировать о лексико-семантическом варианте А. Иногда наличие существительного не является достаточным указанием лексико-семантического варианта А: *Though the servants had strewn a thick mat of rushes over the floor, it was very cold* (Set., Woman 211). В этом примере не исключена трактовка местоимения *it* как личного местоимения, представляющего существительное *floor*. Позитивное указание о грамматической природе *it*, а следовательно, и о лексико-семантическом варианте прилагательного находится иногда за пределами предложения: *Her heart began to burn to be indoors. She clung to the door-handle. Now it was cold; she would take a chill* (Law., Sons, 36). В этом примере возможность актуализации варианта А для прилагательного *cold* (т. е. значения температурной характеристики предмета — *door-handle*) элиминируется общим содержанием высказывания, особенно в последующей предикативной единице. В подавляющем большинстве случаев позитивное указание на безличный характер местоимения исходит от обстоятельства или от других предикативов: *It was cold and windy, but clear, and the sunshine was almost blinding* (Wouk, Morn., 272); *It was dark and rather cold in the shed* (Law., Sons, 187). Релевантным признаком разграничения вариантов А и Б является семантическая характеристика существительного-индикатора: для варианта А — подкласс материальных объектов; для варианта Б — подкласс явлений природы.

Переходим теперь к рассмотрению контекстных условий реализации варианта *hot/cold* В. Прилагательные *hot/cold* в варианте В употребляются для температурной характеристики

физического состояния живых существ. Реализация этого варианта зарегистрирована при следующих синтаксических функциях антонимичных прилагательных: постпозитивного определения и предикативного члена при двух возможностях выражения подлежащего. Если прилагательные *hot* и *cold* выполняют функцию препозитивного определения или объектно-предикативного члена, контексты реализуют варианты А и Б. Указанные синтаксические функции прилагательных для варианта В не характерны: *It is a strange population God has in his kingdom, frightened, cold, starving* (Gr., Am., 61). В функции предикативного члена прилагательные *hot* и *cold* в варианте В могут быть в прямой синтаксической связи как с одушевленным существительным, так и с соответствующим личным местоимением: *Pilon shuddered and felt cold, although the night was warm* (St., Flat, 91); *Riding in the open car, we were very hot and we stopped to eat our lunch out of the sun* (Hem., Mac., 154).

Если подлежащим при предикативном члене *hot/cold* в варианте В выступает относительное местоимение, тогда существительное-индикатор находится вне данной предикативной единицы: *As a man who is cold and wet* (Hem., Bell, 197). Типовыми контекстами варианта В являются: I. *a girl, cold/hot*; II. *the girl is cold/hot*; III. *the girl ... who is cold/hot*. Релевантным признаком контекстов для ограничения варианта В от вариантов А и Б является категория одушевленности. Следует заметить, что сочетания 1. *a girl, cold/hot*; 2. *the girl is hot/cold*; 3. *the girl ... who is hot/cold* представляют собой искусственное усечение окружения прилагательных, проведенное в целях выявления того контекстного признака, по которому проходит ограничение варианта В от вариантов А и Б. В реальных условиях функционирования прилагательных *hot* и *cold* актуализация варианта В осуществляется не только по линии ограничения от других вариантов прямого значения, но и по линии ограничения от переносных значений. Позитивное указание на вариант, исключающее возможность какого-либо переносного значения, находится за пределами указанных сочетаний.

В целях уточнения контекстов варианта В сочетания 1, 2, 3 следует довести до такой минимальной последовательности необходимых членов, которая обеспечит однозначность прилагательного.

Анализ контекстных условий реализации *переносных* значений прилагательных *hot* и *cold* является предметом специального исследования. В данной статье нам необходимо привлечь только такой минимальный контекст, в пределах которого можно выявить релевантный признак ограничения прямого значения от переносных. Сравним следующие предложения:

1. And she was colder and wetter than she had ever been (Eng. St., 376) и 2. Sometimes she praised his work; sometimes she was critical and cold (Law., Sons., 323).

Как мы видим, позитивное указание исходит от прилагательного, выполняющего синтаксическую функцию, аналогичную функции интересующего нас прилагательного *cold*. В качестве релевантного признака контекста выступает лексическое значение, передаваемое другим предикативом. Для актуализации варианта В второй предикатив должен быть выражен качественным прилагательным, лексическое значение которого служит для характеристики физического состояния. Контекст *she was colder and wetter* является минимальной последовательностью необходимых членов, реализующей лексико-семантический вариант В. Контекст *she was critical and cold* реализует одно из переносных значений прилагательного *cold*. В свете данного противопоставления типовые контексты варианта *cold* В можно представить следующими сочетаниями: 1) *a girl, cold and wet*; 2) *the girl is cold and wet*; 3) *the girl ... who is cold and wet*. Сопоставление контекстов трех лексико-семантических вариантов прилагательных *hot* и *cold* показывает, что минимальной последовательностью необходимых членов, в которой реализуется тот или другой вариант *hot/cold*, является атрибутивное словосочетание, где определяемое занимает первую позицию. Релевантные признаки контекста в пределах атрибутивного словосочетания распределяются по трем вариантам прилагательных *hot* и *cold* следующим образом:

1. Вариант А определяют: а) лексико-грамматическая характеристика существительного и б) принадлежность существительного к семантическому подклассу материальных объектов.

2. Вариант Б определяют: а) лексико-грамматическая характеристика существительного и б) принадлежность существительного к семантическому подклассу явлений природы.

3. Вариант В определяет категория одушевленности существительного.

На примере модели атрибутивного словосочетания представим описание типового контекста каждого варианта в терминах грамматических классов и семантических подклассов слов. Учет релевантных признаков отражается в соответствующих символах.

Контекстные формулы лексико-семантических вариантов А, Б и В имеют вид: *hot/cold* А — $N_{in.}$, mat. ob., А; *hot/cold* Б — $N_{in.}$, nat. phen. А; *hot/cold* В — $N_{an.}$ А, где $N_{in.}$ — Noun inanimate, mat. ob. — material objects, А — Adjective, nat. phen. — natural phenomena. Контекстная формула $N_{an.}$ А достаточна лишь в пределах прямого значения прилагательных *hot* и *cold*. Для ограничения варианта В от переносных значений необходимо увеличить число необходимых членов — $N_{an.} A_1$ and A_2 и уточ-

нить семантическую характеристику $A_2 - A_2 \text{ phys. st.}$, где $A_2 \text{ phys. st.} - \text{the 2nd adjective of physical state.}$

Выводы

1. Качественные прилагательные *hot* и *cold* в прямом значении («первичной функции»¹⁴) имеют три варианта (А, Б и В). Функция температурной характеристики (ФТХ), лежащая в основе прямого значения прилагательных *hot* и *cold*, распределяется по вариантам А, Б, В следующим образом:

hot/cold А — ФТХ материальных объектов;
hot/cold Б — ФТХ явлений природы;
hot/cold В — ФТХ физического состояния живых существ.

2. Типовым контекстом прямого значения с минимальным количеством необходимых членов является атрибутивное словосочетание модели N, A .

3. Разграничение лексико-семантических вариантов в контекстах модели N, A проходит по следующим признакам определяемого существительного:

а) категория одушевленности — отмежевание варианта В от остальных вариантов прямого значения;

б) семантическая характеристика существительного — разграничение вариантов А и Б.

4. Контекстная формула $N_{an.} A$ (вариант В) является примером относительности минимальных границ окружения. В контекстах модели $N_{an.} A$ могут реализоваться и переносные значения.

5. Сравнение контекстов модели $N_{an.} A$ показало, что релевантным признаком отграничения переносных значений от варианта В оказывается семантическая характеристика прилагательного, выполняющего ту же синтаксическую функцию, что и ядро *hot/cold*.

6. Контекстная формула варианта В в плане противопоставления прямого значения переносному получает необходимое уточнение — $N_{an.} A$ and $A \text{ phys. st.}$

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 41, 156—157.

² Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 49—50.

³ Там же, стр. 28.

⁴ В. Н. Комиссаров. Проблема определения антонима. ВЯ, № 2, 1957, стр. 56.

⁵ Л. Т. Корнеева. Глаголы-антонимы в современном немецком языке. Уч. зап. I МГПИИЯ, т. 35, 1966, стр. 124.

⁶ Н. А. Шехтман. Сочетаемость слов-антонимов. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, № 261, 1965, стр. 137.

- 7 Н. Н. Амосова. О синтаксическом контексте. Лексикограф. сб., вып. V. М., 1962, стр. 36.
- 8 Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 49.
- 9 Г. В. Колшанский. О природе контекста, ВЯ, № 4, 1959, стр. 47.
- 10 Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 40.
- 11 Л. Л. Иофик. О типах предикативных единиц в английском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 301, 1961, стр. 92—104.
- 12 Л. Л. Иофик. Об основах английской пунктуации в связи с проблемой сложносочиненного предложения. ВЯ, 1961, № 4, стр. 99—104.
- 13 Определение контекста второй степени см.: Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 40.
- 14 Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. ВЯ, № 3, 1955, стр. 73.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Aldr., Hunter — J. Aldridge. The Hunter. Moscow, 1958.
- Br., Room — J. Brain. Room at the Top. Moscow, 1961.
- Cr., Cit. — A. Cronin. The Citadel. Moscow, 1957.
- Engl. St. — Modern English Short Stories. London, 1963.
- Gr., Am. — Graham Greene. The Quiet American. Moscow, 1963.
- Hem., Bell — E. Hemingway. For whom the Bell tolls. Penguin Books, 1966.
- Hem., Mac. — E. Hemingway. The Short Happy Life of Francis Macomber. Moscow, 1963.
- Hen., St. — O. Henry. Short Stories. Moscow, 1956.
- Law., Sons — D. Lawrence. Sons and Lovers. Hodder — Stoughton, 1966.
- Mar., Ride — J. Marry. Gideon's Ride. Moscow, 1963.
- Mur., Bell — J. Murdoch. The Bell. Penguin Books, 1964.
- Nab., Life — V. Nabokov. The Real Life of Sebastian Knight. New York, 1964.
- Rob., Love — H. Robins. Where Love has gone. New York, 1963.
- Sal., Rye — J. Salinger. The Catcher in the Rye. Moscow, 1968.
- Set., Woman — A. Seton. The Winthrop Woman [Б. м.], 1964.
- St., Flat — J. Steinbeck. Tortilla Flat. New York, 1964.
- Wil., Sea — M. Williams. From Mediterranean to the Yellow Sea by Motor. New York, 1932.
- Wouk, Morn. — H. Wouk. Marjorie Morning star. [Б. м.], 1964.

Summary

Distributional similarity of antonyms supplies the necessary data to reveal certain typical contexts of coordinated meanings. The environments of the adjectives *hot* and *cold* are analysed. The minimum environment eliminating the semantic ambiguity of the word is treated as its context (after N. N. Amosova).

The direct meaning ("primary function" — J. Kurylowicz) of the adjectives *hot* and *cold* is presented as comprising three semantic variants.

The syntactic, morphological and lexical characteristics that are specific for the given variant are considered to be the relevant features of the context.

These characteristics are included in the contextual formulae of the variant.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

H. H. Амосова

Рассматривая условия реализации лексического значения слова в речи, мы выделяем единицу контекста, в пределах которого происходит эта реализация. Единицей контекста является соединение семантически реализуемого слова с указательным минимумом. Избыточные элементы данной словесной цепи, т. е. такие ее элементы, которые не несут на себе никакого контекстуального указания, из единицы контекста естественно исключаются. Например, в словесной цепи *The hand of the old clock was moving too slowly* указательным словом для существительного *hand* служит существительное *clock*, и потому единицей контекста относительно существительного *hand* является *hand of ... clock*. Слова, необходимые для конкретного смысла высказывания и для построения высказывания, оказываются излишними с контекстуальной точки зрения. Таким образом, единица контекста может не совпадать с реально представленным в данном речевом акте непосредственным синтаксическим словосочетанием или предложением.

Различаются лексический и синтаксический контексты. В лексическом контексте указательную функцию выполняет лексическое значение слов, так или иначе связанных с семантически реализуемым словом, в синтаксическом контексте — сами синтаксические особенности конструкции, в которую входит семантически реализуемое слово. При этом необходимо иметь в виду, что единица лексического контекста не есть простое соположение вырванных из речевой цепи контекстуально соотносимых элементов. Хотя выделение единицы лексического контекста есть результат известного анализа, тем не менее она представляет собой совершенно реальную величину, реальное звено речевого целого, основанное на определенном соотнесении элементов контекста, их взаимной ориентации друг на друга, поэтому не только единица синтаксического контекста, но и единица лексического контекста есть единица конструктивная, а не абстрактная. Не может она быть и формально линейной. Такой она может быть признана только условно, только в ограниченном числе случаев и только в целях строго формализованного программирования механического поиска требуемого значения семантически реализуемого слова. Поэтому приписывание роли указательного минимума слову справа или слову слева от семантически реализованного слова или двум словам¹ слева либо справа, либо с обеих сторон от него есть операция, столь упрощающая многообразие и многогранность контекстуального взаимодействия слов, что она не может ни по своей

технике, ни по своим принципам соответствовать механизму живого понимания речи. Эта механическая операция исключает определение контекстуально соотнесенных элементов, если они удалены друг от друга, т. е. выбор линии соотнесенности элементов контекста на основе синтаксических отношений между ними при их пространственной разобщенности, не говоря уже об учете внеречевой ситуации или апперцепции, выходящей за пределы речевого момента.

Между тем для живого человеческого понимания речи, т. е. для восприятия ее во всей смысловой конкретности, а зачастую и скрытой значимости, великую роль играют именно эти, не поддающиеся механизированному, автоматическому опознаванию семантические факторы. Это не значит, что они не познаются. Напротив, в них должно и можно найти определенную типологическую систему. Но эта система не сводима к линейному распределению определяющих и зависимых семантических элементов. Даже если смысловое указание содержится в самой речевой цепи и даже в той самой предикативной единице, которая включает в себя данное семантически реализуемое слово, существенным условием для реализации значения этого последнего является установление контекстуальной связи между данными элементами единицы контекста, хотя бы и удаленными друг от друга. Контекстуальный анализ и призван изучать те условия, которые делают возможным это реальное связывание одного элемента контекста с другим.

Итак, если бы нужно было выделить единицу контекста относительно существительного *hand* в приведенном выше английском речевом отрывке (*The hand of the old clock was moving too slowly*), то ее нельзя было бы представить в виде аморфного перечисления слов (*hand, clock*). Она должна была бы принять форму словосочетания *hand of (the) clock*.

Допуская известную меру обобщения, можно утверждать, что существительное *clock* включается в указательный набор к слову *hand* в значении 'стрелка, указатель'. Но в реальной речи оба эти слова могут встретиться друг с другом и не иметь при этом между собой никакой контекстуальной связи. Например:

He touched the *clock* with his *hand*. The *clock* under his *hand* felt cold and smooth. He stood with one *hand* on the album, and the other on the *clock*, and the *hand* on the *clock* was trembling a little.

Во всех этих случаях слово *clock* вовсе не выявляет в слове *hand* значение стрелок. Почему? В первых двух предложениях налицо притяжательное местоимение *his*, снимающее отнесенность *hand* и *clock*. В третьем вводящая речевая ситуация устраняет возможность реализации значения стрелки в слове *hand*. Если же мы вернемся к предложению *The hand of the old clock was moving too slowly*, то увидим, что здесь между

словами *hand* и *clock* действительно существует контекстуальная связь. И она зависит вовсе не от линейной пространственной близости обоих слов и даже не от наличия прямой синтаксической связи между ними, и даже не от типа этой связи, а от конкретного ее значения в данном случае. Конкретное же ее значение выражено в том предлоге, который соединяет определительным отношением слова *hand* и *clock*.

Таким образом, оказывается, что единицу лексического контекста составляют здесь не только слова *hand* и *clock*, но и необходимость включения в нее предлога *of*. Следовательно, определяя единицу контекста как соединение семантически реализуемого и указательного слов, мы определяем ее упрощенно. В действительности, не менее важным элементом единицы контекста является и сама связь, сама отнесенность данного указательного слова к данному семантически реализуемому слову, точнее говоря, некое материальное средство, эту отнесенность выраждающее. Таким материальным средством могут быть и примыкание (при препозитивном именном определении, прямом дополнении к глаголу и т. п.), и морфологические показатели (например, *-s*), и служебные слова — предлоги, союзы и глаголы-связки. В тех случаях, когда средством связи между элементами контекста служит предлог, союз или глагол-связка, в единице контекста появляется еще один член, еще одно отдельное материальное звено, действующее как конструктивный элемент контекста. Что этот элемент не указательный, а конструктивный, явствует как из сопоставления ряда сочетаний одних и тех же знаменательных компонентов посредством разных служебных элементов, так и из последовательного расчленения единицы контекста. Ср., например: *body or legs*, *body and legs* (*body* 'туловище'); *a glass of wine*, *a glass with some wine* (*glass* 'стакан'); *the dog is blind*, *the dog grew blind* (*blind* 'слепой') и т. п.

Расчленяя все эти единицы контекста на элементы, легко убеждаемся в том, что указание идет от одного знаменательного компонента к другому, тогда как союз, предлог или глагол-связка сами по себе никакого семантического указания не осуществляют, они только связывают данное ключевое слово с данным семантически реализуемым словом прямой синтаксической связью, организуя единицу контекста I степени.³

Действительно, указательным минимумом является не *or legs* (или *and legs*), не *of wine* (или *with wine*), не *is blind* (или *grew blind*), а лишь соответствующие знаменательные компоненты. Это видно из того, что подмена служебного элемента при сохранении того же знаменательного элемента не снижает указательной силы этого последнего (ср.: *or legs — and legs, is blind — or blind*). Между тем сохранение того же служебного слова при изменении знаменательного ключевого слова, выходящего за пределы указательного набора к данно-

му значению семантически реализуемого слова, не в состоянии сохранить это его значение. Ср., например: *body and soul*, *body and heart* (*body* 'плоть, тело'), а *glass with a broken hand* (*glass* 'измерительный прибор'), *the ditches were blind* (*blind* 'крытый'). Наконец, структурное преобразование сочетания может вообще устраниТЬ дополнительный конструктивный элемент и его исчезновение не отразится на контекстуальных отношениях знаменательных компонентов единицы контекста. Ср.: *a glass of wine* — *a wine glass*; *the ditches were blind* — *the blind ditches*.

Итак, в единице контекста, кроме основных ее элементов, может присутствовать и дополнительный конструктивный элемент, обеспечивающий непосредственную взаимосвязь между семантически реализуемым и указательным словами.

Основной и наиболее очевидной контекстуальной функцией служебных слов и является конструктивное объединение элементов единицы лексического контекста I степени, именно контекста I степени, ибо в контексте II степени конструктивными элементами выступают знаменательные слова.

Однако далеко не всегда эта чисто конструктивная функция служебных элементов оказывается достаточно самоочевидной; более того, нередко можно столкнуться со случаями, когда функцию эту действительно нельзя признать только и исключительно конструктивной.

Возьмем, например, уже рассматривавшееся выше сочетание *hand of (the) old clock*. Указание, идущее от слова *clock* к слову *hand*, осуществляется с достаточной определенностью только посредством предлога *of*. Любой другой предлог, сохраняя определятельное отношение между членами словосочетания, может не препятствовать реализации иного значения существительного *hand*. Ср.: *The hand on the clock was trembling a little; that hand with the fork looked formidable*. Но предложная группа может не составлять определяющего словосочетания с существительным *hand*, хотя и находиться в пределах одного с ним предложения. Например: *The man with dark hands was speaking of the clock over the front gate of the mill being a little bit slow*.

Отсюда напрашивается тот вывод, что если контекстуальная связь между *hand* и *clock* выражается с помощью конструктивного элемента и именно посредством предлога, то предлог этот может быть достаточным конструктивным показателем при двух условиях; во-первых, если он осуществляет непосредственное определятельное отношение между словами *hand* и *clock* и, во-вторых, если это — предлог, наиболее обобщенно передающий посессивное значение определяющей связи. Таким является предлог *of*.

Можно подумать, что указательным элементом в этих условиях является не существительное *clock*, а предложная

группа of (the) clock, ибо предлог of нужен здесь во всей своей конкретности. Однако это не так. Мы только что видели, что группа of the clock вне определительной связи с существительным hand не имеет контекстуального влияния на это последнее. К этому следует добавить, что преобразование постпозитивного предложного определения в препозитивное беспредложное не разрушает контекстуальной связи между определяемым и определяющим словами. Ср.: (a) hand of (the) clock = (a) clock hand. Значит, нужна не предложная группа of (the) clock как таковая, и тем более не предлог of сам по себе, а определительная связь между hand и clock, осуществляемая предлогом of. Это доказывает, что предлог of несет прежде всего и в первую очередь именно конструктивную нагрузку, и степень его необходимости зависит именно от его способности выражать определительное отношение в наиболее обобщенном его значении посессивности. Здесь налицо — лексический контекст в чистом виде.

Однако в иных случаях конструктивная функция предлога осложняется и функцией указательной. Ср., например: the charge against the Company 'обвинение против Компании', the charge for the accommodation 'плата за помещение'. Предлог как будто непосредственно и самостоятельно участвует в контекстуальном указании относительно слова charge и в пределах данного сочетания является активным, а не просто конструктивным фактором реализации данного значения слова charge.

Однако нельзя игнорировать и тот факт, что значение 'обвинение' реализуется в существительном charge при указательных словах, обозначающих лицо, коллектив или социальный орган. При этом указательное слово должно находиться в определительном отношении к слову charge или в любом другом синтаксическом отношении к нему, способном быть трансформом определительного (ср., например: A charge was preferred against him). Поэтому здесь налицо сложный лексический контекст. Предлог входит в указательный минимум как его максимально конкретизированный элемент, тогда как другой, знаменательный его член подвержен вариациям в пределах определенных типовых значений.

Значение же 'плата, оплата, стоимость' появляется в слове charge в присутствии предложной группы при условии, что формальным элементом, вводящим эту группу, служит предлог for. Субстантивный же ее член может принадлежать к весьма разнообразным семантическим сферам. Таким образом, здесь указательная функция предлога оказывается более самостоятельной и не делится между предлогом и вводимым им существительным, которое поэтому становится, собственно говоря, контекстуально нейтральным по крайней мере с точки зрения его лексического значения. Тем самым субстантивный член предложной группы принимает на себя чисто конструктивную

функцию, восполняя собой структуру предложного определительного словосочетания. Вследствие этого опорными членами единицы контекста здесь являются существительное *charge* как семантически реализуемый элемент, предлог *for* как указательный элемент, а вводимое им существительное как конструктивный элемент, оправдывающий употребление предлога. Здесь, следовательно, налицо лексико-синтаксический контекст, в котором роль лексического указательного минимума выполняет предлог, а синтаксическое указание идет от связи предлога с обоими субстантивными членами определительного словосочетания.

Подобную же контекстуальную функцию предлога можно встретить и в сочетаниях типа «прилагательное + предлог + существительное».⁴ Например: *secure against something* 'гарантированный от чего-либо', *secure about something* 'уверенный в чем-либо' и т. п.

Сочетание семантически реализуемого слова с таким указательным предлогом может показаться единицей постоянного контекста (имеющей состав, например, *charge for*, *secure about* и т. п.). Однако это было бы ложным заключением. Дело в том, что то же значение семантически реализуемого слова способно возникать и в других контекстуальных условиях. Ср.: *To say a charge against somebody, something to somebody's charge* 'Высказать обвинение по адресу кого-либо', *secure against the danger* — *a secure place*, *I have got him secure*; *a charge against Jenkins* — *this charge is groundless* и т. п. Следовательно, о постоянном контексте здесь не может быть и речи. Это — переменный контекст, отличающийся от множества других контекстных комбинаций особой функцией служебного слова. Любопытно отметить, что предлог способен семантически воздействовать не на вводимый им компонент словосочетания, а на его стержневой член.

Но могут встретиться и такие случаи, когда данное значение семантически реализуемого слова актуализируется только в определенной конструкции с участием предлога. Например, значение 'склонный к чему-либо' реализуется в прилагательном *prone* только в конструкции *prone to something*. Ср.: *prone to anger, tears, laughter, meditation* и т. п. Сдвиг синтаксической позиции прилагательного, снимающий конструктивную необходимость предлога, исключает данное его значение. Ср.: *a prone figure* 'лежащая ничком фигура', *a prone blade* 'наклонная лопасть' и т. п. Или, например, в сочетаниях типа *prone to the outer side of the fence* 'наклоненный к внешней стороне изгороди'; *prone to the wall* 'склонившийся к стене' прилагательное *prone* выражает физический признак положения, несмотря на тождество конструкции и наличие того же предлога *to*. Дело меняет характер вводимого предлогом знаменательного компонента сочетания, который должен иметь типовое значение ка-

чества, действия или состояния и выражается либо абстрактным существительным, либо герундием, либо инфинитивом. Например: *prone to anger*, *prone to argument*, *prone to prompt action*, (*to be*) *prone to think* и т. п. Следовательно, контекстуальное указание сконцентрировано в знаменательном компоненте, но отнесенность его к семантически реализуемому прилагательному оформляется только посредством предлога *to*. Таким образом, между прилагательным *prone* и предлогом *to* заметна тесная связь; возникает соблазн трактовать ее как связь фразеологическую, т. е. как признак постоянного контекста *prone to*. Однако эта трактовка не основательна. Действительно, если *prone to* — единица постоянного контекста, то она должна быть определена в своем отношении к двум основным разновидностям этого последнего. Иначе говоря, она должна обнаружить себя либо как фразема, либо как идиома. Под фраземой понимается соединение семантически реализуемого слова с единственным возможным указательным словом; под идиомой — устойчивое сочетание с целостным значением, в котором семантически реализуемый и указательный элементы совпадают со всем составом сочетания.

Определение *prone to* как фразема отпадает, поскольку один и тот же 'указательный элемент вызывает в одном и том же семантически реализуемом элементе различные значения, зависящие от переменного именного члена сочетания — значения 'склонный (к)' и 'наклоненный (к)'. Нельзя ли рассматривать *prone to* как особую структурную разновидность одновершинных фразеологических единиц, т. е. единиц, состоящих из служебного и знаменательного компонентов (типа *by heart*, *for good*)?

Здесь мы становимся лицом к лицу с серьезной проблемой фразеологической теории, которую можно сформулировать так: может ли существовать одновершинная фразеологическая единица с порядком следования компонентов, противоположных обычному (т. е. не «служебное слово + знаменательный компонент», а, наоборот, «знаменательный компонент + служебное слово»)?

Если признать существование такой структурной разновидности одновершинных фразеологических единиц возможным, то сочетание *prone to* отличалось бы от типа *by heart* просто лишь местоположением знаменательного и служебного компонентов. Нужно было бы при таком решении только отделить *prone to* в значении 'наклоненный (к)' от *prone to* в значении 'склонный (к)', ибо в первом значении это сочетание легко обнаруживает свой переменный характер благодаря сохранению этого значения и при трансформации синтаксической структуры (ср.: *a prone blade* и т. п.). При втором же значении никакая трансформация невозможна.

Однако при более внимательном рассмотрении оказывается,

что *prone to* и в своем втором, переносном, значении не может стать в один ряд с «одновершинными» идиомами.

В одновершинных идиомах начальный служебный компонент фактически теряет свою связующую функцию, включается в состав сочетания, не участвует в оформлении типовой конструкции с каким-либо переменным членом; одновершинная идиома является и конструктивно, и семантически самоисчерпывающейся, законченной, а нередко и самодостаточной, и служебный компонент в ней сохраняет лишь свою мотивационную, а не актуальную значимость (ср. *by heart* 'наизусть', *with a vengeance* 'с лихвой', *by the card* 'точно' и т. п.). В одновершинных фразеологических единицах семантическое перерождение происходит с компонентом, вводимым предлогом, но в конечном счете, при закреплении фразеологической единицы, захватывает всю предложную группу, создавая в ней общее целостное значение.

Что касается сочетаний типа *prone to*, то в них нет этих черт, характерных для одновершинных единиц. Предлог *to* сохраняет функцию средства связи между первым и вторым знаменательными членами; легко выводима конструктивная формула «*prone + to + отвлеченное существительное (герундий) и инфинитив*», в соответствии с которой возможно построение неограниченного количества сочетаний; семантической законченности тип *prone to* не имеет, и предлог *to* активен не только в мотивационном, но и в реально-синтаксическом отношении. Поэтому сочетания типа *prone to* существенно отличаются от единицы постоянного контекста типа идиомы. Они отвечают признакам типовой стилистико-грамматической конструкции,⁵ в которой стержневой член претерпевает сдвиг значения, выявленный главным образом из характера знаменательного члена предложной группы. Контекстуальная функция предлога сводится здесь к участию в создании опорной части типовой конструкции низшей ступени абстракции.

Интерес для контекстологического анализа представляют общеизвестные случаи употребления глаголов с так называемыми закрепленными предлогами. В некоторых из этих случаев «закрепленность» предлога является абсолютной, так как присоединение предложного дополнения к данному глаголу возможно с помощью всегда только одного определенного предлога. В других случаях эта «закрепленность» носит относительный характер, поскольку предлог, вводящий дополнение к данному глаголу, может варьироваться, но его подмена отражается на лексическом значении глагола.

Представителем этого, второго, ряда случаев может служить, например, глагол *to look*. При обучении английскому языку так обычно и говорится: глагол *to look* с предлогом *at* значит 'смотреть (на)', с предлогом *for* — 'искать', с предло-

том after — 'присматривать (за), заботиться (о)', с предлогом on (upon) — 'считать, почитать (за)'.

Наличие предложной группы как таковой, безотносительно конкретности предлога и субстантивного члена, служит синтаксическим указателем, элиминирующим связочное значение глагола to look 'выглядеть, казаться'. Самый факт наличия предложной группы не может быть позитивным же показателем того или иного лексического (не связочного) значения этого глагола. Позитивное указание здесь дает как будто сам предлог. Контекстуальное воздействие самого предлога на глагол представляется несомненным и легко доказуемым. Доказательства тут как будто прямо-таки бросаются в глаза.

Во-первых, знаменательный член предложной группы может варьироваться сколько угодно, но если при этом предлог, его вводящий, остается одним и тем же, значение глагола не изменяется. Ср., например:

I'm awfully good at looking after people. The fool of a dog must look after himself. Ah, you are the young woman come to look after my birds? He remembered the holidays they used to have, with a little farm girl to look after the babies. A man to look after the mechanism; she was tired of looking after Granma.

Здесь везде глагол look значит 'присматривать (за), иметь на своем попечении'. Но стоит подменить предлог при том же самом субстантивном члене — и глагол семантически меняется:

How it was that Aunt Sadie could have chosen her to look after the children. She went to the garden to look for the children. She looked upon the children as a blessing.

Во-вторых, доказательством самостоятельного влияния предлога на глагол представляется и сохранение предлога в «безобъектных» конструкциях. Например:

They were far happier and better looked after before. From the earliest times the Welsh have been looked upon as an unclean people. She likes being much looked at.

Синтаксическая сущность «безобъектного» употребления предлогов в определенных конструкциях, как известно, по-разному истолковывается грамматистами: то как доказательство существования «косвенно-переходных» глаголов, то как основание для того, чтобы подобное устойчивое сочетание определенного глагола с определенным предлогом считать «составным» глаголом или чтобы относить предлог вообще к сфере глагола, а не к сфере существительного.⁶ Вопрос этот — один из сложных в английском синтаксисе и, разумеется, не может быть решен в ходе исследования, обращенного в иную плоскость проблематики. Впрочем для целей контекстологического анализа синтаксико-теоретическое осмысление описанного явления, собственно говоря, и не существенно. Для этих целей можно удовлетвориться тем эмпирическим наблюдением, которое обычно предлагается в описательных грамматиках англий-

ского языка. Наблюдение это в общем сводится к следующему: сохранение «безобъектного» предлога при глаголе в пассивной форме служит указанием на то, что подлежащее в пассивной конструкции способно трансформироваться в предложное дополнение соответствующей параллельной активной конструкции. Продолжая прослеживать трансформационные параллели, можно добавить, что и в инфинитивном определительном обороте употребление приглагольного предлога также указывает на единственную возможную синтаксическую позицию зависимого именного члена по отношению к глаголу при преобразовании определительной или обстоятельственной конструкции в объектную. Ср.:

She had two children to look after — She had to look after two children; She was looked upon by the majority of the population as an extravagant old lady — The majority of the population looked upon her as an extravagant old lady.

Такое крепкое сцепление предлога и глагола наводит на мысль, что эта их связь имеет фразеологический характер, ибо особый семантический результат возникает именно из соединения данного глагола с данным предлогом, притом в различных синтаксических конструкциях. Проверим характер этой связи.

Прежде всего оказывается, что прикрепленность предлога к глаголу характерна и для тех случаев, когда предлог безусловно не выполняет указательной контекстуальной функции. Так, существует целый ряд непереходных глаголов, предложное дополнение к которым вводится всегда одним и тем же предлогом. Таковы, скажем: *to approve (of), to depend (on, upon), to dispose (of), to insist (on, upon), to long (for), to refer (to), to rely (on, upon)* и т. д. Тот же самый предлог сопровождает такой глагол в любом из их значений, если он многозначен. Например, *to refer (to)* 'приписывать (чему, кому-либо)', 'относить (к)', 'отсылать', 'направлять (чаще всего за справкой, за сведениями)', 'наводить справку, справляться', 'относиться, иметь отношение', 'упоминать'. Эти разнообразные значения реализуются в различных смешанных лексико-синтаксических контекстах. Некоторые из них требуют двухобъектной конструкции,⁷ другие — наличия только одного, предложного дополнения, но в любом случае указательную функцию выполняет именно лексическая конкретность сочетаемых существительных или сама синтаксическая конструкция, в которую они входят. За предлогом же остается чисто конструктивная роль. Ср.: *An asterisk refers to the footnote* 'Звездочка отсылает к подстрочному примечанию'. *His words referred to me only.* 'Его слова относились только ко мне'. *Mike was referred to the official at the left desk* 'Майкла направили к чиновнику, сидевшему за столом налево'. *Your blue devils must be referred to indigestion.* 'Вашу хандру следует приписать несварению "желудка".

Такие непереходные глаголы также тяготеют к сохранению предлога в «безобъектных» конструкциях. Например:

This is not the situation to refer to here. 'Об этой ситуации здесь упоминать неуместно'. Father was referred to as an irreccable judge in these matters. 'Об отце отзывались как о непогрешимом судье в этих делах'. She might have helped him, if she too had not had a family to provide for. The law must be complied with. 'Она могла бы ему помочь, если бы у нее тоже не было семьи, о которой надо позаботиться. Закон должен быть выполнен'.

Нетрудно видеть, что «безобъектное» употребление предлога имеет только конструктивную функцию в этом ряду случаев. Этот вывод подтверждается и тем, что подобная же его функция проявляется и в конструкциях с глаголами, способными функционировать в речи с тем же значением и без предложного дополнения. Например:

Even in slums such things were not spoken about by children of my age. Was there nothing else you could think of? What are you looking at? We can't be dictated to. 'Даже в трущобах дети моего возраста не говорили о таких вещах. Вы ничего не можете вспомнить? На что вы смотрите? Нам нельзя диктовать'.

Вернемся, однако, к случаям «относительной» закрепленности предлогов. Они отличаются тем, что предлог явственно несет на себе не только конструктивную, но и указательную функцию. Недаром же подмена его семантически отражается на глаголе. Но сохранение его в «безобъектных» условиях никак нельзя приписать только его необходимости как лексического указательного элемента контекста. И в этих условиях он выполняет обе функции — и конструктивную и указательную.

Возникает соблазн трактовать сочетания одного глагола с разными «относительно-закрепленными» предлогами как ряд фразем, в которых один и тот же семантически реализуемый глагол меняет свое значение под воздействием единственного возможного для данного семантического эффекта указательного слова, т. е. предлога. Однако и тут, как в случаях типа *a charge for something*, такое решение оказывается опрометчивым.

Прежде всего нельзя не учитывать тот факт, что некоторые глаголы этого типа могут обходиться не только без предложной группы, но и без предлога. Например:

Forgive me for having made you wait so long. Wait a minute. He is waiting his opportunity. I am only waiting the signal (wait 'ждать, ожидать, выжидать'). And who is going to wait if each of us wishes to figure as damned aristocrats over our collation. Are you accustomed to waiting at ceremonious meals? (wait 'прислуживать').

Насколько мог показать обследованный материал, беспред-

ложное употребление иногда сохраняет в глаголе только одно определенное значение, свойственное ему в присутствии какого-то одного определенного предлога. Например, глагол *to look* без сопровождения предлога или предложной группы имеет значение 'смотреть' (разумеется, здесь не имеется в виду позиция глагола перед беспредложным членом-предикативом, превращающая этот глагол в связку). Ср.: *Just stand still and look! If you wish to know, go and look yourself!*

Подчас при абсолютивном употреблении глагола сквозь одно его значение просвечивает другое, что создает возможность двойного его толкования. Например, у Диккенса в «Николасе Никльби».

It is extraordinary how long a man may look among the crowd without discovering the face of a friend... Mr. Nickleby looked and looked till his eyes became sore as his heart, but no friend appeared.

В первом случае *to look* употреблено с обстоятельством места и потому может подразумевать значение и 'смотреть', и 'искать, высматривать'. Но во втором случае метафорическое распространение усиливает и подчеркивает именно первое из этих значений.

Любопытно, что абсолютно употребленный глагол, для которого характерна связь с рядом «относительно-закрепленных» предлогов, может не нуждаться ни в каком ситуационном вводе для того, чтобы проявить то или иное из своих значений. Глагол может обнаружить даже такое значение, которое не совпадает со значением, реализованным в этом же самом глаголе, в предшествующем речевом отрезке, сопровождавшимся предложной группой. Например:

Bethia entered the room, with a hope in her face, that she was breaking in upon something calling for privacy; "A lady has called, Miss Nance, and the mistress would like you all to go to the drawing-room" (C.-B., House, p. 29).

Следовательно, проследив поведение глаголов с «относительно-закрепленными» предлогами в разных условиях речи, можно утверждать, что предлоги не являются единственно-возможным и необходимым контекстуальным элементом для реализации разных значений этих глаголов. Поэтому приходим к выводу, что соединение глагола даже с «относительно-закрепленным» предлогом вовсе не составляет единицы постоянного (т. е. фразеологического) контекста.

Однако собственная самостоятельная указательная функция предлога там, где при глаголе есть предлог или предложная группа, кажется самоочевидной. Поэтому «относительно-закрепленный» предлог выглядит как член переменного набора указательных слов, раскрывающих данное значение глагола. Возможно, что в некоторых случаях дело обстоит именно так. Однако если это и так, то далеко не всегда. Об этом свидетель-

ствуют признаки контекстуальной недостаточности «относительно-закрепленного» предлога.

Сравним, например, два отрывка:

1. The beaver mates and builds a lodge and looks after the female and the young. 2. He went through the garden and across the fields. She remained a minute or two looking after him instead of getting on with her morning chores.

Сопоставляя эти отрывки, убеждаемся в том, что сочетание *look after* не может быть выделено как единица переменного контекста, ибо сам предлог оказывается контекстуально недостаточным: в одном случае это соединение дает в глаголе значение 'заботиться (о)', в другом — 'глядеть вслед'. Очевидно, какие-то другие контекстуальные силы приходят тут на помощь. Лексическая конкретность вводимого предлогом именного члена тут явно нейтральна в контекстуальном отношении. Различие между данными отрывками заключено в характере синтаксического отношения между глаголом и постпозитивной предложной группой. Если признать, что в отрывке (1) это отношение объектное, в отрывке (2) обстоятельственное, то приходим к выводу, что в указательный минимум входит не один только предлог, но и синтаксическая структура словосочетания. Значение глагола не является чистым синтаксически связанным, ибо известную долю контекстуального воздействия на глагол — в первом случае это особенно ясно — несет и сам предлог. Следовательно, в этих случаях мы имеем дело не с одной единицей переменного контекста *look after*, а с двумя разными единицами смешанного лексико-синтаксического контекста: 1) «*look+предлог+after+объектный член*» и 2) «*look+предлог after+обстоятельственный член*».

Каков механизм выявления синтаксической функции предложной группы? Это вопрос другой, которым мы здесь заниматься не будем. Он увел бы нас далеко в сторону от непосредственного предмета обсуждения, т. е. от вопроса о контекстуальных функциях предлога. Коротко говоря, указательным минимумом для выявления синтаксического отношения между членами речевого отрывка служит цепь контекстуальных указаний, идущих от лексических значений некоторых из слов, этот отрывок составляющих.

Если же отказаться от традиционного противопоставления предложного дополнения и предложной обстоятельственной группы (противопоставление это, действительно, сплошь и рядом имеет схоластический характер), то контекстуальное указание, идущее от комбинации лексических значений слов, составляющих предложение, или ситуативная предустановка приобретают еще больший вес.

Для реализации разных значений одного и того же глагола при совпадающем предлоге решающее контекстуальное ука-

зание может идти также либо от определенных конструктивных условий, либо от типового лексического значения послеглагольного члена.

Влияние конструктивных условий можно видеть, скажем, на примере сочетания «*to look* + предлог *on*». Глагол реализует значение 'считать (за)' в присутствии предлога *on* (и *он*) обычно только при последующем члене, вводимом союзом *as*. Например: *He looks upon me as a coward*. Поэтому в следующем отрывке глагол *to look* не проявляет значения 'считать (за)', несмотря на то что за ним следует предлог *on*, заменивший здесь более обычный предлог *at*:

He was lying in the scuppers, holding on to a nose that bled, while Troop looked down on him serenely (R. K., *Captains*, p. 24).

Влияние типового лексического значения послеглагольного члена яствует, например, из сопоставления следующих двух отрывков: 1. *He looked for a stone which he might use as a missiles*. 2. *He looked for a minute in bewilderment, then laughed*.

В обоих случаях налицо смешанный лексико-синтаксический контекст.

Из всех обсуждавшихся здесь наблюдений вытекают некоторые существенные контекстологические выводы.

В условиях переменного контекста служебные слова могут иметь две основные контекстуальные функции: либо конструктивную, либо указательную. Эти функции не равнозначны. Конструктивная функция является ведущей, ибо она, во-первых, способна проявляться в чистом виде, во-вторых, характерна для всех служебных слов без исключения; в-третьих, ее никогда не может полностью вытеснить другая контекстуальная функция служебного слова, т. е. функция указательная. Указательная же функция служебных слов отличается от конструктивной некоторыми особенностями: во-первых, тем, что никогда не проявляется в чистом виде, ибо теснейшим образом переплетается с функцией конструктивной, обычно бывая в большей или меньшей степени несамодостаточной. Она зависит либо от лексической конкретности вводимого служебным словом члена, либо от синтаксической конструкции, в которой она используется; во-вторых, тем, что свойственна не всем служебным словам, а только некоторым, точнее только предлогам и, следовательно, не имеет характера всеобщности.

Поэтому служебные слова могут действовать либо как чисто конструктивный элемент как синтаксического, так и лексического контекста (это относится к союзам, связкам и в определенных условиях к предлогам), либо как конструктивно-указательный элемент смешанного контекста (им могут быть только предлоги). В типовых конструкциях (например, *to go to market, church, school; to cry, weep, lull, sing oneself into*

sleep и т. п.) предлог выполняет чисто конструктивную роль, хотя и является закрепленным, т. е. входит конкретным элементом в модель данной конструкции.

Характерно, что в тех случаях, когда предлог обладает указательной силой, его контекстуальное воздействие направляется не на зависимый, а на ведущий член словосочетания.

Нужно иметь в виду, что рассмотренные выше контекстуальные функции служебных слов определялись относительно лексического значения семантически реализуемого слова. Однако действие контекстуальных указаний распространяется, разумеется, не только на лексические значения слов. Не меньшую важность имеет контекст и для реализации категориального значения грамматических омонимов, грамматического значения омографов и т. д. И с этой точки зрения служебные слова могут служить указательными элементами контекста, однако и тут они обычно не самодостаточны и включаются в более сложный, комбинированный указательный минимум.

Дело кажется очень простым и ясным: если, скажем, существительное и прилагательное совпадают в своих словарных или каких-либо других формах, то наличие перед таким словом артикля должно сигнализировать о субстантивном его качестве, отсутствие же артикля — о том, что в данном случае перед нами прилагательное. И поэтому легко и просто объявить артикль необходимым указательным элементом (позитивным или негативным) для реализации категориального значения грамматических омонимов. Между тем дело обстоит тут сложнее.

В слове объединяются категориальное, лексическое и грамматическое значения. Артикль, действительно, способен выявить категориальное значение слова, имеющего грамматические омонимы, при условии, что один из этих омонимов вообще соединим с артиклем. Но артикль нуждается для этого в поддержке со стороны, т. е. он сам по себе здесь недостаточен. Он просто входит в комбинированный указательный минимум, состоящий из параллельных синтаксических или морфологических показателей.

Например, возьмем речевой отрывок: *A capital is the head city of a country.* Здесь указательный минимум для слова *capital* не сводится к одному артиклю *a*. Наличие артикля перед словом *capital* определяет его категориальное значение как существительного только при условии, что за этим словом не следует другое существительное или соответствующее ему слово-заместитель, ибо в таком случае артикль относился бы к этому второму (или последнему в ряду) существительному (ср.: *that was a capital joke*). Следовательно, сам по себе артикль является недостаточным показателем категориального значения слова *capital* и нуждается в поддержке со стороны другого, параллельно действующего показателя, в данном случае негативного. Полный указательный минимум для этого

слова в приведенном выше отрывке состоит из элементов: «a + + (отсутствие последующего существительного) + is + (a) city». Здесь артикль *a* и негативный показатель сигнализируют о категориальном значении слова *capital*, глагол-связка несет конструктивную функцию, связывая семантически реализуемый элемент с указателем конкретного лексического значения этого многозначного существительного, т. е. с существительным *city*. Глагол-связка может показаться носителем двойной функций: и конструктивной, о которой только что было сказано, и указательной, поскольку он якобы поддерживает реализацию категориального значения существительного *capital*. Но это неверно. Ср.: *In 1836 he moved to the capital*. Здесь никакой связки вообще нет, а тем не менее категориальное значение этого существительного проявлено достаточно ясно. Глагол-связка здесь, правда, поддерживает грамматическое значение единственного числа в существительном (*a capital is...*), но эта поддержка, во-первых, здесь избыточна, ибо это значение имеет морфологическое выражение, а во-вторых, это значение не категориальное.

В иных случаях взаимодействующим с артиклем позитивным указателем категориального значения слова (в условиях грамматической омонимии) может показаться предлог (точнее предложная группа). Например: *This is the capital of England*. Но это тоже неточно. Во-первых, отсечение предложной группы не изменило бы категориального значения существительного, оно только коснулось бы его лексического значения, лишив необходимого контекстуального уточнителя (ср.: *This is the capital*). Во-вторых, предложная группа вообще оказывается нейтральной в тех случаях, когда не только существительное, но и омонимичное ему прилагательное могут получать тождественное распространение. Ср.: *This formative is an equivalent to inflexion — This formative is equivalent to inflexion*.

Таким образом, ни артикли, ни предлоги не способны, по-видимому, действовать как достаточные контекстуальные показатели.

Примерно то же положение наблюдается и при грамматической омонимии глагола и существительного. Ср.: *He rose from the ground — A rose from her garden*. В первом случае позитивный указатель — местоимение личное в именительном падеже и в непосредственной препозиции к слову *rose*; во втором — контекстуальное указание идет от артикля и негативного указателя. Ср. также: *What did you charge for it? What is the charge for it?*

Глаголы-связки обычно несамостоятельны как средство разграничения омонимичного глагола и существительного, ибо нуждаются в помощи со стороны словопорядка, морфологического согласования и других контекстуальных факторов. Ср.: *Change is necessary — To change is necessary — Changes are*

necessary. Но они могут быть и вообще контекстуально нейтральными в этом отношении. Ср.: *That was original—That was the original.*

Что же касается союзов, то они, насколько позволяет судить обследованный материал, неспособны указывать на категориальное или иное грамматическое значение семантически реализуемого слова. Ср.: *Change and distraction, that's what you need.* То, что *change* здесь существительное, а не глагол, является как из его синтаксической функции, так и из сочинительного объединения его со вторым субстантивным элементом, и роль союза здесь является часто конструктивной. Ср.: *One must always change and develop.*

Эти краткие заметки, разумеется, не могут показать все виды и варианты контекстуального воздействия служебных слов на лексическое и грамматическое значения семантически реализуемого слова. Думается, однако, что основные линии контекстологического анализа здесь намечены в общем.

Анализ контекстуальных функций служебных слов имеет первостепенное значение для определения границ и состава единицы контекста относительно определенного семантически реализуемого слова. Такое контекстологическое исследование есть по сути дела изучение функционирования слова в речи, т. е. фактически наблюдение над реальной жизнью слова, ибо слово живет только в речи и только для речи.

Все, о чем говорилось выше, относится к единицам переменного контекста, т. е. к так называемым свободным сочетаниям слов. Обращаясь же к постоянному контексту, т. е. к фразеологическим единицам, мы вступаем в особую область языка, обладающую своими специфическими чертами и закономерностями. Поэтому и контекстуальные функции служебных слов не могут быть в постоянном контексте точно такими же, как и в контексте переменном.

В свое время роль служебных элементов в составе фразеологических единиц была в общих чертах обсуждена нами в ходе анализа структуры этих последних.⁸ Здесь нет смысла повторяться. Однако после более подробного рассмотрения функций служебных слов в переменном контексте можно и должно дать более точное функциональное определение их как компонентов фразеологических единиц.

Прежде всего самый состав служебных слов, могущих входить в единицу контекста, несколько шире в постоянном, нежели в переменном контексте. Так, не только предлоги, артикли и глаголы-связки, но и союзы могут быть необходимым, (и притом строго фиксированным) компонентом единицы постоянного контекста. Например: *to stand or fall; rack and rail; mad as a hatter.*

Строгая фиксированность служебных слов в пределах фразеологической единицы превращает их в компоненты этой единиц.

ницы наряду со знаменательными ее членами. Просмотр довольно значительного количества фразеологических единиц под этим углом зрения убеждает в том, что как во фраземах, так и в идиомах служебные слова несут исключительно конструктивную функцию. Во фраземах они соединяют указательный элемент с семантически реализуемым (например, *the letter of the law, the labour of Sisyphus*). В идиомах же, где нет противопоставленности обоих опорных элементов контекста, а есть их тождество, равное всему составу идиомы, фиксированные служебные слова являются составной частью материальной формы идиомы, и подмена их либо вообще исключена, либо допускается в строго ограниченных пределах. Поэтому в идиомах служебные слова не несут никакого контекстуального указания относительно какого-либо отдельного знаменательного члена сочетания. Вместе со всеми остальными компонентами идиомы они участвуют в создании ее традиционной формы и целостного значения. Поэтому своей собственной указательной функции, отличной от контекстуальной нагрузки других компонентов идиомы, служебное слово не имеет. Если она и различима в отдельных случаях, то сведена в настоящем состоянии идиомы к этимологическому мотивационному участию в формировании идиомы. Поэтому и в идиомах роль служебных слов не может не быть по существу чисто конструктивной. Правда, она не тождественна их конструктивной роли ни во фраземах, ни в единицах переменного контекста именно в силу того обстоятельства, что в идиомах нет расчленения противопоставляемых друг другу элементов контекста. Поэтому служебные слова в идиоме не осуществляют объединение элементов контекста, а просто входят в формальную основу идиомы на положении компонента, функционально почти равного всем прочим ее составляющим. Некоторое их неравенство с этими последними связано просто с их материальными особенностями: их преимущественной односложностью и неударенным положением в составе идиомы. Эти чисто материальные особенности и являются причиной того, что внешний облик любой идиомы больше зависит от фиксированных в ее составе знаменательных компонентов, нежели от служебных слов. Именно поэтому допускаемая в ограниченных традицией пределах подмена служебных слов не разрушает тождества идиомы, а лишь создает ее структурные варианты.

Закономерно возникает еще один вопрос: может ли служебное слово само по себе выступать на положении семантически реализуемого элемента контекста? Если да, то это значило бы, что служебное слово способно выполнять еще одну контекстуальную функцию, помимо указательной и конструктивной. Ведь семантически реализуемое слово — тоже элемент единицы контекста и, следовательно, тоже имеет определенную контекстуальную функцию.

Вопрос этот весьма сложен, и в рамках небольшой статьи ни решения его, ни сколько-нибудь развернутого его обсуждения осуществить невозможно. Сложность этого вопроса связана с целым рядом неясностей общей проблемы сущности служебных слов, и в частности (и особенностя) характера их собственного значения. Несомненно, однако, тесная зависимость функции и содержания передаваемых служебным словом грамматических значений и синтаксических отношений от конкретных типов обслуживаемых этими служебными словами знаменательных членов речевой цепи. Поэтому, принципиально говоря, служебные слова могут рассматриваться и как семантически реализуемые элементы единицы контекста. Но этот аспект проблемы их контекстуальных функций требовал бы особого поворота исследования, проводимого притом на весьма обширном материале, и предполагал бы прежде всего аналитическое углубление в проблему служебных слов в ее общелингвистическом разрезе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: A. Kaplan. An Experimental Study of Ambiguity and Context. Mechanical Translation, 1955, vol. 2, No 2.

² Здесь, и далее примеры, не снабженные точным указанием на источник, представляют собой сокращенную в интересах компактности редакцию реальных отрывков, взятых из английской художественной литературы XX в.

³ О степенях контекста см.: Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 39—40.

⁴ См.: Ц. С. Горелик. Адъективные словосочетания типа «прилагательное+предлог+существительное (местоимение)» в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

⁵ См.: Н. Н. Амосова. О некоторых типовых конструкциях в английском языке. Вестник ЛГУ, № 8, сер. ист., яз. и лит., вып. 2, 1961..

⁶ См.: E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English, pt. II, vol. 3, p. 11; M. Deutschbein. System der neuenglischen Syntax. Leipzig, 1926, S. 107. Апр. 2; G. O. Curme. A Grammar of the English Language, vol. III, p. 99; L. P. Vinogradova. Difficulties of English for Russians. M., 1948, p. 22; Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 204—205; В. Н. Жигадло. О переходности и неперходности в современном английском языке. Уч. зап. ЛГУ, № 180, сер. филолог. наук, вып. 21, 1955.

⁷ См.: Л. А. Умева. Трехчленные сочетания глаголов с закрепленными предлогами в современном английском языке. В сб.: Исследования по английской филологии, вып. 2. Изд. ЛГУ, 1961.

⁸ См.: Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Изд. ЛГУ, 1963, гл. III, § 2, B.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

C.-B.—J. Compton-Burnett. The House and its Head. Published in Penguin Book, 1958.
R. K., Captains—R. Kipling. Captains Courageous. Tauch. Leipzig, 1897.

Summary

The paper is mainly concerned with the contextual functions of prepositions and articles in the variable context. The types of fixed and relatively fixed prepositions are discussed. It is argued

that in the variable context form words have two main functions — a) constructive and b) indicating. The former function is more essential, since 1) it may occur in the absolute use, 2) it is typical of all the form words, 3) it can never be fully superceded by its indicating function. The indicating function is typical of prepositions only, is always dependent on its constructive function and either on the lexical meaning of the member it introduces, or on the nature of the syntactic construction. Neither articles, nor prepositions are self-sufficient as contextual indicators. In the fixed context, i. e. in idioms form words have no contextual function whatsoever.

К ВОПРОСУ О ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРЕДЛОГОВ

(на материале шведского языка)¹

С. С. Маслова-Лашанская

Многие предлоги, как известно, способны передавать самые различные отношения объективной действительности — и локальные, и темпоральные, и логические. Примерами таких предлогов в шведском языке являются *efter*, *från*, *för*, *om*, *på*, *till* и др. Совокупность однородных отношений, выражаемых предлогами, может быть названа семантическим планом, и можно выделить по крайней мере три таких семантических плана: локальный, темпоральный и логический.²

Анализ предлогов, передающих временные отношения, т. е. составляющих группу предлогов темпорального плана, должен выявить не только особенности того или иного предлога, но и своеобразие предложной системы темпорального плана в целом.

По своему составу шведские предлоги темпорального плана мало отличаются от предлогов локального плана: и локальные, и временные отношения передаются предлогами *av*, *efter*, *frampå*, *framåt*, *från*, *för*, *före*, *genom*, *i*, *inför*, *inom*, *intill*, *kring*, *mellan*, *mitti*, *mittpå*, *mittunder*, *mot*, *nära*, *om*, *på*, *till*, *under*, *vid*, *över*. Предлоги с темпоральным значением, не выражющие локальных значений, немногочисленны. Это *innan*, *med*, *per*, *sedan*; *från och med*, *till och med*, *för ... sedan*.

Темпоральные значения предлогов обнаруживаются в сочетании с существительными, которые в прямом или переносном смысле называют время, его отдельные моменты или отрезки. Выделяются следующие группы предложных оборотов с временным значением:

А. Сочетания предлогов со словами чисто темпорального

значения (например *tid* 'время'), с существительными и наречиями, обозначающими отрезки времени, а также с числительными, которые указывают час (при опущении слова *klocka*) или дату (при опущении названия месяца): *i vår tid* 'в наше время', *under stenåldern* 'в каменном веке', *från tre till sju* 'от трех до семи', *från och med den 15* 'начиная с 15-го числа'.

Б. Сочетания предлогов с существительными, имеющими опосредованно-tempоральное значение; это существительные, которые называют действия, процессы и явления, протекающие во времени, и могут поэтому служить и для обозначения соответствующих периодов: *Före avresan ville han taga farväg av sina anförgvänter* (Нж. В.). 'Перед отъездом он хотел попрощаться со своими родственниками' (отъезд = время, момент отъезда). *Dödad vid klättring i elledningsstolpe*. 'Убит в то время, когда он взвирался на столб электропроводки'.

В. Сочетания предлогов с конкретными существительными, метонимически обозначающими процессы или действия и отрезки времени, в течение которых осуществляются эти действия или процессы (т. е. также с существительными опосредованно-tempорального значения): *från vaggan och till graven* 'от колыбели и до могилы'; *Vid kaffet återgått ämnet av patron Långsäll* (Нж. В.). 'За кофе (=когда пили кофе) патрон Лонгсель снова завел разговор на эту тему'.

Семантический анализ предлогов показывает, что часто отчетливо прослеживается связь tempорального и локального значений, выражаемых тем или иным звукосочетанием, функционирующим как предлог.³ Так, звукосочетание *från* в локальном значении указывает на движение от какого-либо исходного пункта, а в tempоральном — отсчет времени от какой-либо исходной точки или границы. Звукосочетание *till*, напротив, говорит о направленности в пространстве или времени к определенному пределу. *Före* указывает на предшествие, *a efter* — на следование за кем-либо или чем-либо в пространстве или во времени, *mellan* — нахождение между пространственными или временными границами. Сравним: 1) *resa från en punkt* 'выехать из определенного пункта'; *resa till Stockholm* 'поехать в Стокгольм'; *Han saft mellan min hustru och mig* 'Он сидел между мной и моей женой' и 2) *från denna dag* 'с этого дня'; *vänta till kl. 4* 'ждать до 4 часов'; *mellan jul och nyår* 'между рождеством и Новым годом'. Всюду здесь мы встречаем один предлог, имеющий и локальное, и tempоральное значения, а не разные предлоги-омонимы.

С другой стороны, встречаются звукокомплексы, функционирующие как предлоги, у которых связи значений обнаружить не удается. Сравним: *Boken ligger under bordet* 'Книга лежит под столом' и *Under natten föll det mer snö* 'За ночь (=в течение ночи) выпало еще больше снегу'.

Under с локальным значением 'под' и under со значением 'в течение, во время' явно соотносятся между собой так, как соотносятся в языке омонимы. Здесь мы встречаемся в области предлогов с явлением, которое напоминает омонимию знаменательных слов, но вместе с тем и существенно от нее отличается. У предлогов различие передаваемых ими отношений перекрывается осознанием известного звукосочетания как одного служебного элемента. Кроме того, любое значение предлога может быть по существу уловлено только в предложном обороте. Учитывая все сказанное, единый звуковой комплекс, выражающий разнообразные значения, будем рассматривать как один предлог.

Вышеназванные under 'под' и under 'во время' не омонимы, а только нечто, напоминающее омонимы. Их можно назвать омонимоидами. Омонимоиды обнаруживаются не только в тех случаях, когда один предложный звукокомплекс выражает разнотипные отношения, например локальные и темпоральные. Омонимоиды можно встретить и при выражении каким-либо предлогом значений одного типа, например одних только темпоральных отношений. Ср.: *Vi har snö om vintern* 'У нас зимой снег' и *Jag kommer tillbaka om en månad* 'Я вернусь через месяц'. В обороте *om vintern* 'зимой, в течение зимы' предлог указывает на отнесенность того или иного явления к определенному периоду; в обороте *om en månad* 'через месяц' от служит для обозначения временного интервала, отделяющего будущее действие от момента речи. Семантическая связь обоих *ом* не ощутима, единственное общим является то, что оба омонимоида выражают временные отношения.

Можно сказать, что многозначные предлоги существуют в языке в виде набора, пучка семантических вариантов, одинаковых по звучанию, но передающих разные отношения. В речи многозначный предлог всегда воплощается в одном из этих вариантов. Степень семантических расхождений между предложными вариантами очень различна. Крайними границами служат тонкие нюансы значения, с одной стороны, и омонимоиды — с другой. Поясним примером понятие «набор предложных вариантов». Предлог *om* представляет собой набор следующих вариантов:

а) локального плана (L): 1) *om L₁* (со значением 'вокруг') — *en snara om halsen* 'петля вокруг шеи'; 2) *om L₂* (со значением 'мимо') — *när de hunnit om vägkröken* 'когда они миновали поворот' (= прошли мимо поворота); 3) *om L₃* ('по отношению к какому-либо месту') — *pågå om Stockholm* 'к северу от Стокгольма';

б) темпорального плана (T): 1) *om T₁* (со значением отнесенности к какому-либо периоду) — *Vi har snö om vintern* 'У нас зимой лежит снег'; 2) *om T₂* (со значением повторяемости в рамках известного периода) — *tre gånger om året* 'три раза в

год'; 3) от $T/3$ (со значением интервала, промежутка, на который отсрочено действие) — копта *tillbaka* от *en månad* 'вернуться через месяц';

в) логического плана (например, от *v berätta om ngt* 'рассказать о чем-либо'), который здесь разбираться не будет.

В дальнейшем предложные варианты будем обозначать сокращенно ПВ. Так как объектом исследования будут только ПВ темпорального плана, различные ПВ будут обозначаться только цифрами, т. е. вместо $om^{T/1}$, $om^{T/2}$, $om^{T/3}$ будет принято обозначение om_1 , om_2 , om_3 .

Обратимся к рассмотрению важнейших шведских темпоральных предлогов и темпоральных ПВ многозначных предлогов.

При определении значения, выражаемого предлогами, применялись: 1) метод подстановки синонимических предлогов,⁴ используемых при описании предложных значений шведскими толковыми словарями;⁵ 2) смысловой анализ контекстуальных отрезков, в которых встречается данный предлог; 3) характеристика значений шведских предлогов, содержащаяся в классическом труде Нурена *«Vårt språk»*.⁶ Некоторые положения уточнялись с информантом — старшим преподавателем ЛГУ А. Г. Густавееном, которому автор выражает свою благодарность.

Исходя из характера передачи временных отношений, предлоги и ПВ можно разделить на два основных класса:

I. Хронографические предлоги и ПВ указывают временные координаты какого-либо действия или явления. Так, во фразе *Vi måste vänta till kvällen* 'Мы должны подождать до вечера' предлог *till* говорит, что существительное *kväll* является границей, до которой должно продолжаться ожидание; во фразе же *På gamla dagar blev han blind* 'В старости он ослеп' предлог входит в оборот, называющий определенный период.

II. Хронометрические предлоги и ПВ служат для указания на определенную меру времени. Они образуют предложные обороты только с названиями отрезков времени, часто сопровождаемых числительными, например: *Han studerade i åtta år* 'Он учился восемь лет'.

I. ХРОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ И ПВ

Этот класс распадается в свою очередь на две группы:

- 1) терминальные предлоги и ПВ, указывающие на определенный временной предел, на соотношение с какой-либо временной границей (см. выше пример с *till*) и
- 2) эндопериодальные ПВ, указывающие на период, временной отрезок, в рамках которого что-то происходит, к которому относится какое-то явление (см. выше пример с *på*).

Данная группа распадается на три подгруппы:

а) Предлоги и ПВ исходного предела (аблативны е) указывают на исходную, отправную границу во времени и часто на течение времени от этой границы: *efter*, 'после, с'; *från* 'с, от'; *från och med* 'начиная с'; *sedan*, 'с, после'; *över*. ПВ *efter*, подчеркивает временнуу границу как нечто пройденное, оставшееся позади; начавшийся новый период не включает в себя границу, служащую для отсчета времени: *efter kriget* 'после войны'; *Han träffas efter klockan 6* 'Его можно застать после шести часов'. *Efter* можно назвать эксклюзивным предлогом в отличие от *från* — инклузивного предлога, включающего исходную границу в начавшийся 'период. Ср.: *Från den dagen föraktade hon honom* 'С этого дня (= начиная с этого дня) она его стала презирать'; *A. bodde i X från 1950 till 1965* 'А. жил в (городе) X с 1950 до 1965 года' (= в 1950 году уже жил там). Еще резче выражена инклузивность у предлога *från och med*: *Från och med 1 maj gäller* pu *tidtabell*. 'Начиная с первого мая действует новое расписание' (поездов и т. п.). ПВ *sedan*, также является инклузивным, но инклузивность у него выражена менее отчетливо: *Sedan min barndom hade jag icke återsett byn* 'С детства (включая частично и детские годы) я не видел этого села'. К инклузивным аблативным ПВ можно причислить и *av* в обороте *av gammalt (av gammalt har det ansetts, att...)* 'издавна считалось, что...'. Напротив, ПВ *över*, также входящий в эту подгруппу, является эксклюзивным: *Klockan är tio minuter över åtta* 'Сейчас десять минут девятого' (десять минут отделяют нас от границы, восьми часов).

б) ПВ конечного предела выражают соотношение с конечной временной границей.

Инклузивный ПВ конечного предела *till* 'до' и особенно составной предлог *till och med* 'до... включительно' и предлог *intill* 'вплоть до' указывают на достижение конечной временной границы: *Jag stannar här till slutet av månaden* 'Я останусь здесь до конца месяца' (буду здесь и в конце месяца); *Det regnade från morgon till kväll* 'Дождь шел с утра до вечера' (=вечером тоже); *till och med den 30 juni* 'до 30 июня включительно'.

Эксклюзивные ПВ конечного предела указывают на близость конечной временной границы. ПВ *före*, широко сочетающийся не только с обозначениями временных отрезков, но и с названиями действий или процессов, подчеркивает, что событие произойдет до наступления предела: *göga nåt före aftonen* 'сделать что-либо до (наступления) вечера'; *Han var i Vadköping två år före farmor Borcks död* (Hj. B.) 'Он был в Вадчепинге за два года до смерти тетушки Борк'. Реже упо-

требляется синонимичный предлог *innan*, например, в обороте *innan årets slut* 'до конца года'. ПВ *mot*, *framåt* и *vid₂* указывают на близость к временной границе: *Mot kvällen avtogs stormen* 'К вечеру (=под вечер) буря ослабела'; *Du kan ju komma hit framåt vårsidan* 'Ты ведь можешь приехать сюда поближе к весне'; *vid tolv tiden* 'около 12 часов'. Особый оттенок приблизительности передает ПВ (*om*)*kring*: *omkring den 10 maj* 'около 10 мая'. При обозначении часа употребляется эксклюзивный ПВ *i₂*: *Klockan fattas fem minuter i tolv* 'Сейчас без пяти минут двенадцать'.

в) В третьей подгруппе терминальных предлогов и ПВ мы находим ПВ двух пределов — *mellan*, передающий соотнесенность с двумя временными границами: *mellan sju och åtta på morgonen*, 'между семью и восемью часами утра'; *Käglek mellan krigen* (Муя Мартинсон) 'Любовь между войнами'.

Эндопериодальные ПВ

Эта группа хронографических ПВ распадается на несколько подгрупп.

а) ПВ общей временной отнесенности. В эту подгруппу входят *i₁* 'в, на'; *om₁* 'в'; *på₁* 'в'; *under₁* 'во время, в'; *vid₁* 'во время, при', а также *för₃* (в составе фразеологизмов).

Из ПВ этой подгруппы *om₁* и *för₃* образуют предложные обороты с некоторыми существительными чисто темпорального значения: *om₁* сочетается с названиями отдельных отрезков суток (*om dagen* 'днем', *om natten* 'ночью'), с названиями времен года (*om vintern* 'зимой', *om hösten* 'осенью') и дней недели (*om måndag* 'в понедельник') и т. д. Употребление ПВ *för₃* ограничено рамками небольшого числа предложных оборотов типа фразеологизмов: *nu för tiden* 'в настоящее время'; *då för tiden* 'тогда'; *Nu för ögonblicket har jag ingen att skicka* (Östergren)⁷ 'В данную минуту мне некого послать'; *för denna gång* 'на этот раз'.

В предложных оборотах с *på₁* встречаются (кроме существительных, сочетающихся также с *om₁*) еще сложные существительные с вторым компонентом *-talet*, существительное *tid*, а также названия действий с темпоральным значением. Примеры: *på söndagarna* 'по воскресеньям'; *Gården var byggd på 1700-talet* (Ant.) 'Усадьба была построена в восемнадцатом веке'; *Hennes far hade på sin tid ägt Sanna* (Hj. B.) 'Её отец в своё время владел (поместьем) Санна'; *På min resa träffade jag bara en täppniska* (P.) 'Во время путешествия я встретил только одного человека'.

Еще шире сочетаемость ПВ *i₁*: мы находим в составе предложных оборотов с *i₁* обозначения столетий, названия месяцев и нередко названия процессов и действий, т. е. существитель-

ные опосредованно-tempорального значения. Примеры: *i vårt sekel* 'в наш век'; *i förra århundradet* 'в прошлом столетии'; *i januari månad* 'в январе месяце'; *i dagningen* 'на рассвете'; *Och du kommer just nu i skördens* (Östergren)⁸ 'И ты являешься как раз сейчас — во время жатвы'.

Соединяясь с одним и тем же существительным, ПВ *om₁*, *i₁* и *på₁* нередко образуют устойчивые сочетания, передающие варианты определенного временного отношения.

om hösten, när träden gulnar
'осенью, когда желтеют деревья'

om morgonen
'утром (вообще)'

Solen lyser om dagen
'Солнце светит днем'

på hösten 1962
'осенью 1962 г.'

på morgonen den 30 april
'утром 30 апреля'
på den tredje dagen
'на третий день'

i höst
'этой осенью'
i morgon 'завтра'
i dag
'сегодня'

Как видно из примеров, предложные обороты с ПВ *i₁* особенно отличаются от других и по форме (отсутствие артикля), и по значению. Расхождение между ПВ *om₁* и *på₁* заключается в том, что *på* обычно выступает в тех случаях, когда временнное отношение как-либо уточнено, конкретизовано (не утром вообще, а утром определенного дня и т. п.). В то же время нередко наблюдается стирание различий между *om₁* и *på₁*, полная их синонимия: *Kom då på(om) måndag* 'Тогда приходи в понедельник'; *Solen lyser om (på) dagen* 'Солнце светит днем'.

Эндопериодальный ПВ общей отнесенности *under*, широко сочетается с разными существительными. При этом *under* может указывать и на то, что действие длится весь период, и на то, что оно происходит в какой-то момент, в определенный отрезок времени: *Så blev Östersjön under denna period en insjö* (IA) 'Так Балтийское море в этот период превратилось в озеро'; *Det hände under natten* 'Это произошло ночью' (= в течение ночи); *Under återfärden satt han tyst* 'На обратном пути он сидел молча'; *En gång under sommaren* 'Однажды летом'.

ПВ *vid*, обычно подчеркивает совпадение чего-либо с каким-то процессом или действием, происходящим в определенный отрезок времени, либо называет определенный временной момент: *Vid den tid då issmältningen och landhöjningen äppnade* i Sveriges norra delar ... (IA) 'В то время, когда в

северных районах Швеции еще происходило таяние льдов и поднятие суши'...; *gista sig vid tjugu års ålder* 'жениться в возрасте 20 лет'; *vid midnatt* 'в полночь'; *Dansösen hade vid sexton år redan gjort sig namn* (Н. В.) 'Танцовщица в 16 лет уже приобрела известность'. Когда ПВ *vid* указывает на какой-то момент, различие между ним и ПВ *i* нередко утрачивается, и они выступают как синонимы: *vid* (или *i*) *början av 1800-talet* 'в начале XIX века'; *Han är vid* (или *i*) *min ålder* 'Он одних лет со мной'.

Характерной особенностью рассматриваемых здесь ПВ общей временной отнесенности является их фразеологическая связь в рамках определенного словосочетания: Ср.: *i vår tid* 'в наше время', но *på sista tiden* 'в последнее время'; *i barndomen* 'в детстве', *i ungdomen* 'в юности', но *på ålderdomen*, *på gamla da(ga)g* 'в старости'; *vid unga åg* 'в молодые годы', хотя *i sina unga åg*. На роль традиционных связей при выборе предлогов указывает, в частности, В. Седершёльд: «Говорят *på vintern* и *på sommaren*, но *under den ljusa årstiden*».⁹

б) Эндопериодальными ПВ *genom*, *iom*, *över*. Последний встречается редко. Для всех этих ПВ характерна сочетаемость со словами чисто темпорального значения: *förbli sig lik genom åren* 'не изменяться на протяжении всех лет'; *Sveriges historia genom tiderna* (IA) 'история Швеции на протяжении веков'; *inom ett tidsavsnitt* 'в течение известного отрезка времени'; *stanna över natten* 'остаться переночевать' (=проводить всю ночь).

в) Дистрибутивные эндоперподальные ПВ *om* и *i* употребляются при указании на то, что в известный отрезок времени что-то происходит какое-то количество раз. При этом *om* устойчиво сочетается с *året* и *dagen*, а *i* с *veckan* и *månaden*: *Tre gånger om året* (или *om dagen*) 'три раза в год (в день)', но *tre gånger i veckan* (или *i månaden*) 'три раза в неделю (или в месяц)'.

г) ПВ *med* указывает на совпадение момента действия с чем-либо: *Han stiger upp med solen* 'Он встает с солнцем' (=когда встает солнце); *Tvåårsperioden utgår med innevarande år* 'Двухлетний период истекает в этом году'.

II. ХРОНОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОГИ И ПВ

Этот класс можно разделить на четыре группы: 1) ПВ *меры длительности действия*; 2) *интервальные* ПВ, указывающие на интервал, отрезок времени между моментом действия и определенной точкой отсчета времени; 3) ПВ *координированной* (соответствующей чему-либо) *временной мере*; 4) ПВ *счета повторяемости*.

ПВ меры длительности

В эту группу входят: ПВ i_4 , $inom_2$, $på_2$, $sedan_2$, $under_2$ — все со значением 'в течение, за, в, на протяжении' и ПВ $för_2$ 'на' ПВ $förg_2$, иногда $på_2$ называют меру длительности чего-либо в будущем по сравнению с моментом, от которого идет отсчет времени; ПВ $sedan_2$ всегда указывает на меру длительности действия, начавшегося в прошлом: *Det har pågått i många år* 'Это продолжалось много лет'; *Han har varit här i 8 dagar* 'Он провел здесь восемь дней'; *Det kan ni göra på några timmar* 'Это вы можете сделать за несколько часов'; *Det skall vara färdigt på en timme* 'Это будет сделано за час'; *Han kan ej komma äppna på 14 dagar* 'Он не может приехать еще в течение двух недель'; *Jag har inte varit i X på två år* 'Я не был в X в течение двух лет'; *Han var klar med arbetet inom två timmar* 'Он справился с работой за два часа'; *Under de senaste tio åren har man förbrukat lika mycket stenkol som under mänskosläktets historia dessförrianan (P)*. 'За последние десять лет сожжено столько же каменного угля, сколько за всю историю человечества до сих пор'; *magasinera livsmedel för års framåt* (IA) 'создавать запасы продовольствия на годы вперёд'; *resa bort på några dagar* 'уехать на несколько дней'; *Han har varit borta sedan en vecka* 'Его нет (и не было) в течение недели (истекшей)'.

Интервальные ПВ

Два ПВ этой группы $efter_2$ и om_3 называют интервал между точкой отсчета времени и последующим действием. При этом употребление om возможно только в том случае, если действие относится к будущему времени (по сравнению с точкой отсчета)¹⁰: *Efter en timme kom han tillbaka* 'Через час он вернулся'; *Kom igen om ett år* 'Приезжай через год'.

Предлог $för \dots sedan$ называет интервал между точкой отсчета времени и предшествующим действием или состоянием: *För några tiotusental år sedan låg Nordeuropa hölt av ett ...istäcke* (IA) 'Несколько тысяч лет тому назад северная Европа была покрыта льдом'.

ПВ координированной меры времени

К этой группе относятся reg и $för_1$; *Han får betalt tre kronor reg (или för) dag* 'Он получает три кроны в (или за) день' (мера времени координирована с оплатой).

ПВ счета повторяемости

Так можно назвать ПВ $för_4$ предложных оборотов типа $för första gången$ 'в первый раз'; $för sista gången$ 'в последний раз'.

Таблица 1
Хронографические ПВ и предлоги

Терминальные ПВ и предлоги			Эндопериодальные ПВ			
	исходного предела	конечного предела	двух пределов	общей отнесенности	полного охвата	дистрибутивные
Курсивные	från från och med sedan ₁ av	till intill till och med		under ₁	genom inom ₁ över ₂	
Инклюзивные						
Нейтральные	efter ₁ över ₁	före i ₂ innan vid ₂ (om)kring mot framåt	mellan	om ₁ i ₁ på ₁ vid ₁ för ₃	om ₂ i ₃	med
Эксклюзивные						

Таблица 2
Хронометрические ПВ и предлоги

Меры длительности	Интервальные	Координированной меры	Счета повторяемости
för ₂ på ₂ i ₄ under ₂ sedan ₂ inom ₂	efter ₂ för... sedan om ₃	för ₁ per	för ₄

Среди темпоральных предлогов и ПВ обнаруживается еще одно различие: один из них указывают на движение, течение времени, другие нейтральны — могут характеризовать время и в движении, и в статике. Представителем первого типа — курсивных предлогов и ПВ — может служить ПВ till, представителем нейтральных — ПВ på₁. Ср.: Han bodde där till år 1960 'Он жил там до 1960 года'; Han bodde där om vintern 'Он жил там зимой'; или Det regnade från morgon till kväll 'Дождь шел с утра до вечера' и Det regnade på kvällen 'Вечером шел дождь'.

Кроме рассмотренных выше темпоральных предлогов и ПВ (табл. 1 и 2), существует группа предлогов — сложных слов, которые представляют собой как бы эмфатические разновидности соответствующих простых предлогов. Одно и то же временные отношение может быть передано с помощью двух предложных разновидностей — «основной» либо эмфатической. Ср.: *från barndomen* 'с детства' и *alltifrån barndomen* 'с самого детства'; *på natten* 'ночью' и *frampå natten* 'среди ночи'; *på vagnagarna* 'в будни' и *mittpå en vanlig vardag* 'в самый что ни на есть будний день'.

Сопоставление системы предлогов и ПВ темпорального плана с системой локального плана обнаруживает существенные различия в характере обеих систем:

1) в предложной системе темпорального плана отсутствуют соответствия многочисленным средствам выражения оттенков пространственной координации предметов; многие предлоги, передающие различия в положении предметов относительно друг друга, вообще не имеют темпоральных ПВ, например *förf* 'мимо', *bakom* 'позади', *bredvid* 'рядом', *ovanför* 'над', *ur* 'из' и т. д.;

2) весьма различны характер и взаимоотношения предлогов, имеющих как локальные, так и темпоральные ПВ; так, локальные ПВ *i* 'в', *på* 'на', *under* 'под' принадлежат к разным группам и только в отдельных случаях встречается синонимия *i* и *på*; напротив, темпоральные ПВ тех же предлогов выражают одинаковые или близкие временные отношения и нередко оказываются полными синонимами;

3) в локальном плане существует антонимическая противопоставленность десяти пар ПВ (*från* ↔ *till*, *mot* ↔ *åt*, *framför* ↔ *bakom*, *före* ↔ *efter*, *av* ↔ *på*, *över* ↔ *under*, *ur* ↔ *i*, *ur* ↔ *inåt*, *utanför* ↔ *innanför*, *utom* ↔ *inom*); полярные предлоги передают прямо-противоположные значения. В темпоральном плане наблюдается антонимическая противопоставленность только трех пар терминальных предлогов и ПВ (*från* ↔ *till*, *efter* ↔ *före*, *från* och *med* ↔ *till* och *med*);

4) в числе темпоральных предлогов и ПВ есть большая группа, служащая для обозначения меры времени (хронометрические ПВ), не находящая себе соответствия среди локальных предлогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья С. С. Масловой-Лашанской, написанная не на английском материале, включена в сборник потому, что тематически она связана с помещенной выше статьей Н. Н. Амосовой, а предлагаемый в ней метод рассмотрения семантики предлогов представляет интерес и для англистов. — Отв. ред.

² О целесообразности выделения при анализе предлогов семантических планов см.: С. С. М а с л о в а - Л а ш а н с к а я. Семантические взаимоотношения локальных предлогов в шведском языке. Скандинавский сборник, т. XIV. Таллин, 1969, стр. 159 и сл.

3 Указанное обстоятельство дало А. Нуруну основание рассматривать локальные и темпоральные значения предлогов как варианты одного значения. — См.: A. Noreen. *Vårt språk*, bd. V. Lund, 1904, s. 190—207.

4 Ср. семантический анализ английских предлогов на основе подстановки (субституции) синонимов в работе: James H. White. *The Methodology of Semetic Analysis with Special Application to the English Prepositions. Mechanical Translation*, vol. 8, No 1, August, 1964. Об использовании субституции при изучении предложной синонимии см.: С. С. Маслова-Лашанская. Из наблюдений над предложной синонимией в шведском языке. Скандинавский сборник, т. IX. Таллин, 1964, стр. 21 и сл.

5 Имеются в виду словари: Olof Östergren. *Nusvensk ordbok*, bd. 1—9. Stockholm, 1919—1968; *Svensk handordbok under redaktion av Ture Johannesson och K. G. Ljunggren*. Stockholm, s. a.

6 См.: A. Noreen. *Vårt språk*, bd. V, s. 190—207.

7 Пример заимствован из словаря: Olof Östergren. *Nusvensk ordbok*, bd. 2, s. 713.

8 Там же, bd. 3, s. 620.

9 См.: V. Cederschiöld. *God och dålig svenska*. Tredje upplagan, Stockholm, 1934, s. 135.

10 Так характеризует значение интервального *om* V. Cederschiöld. — См. там же, стр. 137.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ant. — 50-tal. *En antologi. Sammanställd av B. Christoffersen och Svante Foerster*. Stockholm, 1964.

Hj. B. — *Hjalmar Bergman. Clownen Jac*. Stockholm, 1963.

IA — *Ingvar Andersson. Sveriges historia. 6:te uppl.* Stockholm, 1964.

P. — *Konstantin Paustovskij. Det svarta svalget (Kara-Bugaz)*. Översättning: Sven N. Storck. Stockholm [s. a.].

Summary

Each polysemantic preposition exists in the language as a specific set of semantic variants. In speech the polysemantic preposition is always realized as one of these variants. The degree of semantic divergences of the prepositional variants varies to a great extent: in some cases minute shades of meaning, and in others differences of a homonymic type are observed. An example of the latter is to be seen in the differences between Swedish prepositional variants *under₁* (*under bordet*) and *under₂* (*under vintern*). Variants of this kind can be called homonyms.

According to the character of their meaning the temporal prepositions and prepositional variants are divided into two main classes: 1) chronographical and 2) chronometrical. Within these classes further divisions are observed.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРЕДЛОГА

В. В. Бурлакова

Точное определение сущности лексического значения не только предлога, но и других слов, чья семантическая наполненность весьма ощутима, связано с большим количеством серьезных трудностей.

Не случайно поэтому проблема значения слова интересовала не только лингвистов, но и философов и привела к созданию целого ряда теорий, пытающихся пролить свет на этот столь важный и столь сложный вопрос.¹

Поскольку проблема значения была предметом многократных обсуждений, для целей данной статьи представляется достаточным избрать один из существующих подходов к решению рассматриваемого вопроса и в виде отправной точки рассуждения принять одну из существующих концепций.

При интерпретации знака представляется логичным различать, с одной стороны, обозначение некоторого нелингвистического объекта и с другой — «способ связи имени с объектом, способ указания на объект».² Однако вряд ли целесообразно вслед за Г. Фреге пользоваться термином «значение» для первого понятия и термином «смысл» для второго. Для русского языка это особенно неудобно, так как длительное употребление этих двух лексических единиц как синонимов вызовет добавочные трудности при анализе этого вопроса.

Поэтому как «значение», так и «смысл», применяются в данной работе недискриминированно и служат для обозначения понятийной отнесенности слова «в отвлечении ... от его предметной отнесенности, т. е. от конкретной направленности данного слова на данный единичный предмет номинации».³

Как отмечено в статье Е. Д. Смирновой и П. В. Таванца,⁴ обозначение (теория референции) и теория смысла (отношение знака к выражаемому им содержанию) составляют разделы логической семантики. Другими словами, эти обе теории посвящены исследованию двух сторон одного вопроса.

Не останавливаясь на тонкостях сути лексического значения и тех случаев, когда слово имеет лексическое значение, но не имеет референта в экстралингвистике, т. е. является логически пустым, удобно считать, что лексическое «значение слова ... можно определить ... посредством соотнесения с внеязыковыми объектами».⁵ Более того, представляется логичным принять, что к внеязыковым объектам следует относить не только реально существующие предметы, но и реально существующие отношения.

В современной отечественной лингвистике предлоги рассматриваются в основном как служебные слова. Однако в свя-

зи с неоднозначным толкованием этого класса слов, причисление предлогов к данной категории не приводит к единообразной лексико-семантической характеристике предлогов у различных исследователей.

Некоторые лингвисты полностью отрицают существование самостоятельного лексического значения у этого класса слов. По мнению М. И. Стеблин-Каменского,⁶ отсутствие лексического значения в предлоге одновременно классифицирует предлог как служебное слово; иначе, отнесение предлога к категории служебных слов автоматически определяет его лексическую опустошенность.

Косвенным доказательством этого М. И. Стеблин-Каменский считает отсутствие у предлога «двух различных по функции значений (основного и ему сопутствующего)»,⁷ наличие которых характеризует знаменательное слово.

С этим положением трудно не согласиться. Однако наличие основного и сопутствующего значений у знаменательных слов и отсутствие подобной комбинации значений у предлога свидетельствуют только о своеобразии проявления лексического содержания у служебных единиц.

Даже сторонники классификации предлогов как элементов, предназначенных для связи слов в сочетаниях, не отказывали им полностью в известном лексическом содержании. Еще Ф. Ф. Фортунатов хотя и считал, что предлоги «выражают в самостоятельных предметах мысли данные отношения их к другим предметам», тем не менее признавал, что предлоги «означают нечто ... в значениях полных слов как частей предложения».⁸

Д. Н. Овсянник-Куликовский, определяя предлог как частицу, «служащую для связывания дополнений и обстоятельств с другими частями предложения», вместе с тем не отрицал, что предлоги «имеют и свои лексические значения», которые несколько схожи со значением наречий места, хотя и гораздо бледнее.⁹

В. В. Виноградов также считал возможным признать наличие лексического значения у предлогов, одновременно подчерчивая, что это лексическое значение может быть выражено в различной степени.¹⁰

Е. В. Кротевич высказывается в более категорической форме и утверждает, что отказ от признания лексического значения у служебных слов равносителен их исключению из частей речи.¹¹

Отечественные исследователи английского языка тоже склонны к признанию некоторого лексического значения у предлогов. А. И. Смирницкий полагает, что все служебные слова характеризуются ослабленным собственно лексическим значением.¹² Не отрицают существования лексического значения у предлогов и авторы теоретического курса английской грам-

матики, однако с оговоркой, что лексическое значение предлогов подчинено его грамматическому значению.¹³

Исследуя предлоги на материале английского языка, Б. А. Ильиш приходит к более определенному выводу и показывает, что предлогу действительно присущее собственное лексическое значение.¹⁴

Действительно, следуя предложенному Б. А. Ильишом приему проверки наличия лексического значения у предлога, можно убедиться, что в сочетаниях *look at smthg*, *look after smthg*, *look into smthg*, *look through smthg*; *look to smthg* изменяется только предлог, но вследствие этой замены меняется и значение всего высказывания. Обычное выражение, что само значение предлога выявляется только из его окружения, сути дела не меняет, так как значение любого слова, имеющего хотя бы только два значения, «автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное», и существование однозначных слов не изменяет общей закономерности.¹⁵ «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте» и нельзя считать будто «существительное более значимо, чем предлог».¹⁶

Употребление предлогов в английском языке подтверждает приведенные высказывания и свидетельствует о том, что, кроме связующей функции, предлоги несут совершенно определенную семантическую нагрузку. Именно самостоятельное лексическое значение позволяет предлогам быть использованными в речевом потоке с односторонне направленной связью, т. е. унилateralно.

Так, Б. А. Ильиш¹⁷ при анализе рядом стоящих предлогов типа *from under* отметил, что первый из них служит для указания движения от того места, которое обозначено словесной группой с другим предлогом. Однако Б. А. Ильиш не уточняет направление связей этих контактирующих предлогов и их взаимосоотнесенности. Он подчеркивает, что подобное употребление предлогов нуждается в дальнейшем исследовании и допускает, что парное употребление предлогов может получить иную интерпретацию и квалифицироваться как предложное сочетание, эквивалентное одному предлогу.¹⁸

В отечественной лингвистике более широкое признание получила иная точка зрения, согласно которой парное функционирование предлогов расценивается как явление морфологического порядка и подобные биномы¹⁹ именуются составными предлогами.²⁰

Однако известно, что морфологизация словесных групп происходит только в тех случаях, когда наблюдается регулярно повторяющаяся закономерность, т. е. регулярное использование одних и тех же составляющих для передачи определенных грамматических значений.²¹ В свете сказанного идентифи-

кация сочетания типа *out of* как составного предлога не может вызвать возражений по причине регулярности использования этого бинома как предложного эквивалента.

Однако оценка *out of* как сочетания двух предлогов вряд ли может быть безоговорочно принята.

В британском варианте английского языка элемент *out* как самостоятельный в списке предлогов не числится, а упоминается только в сочетании с другими предлогами.²² Возможность употребления структуры типа *look out the window* в американском варианте английского языка²³ не меняет данного положения, так как не является нормой.

Таким образом, не возражая против причисления *out of* к составным предлогам, трудно согласиться с идентификацией элемента *out* как предлога современного английского языка.

Следует особо подчеркнуть, что список составных предлогов для современного английского языка часто бывает неоправданно расширен и включает контактирующие пары, в употреблении которых не наблюдается ни установившейся закономерности, ни регулярного повторения тех же единиц, как это имеет место в истинно составном предлоге.

Даже в наиболее регулярно повторяющейся структуре «*from* + предлог места» только первый элемент постоянен, а второй не обладает этим свойством и характеризуется исключительно только постоянством подкласса *from under, from below, from beneath, from before, from behind* и т. п. Иными словами, предложное сочетание не представляет собой устойчивой структуры, так как в нем отсутствует унификация составляющих.²⁴

Переменность второго элемента предложного бинома, как показывает материал, обусловлена требованиями контекста, т. е. необходимостью изменить значение, передаваемое предложной группой. Так, например, сочетание *from under, from below, from beneath* передает иное значение, чем, скажем, *from behind* или *from before*.

Как известно, предлог *from* в своем пространственном значении служит указателем на движение от какого-то объекта, тогда как лексические единицы *under* и *below* передают пространственно нелинейные отношения, а отношения разных плоскостей с указанием на более низкий уровень пространственного расположения, чем точка отсчета. Это лексическое значение указанных словесных форм ощущается особенно ясно, когда *below* и *under* фигурируют в тексте как наречия: *go below!; the court below*,²⁵ and he's feeling his age, I hear. You, Lettie, may yet see him under. We may both see him under (M. Sp., *Momento*, 102). Это же значение различия в расположении на пространственных плоскостях прослеживается у омонимичных лексических единиц, используемых как предлоги: *The flat*

hopeless voice might really have come *from beneath* the heavy
graveyard slab (Gr. Gr., Fear, 62).

Для сохранения того же смыслового содержания предлог *beneath* допускает замену на один из элементов синонимичного ряда, как-то: *below* или *under*, но, например, предлог *before* в данной ситуации не допустим, ибо передаваемое им значение не соответствует лексическому смыслу переменной единицы бинома — *beneath*, *below*, *under*.²⁶ Аналогично и в следующем случае: *I slid my hand from under his* (M. St., Madam, 150). Не менее специфичны лексические значения переменных единиц предложного бинома с постоянной составляющей *from* и в следующих примерах: *You cannot stir from before the ominous door* (Gr. Gr. Fear, 60); *The best retorts always come from beyond the grave* (Dur., Balt, 17); *From behind the closed door of Sir H's study came the murmur of voices* (A. Ch., Hollow, 76).

Как видно из приведенного материала, предлог *from* характеризует общую направленность действия прочь от какого-то объекта, который можно условно назвать «объектом-ориентиром», тогда как переменная составляющая используется для уточнения направленности действия по отношению к плоскости поверхности объекта-ориентира. Совершенно естественно, что как первый, так и второй предлог характеризуют направление действия не только по отношению объекта-ориентира, но и с учетом пространственного расположения субъекта действия. Таким образом, первый предлог связывает левый элемент с правой синтаксической группой, выраженной предложным со-

четанием: *come from [beneath the slab]*, а второй — ограничен односторонней связью с именем существительным, расположенным справа от него: *beneath the slab*.

Предлог *from* не является единственным предлогом, способным «управлять» предложными группами, и подобные структуры наблюдаются не только для передачи пространственных отношений, но и для других, в частности для темно-

ральных. Например: *I'll keep it for after tea* (M. Sp., Momento, 27); *You must save that until after dinner* (Pr. Country, 2), *that younger Miss Brodie belonged to the prehistory of before their birth* (M. Sp., Prime, 65).

Как видно из приведенных примеров, в темпоральных предложных биномах второй предлог также не несет связующей функции, а употреблен исключительно для передачи опреде-

лённого лексического значения. Связи второго предлога тоже унилатеральны.

Унилатеральное использование предлогов характеризует не только предлоги со значением места и времени, но наблюдается и в иных случаях: *What the devil's that? Abdel-Kader — head of* (Dir., Balt., 70). Здесь предлог *of* по передаваемому значению равнозначен притяжательному местоимению *his*, так как указывает на принадлежность предмета, обозначенного словом *head*, ранее названному лицу. Несмотря на значительную абстрактность передаваемого значения, именно определенное лексическое содержание, заключенное в предлоге *of*, допускает его дистантное положение по отношению к тому элементу, принадлежность которому сигнифицирует предлог *of*.

Излишне доказывать, что аналогичное дистантное расположение чисто морфологических показателей синтаксических отношений, как, например, формы *'s*, недопустимо.

Унилатеральное функционирование предлога *of* наблюдается и в следующих случаях:

...if he's really working? or just brooding and remembering. It's awful to think of (I. M., Nice, 47); And when I said the Bath, I meant the order of, not the bathroom (Pr. Country, 62). Если при предложных биномах унилатеральные связи второго предлога могут считаться в известной мере спорными, так как существует возможность рассматривать контактирующую предложную пару как составной предлог, то в некоторых структурах унилатеральная предложная связь гораздо более ярко выражена. В ряде моделей связующая функция предлога исключена и его появление в тексте обусловлено чисто смысловыми требованиями.

Из всех синтаксических позиций наиболее показательной в этом отношении является позиция подлежащего. Как известно, особенность этой синтаксической позиции заключается в том, что она целиком соотнесена со сказуемым, и отдельные элементы, заполняющие эту позицию, не могут устанавливать самостоятельные синтаксические связи с отдельными элементами сказуемого. Например: *In England is where I met him.*²⁷ Хотя Н. Хомский приводит этот пример для совершенства иных целей, использование предложной группы в функции подлежащего демонстрирует унилатеральное употребление предлога внутри группы подлежащего. Связь предлога *in* с именем *England* необходима для возникновения в группе требующегося содержания. В том виде, как это предложение представлено, связь предлога *in* с глаголом *meet* существует только в плане глубинной грамматики (deep grammar) или вернее в плане «семантической функции», по определению Н. Хомского.²⁸ Правда, при рассмотрении грамматических отношений Н. Хомский подчеркивает, что, определяя грамматические свя-

зи глубинной структуры, мы тем самым определяем семантическую интерпретацию предложения.²⁹ Аналогично и в других синтаксических позициях: It's the boredom I object to (A. Ch., Case, 25).

Унилатеральные связи предлога наглядно проявляются при употреблении предложных групп в качестве заглавий. Имплицитное присутствие второго элемента в подобных случаях, упоминаемое Б. А. Ильишом,³⁰ касается смысловой связи заглавия с последующим текстом и, таким образом; относится к глубинной грамматике. Например, заглавия романов: *On the Beach*, *To the Lighthouse*; газетные заголовки: *Under Treaty*, *Before Election*. Попытка убрать предлог из приведенных примеров во всех случаях изменяет значение заглавия: *the Beach*, *the Lighthouse*, *Treaty*, *Election*.

Унилатеральные предложные связи также проявляются более определенно в тех случаях, когда предложная группа используется как односоставное предложение: *Pretty girl*, *beautiful, in fact—rather a silly face*. *On the stage. Repertory companies or some nonsense like that* (A. Ch., Funeral., 12). Синтаксическая интерпретация предложной группы в приведенном отрезке как неполного предложения была бы неоправданной, ибо структура всего высказывания построена на последовательном назывании односоставных предложений.

Возможность унилатерального употребления предлога для передачи определенного лексического значения привела к образованию особого типа сложных слов, состоящих из комбинаций существительного с предлогом, глагола с предлогом и т. п. Участие предлога в словообразовательной структуре³¹ обусловлено чисто семантическими причинами, как следует из нижеприводимых примеров: *The extension to surface structures of such functional notions as Subject-of is not an entirely straightforward matter*.³² Если попытаться опустить предлог из состава существительного — such functional notions as *Subject* is not an entirely, то значение рассматриваемой лексической единицы существенным образом изменится.

Аналогично в глагольных и других образованиях: *I couldn't by-pass that* (M. St., Nine, 151); ...as *un-get-at-able* as N. V. (Ibid., 35).

Третий из приведенных примеров *un-get-at-able*, пожалуй, можно считать более показательным, чем *Subject-of* и *by-pass*, так как отрицательный префикс *un-* и словообразовательный суффикс *-able*, сигнализирующие о принадлежности данной лексической единицы к классу имен прилагательных, оформляют ту часть слова, которая является передатчиком собственно лексического значения, т. е. понятийной отнесенности. Включение предлога именно в эту часть словообразовательной структуры свидетельствует о его лексической наполненности.

Унилатеральность связей предлога в структурах подобного типа самоочевидна.

Вопрос о том, являются ли рассмотренные образования сложными словами или нет, для данной статьи не существен. Весьма возможно, что отнесение приведенных дефисных групп к категории сложных слов может показаться спорным. Однако если считать, что «семантическое единство слова ... обязательно для всякого слова и представляется основой цельности и самостоятельности формальной»³³ и что «минимум формальной самостоятельности слова дает ... критерий потенциальной выделяемости, т. е. отдельности и цельности слова»³⁴, то приведенные структуры можно считать отдельными словами.

Лексическая самостоятельность предлога как семантически наполненной единицы также проявляется в возможности его позиционного отрыва от одного из связуемых им элементов. Дистантное употребление предлога особенно характерно при использовании предложных сочетаний в позиции атрибутов: *He could not have too much to live on* (A. Ch. Funeral, 12). Примечательно, что второй соотнесенный с предлогом элемент выступает в качестве антецедента и поэтому также предшествует предлогу.

Дистантная предложная связь характеризует не только атрибутивные группы, но регулярно наблюдается у обстоятельственных сочетаний и несколько реже у объектных: *On the morning of the 27th a sgu arose from No Man's Land* (R. Gr, Good-bye, 137). *After tea I went to look for Mrs. S.* (M. St., Nine, 138).

Таким образом, даже причисление предлогов к служебным словам не может лишить их собственного лексического значения, так как каждому слову в отличие от морфемы всегда присуще известное лексическое содержание.³⁵

Аналогично связочным глаголам, которые параллельно со связочной функцией выполняют смысловую нагрузку,³⁶ предлоги используются не только как средство связи, но и как семантически наполненные элементы.

Независимо от билатеральной или унилатеральной направленности предложных связей интересной особенностью лексического значения предлогов является их свойство раскрывать свое семантическое содержание с помощью какого-либо одного элемента контекста, расположенного либо справа, либо слева.

Иными словами, лексическое значение предлога идентифицируется с помощью контекста, «указательный минимум которого представлен одним ключевым словом, т. е. с помощью контекста 1-й степени».³⁷ Ключевое слово или, пользуясь более кратким аналогом этого термина, «индикатор»³⁸ в зависимости от местоположения может быть квалифицирован либо как «правый», либо как «левый». Примечательно, что в ряде случаев индикатор необходим не для раскрытия лексического значения предлога, а для сигнализации отсутствия его кон-

крайне-определенной понятийной соотнесенности. Эти свойства предлогов позволяют их разбить на следующие группы: 1) предлоги, способные проявлять свое лексическое содержание с помощью индикаторов, и 2) предлоги, нуждающиеся в индикаторе для сигнализации отсутствия конкретно-определенного лексического значения. Первая группа предлогов распадается на три подгруппы:

а) предлоги, раскрывающие свое лексическое значение с помощью правого индикатора, б) предлоги, раскрывающие свое лексическое значение с помощью левого индикатора, и в) предлоги, способные проявить свое лексическое значение как при правом, так и при левом индикаторе.

Основную массу предлогов группы (а) составляют локальные и темпоральные предлоги, как-то: *on the table, in the country, under the bridge, at the window* или *on Sunday, at noon*. Предлоги группы (б) также характеризуются одним из указанных значений, но локальное содержание обычно предполагает некоторую динамичность, что обеспечивается левым глагольным индикатором: *to (into) / out of — go, move, run, walk; from — come, drop, jump, walk*. Группа (в) может быть проиллюстрирована хотя бы предлогом *with*, который одинаково хорошо проявляет свое лексическое содержание как при правом, так и при левом индикаторе: *eat with; with a fork*. Вторая группа предлогов, нуждающаяся в индикаторе для сигнализации отсутствия конкретно-определенного лексического значения, характеризуется преимущественно левым расположением индикатора: *crave for; dream of/about, rely on, object to*. В тех случаях, когда левый индикатор выражен глаголом, его значение редко соответствует конкретно-физическому действию. Обычно это глаголы, передающие психические процессы. Кроме глаголов, в качестве левого индикатора предлогов второй группы могут выступать имена прилагательные и существительные: *deficient in, reasons for*.

Обычно при классификациях не все рассматриваемые элементы одинаково хорошо укладываются в предназначенные для них разряды, и, как правило, часть фактического материала проявляет свойства, не присущие основной массе исследуемых единиц, и остается за пределами построенной схемы. К таким изолированным единицам с индивидуальными свойствами, отличающими их от других слов того же класса, относятся те немногочисленные предлоги, которые способны проявить свое лексическое значение самостоятельно, вне каких-либо индикаторов. В первую очередь следует назвать предлог *during*, обладающий способностью раскрывать свою семантическую сущность без помощи контекста.

Кроме *during*, который для современного языкового сознания уже потерял свою генетическую связь с причастием I, к этой же группе предлогов следует отнести единицы, чье вер-

бальное происхождение продолжает ощущаться и в настоящее время: concerning, considering, regarding.

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует еще раз подчеркнуть, что предлоги не представляют собой лексически пустых единиц и что наряду со своей связующей функцией обладают самостоятельным семантическим содержанием. Существование предлогов с неуловимым лексическим значением не опровергает сказанного, а скорее свидетельствует о нашем неумении выделять абстрактную понятийную соотнесенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre—Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1936, Nr 6, S. 244, 252, 253; В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, № 5, стр. 12; Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. ВЯ, 1955, № 3, стр. 73—81; Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Изд. ЛГУ, 1963, стр. 20, 27 и др.; Ю. Д. Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, стр. 102—149; B. Russel. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1951; C. Ogden & I. Richards. The Meaning of Meaning. N. Y., 1927; Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959; Б. В. Бирюков. О взглядах Г. Фреге на роль знаков и исчисления в познании. В сб.: Логическая структура научного знания. М., 1965, стр. 91—109; Е. Д. Смирнова и П. В. Таванец. Семантика в логике. В сб.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967, стр. 3—48; Д. П. Горский. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания. В сб.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967, стр. 54—82; Н. Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. МГУ, 1969.

² Е. Д. Смирнова и П. В. Таванец. Семантика в логике, стр. 36.

³ Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 21.

⁴ Е. Д. Смирнова и П. В. Таванец. Семантика в логике, стр. 5.

⁵ В. В. Иванов. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива. В сб.: Логическая структура научного знания. М., 1965, стр. 25.

⁶ М. И. Стеблин-Каменский. О предлоге и предложном словосочетании (на материале норвежского языка). Тр. Ин-та языкоznания АН СССР, т. IX, 1959, стр. 237—256.

⁷ Там же.

⁸ Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 170.

⁹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. Изд. 3. М., 1912, стр. 206.

¹⁰ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова.

¹¹ Е. В. Кротевич. Слово, часть речи, член предложения (к вопросу об их соотношении). Изд. Львовского ун-та, 1960, стр. 6.

¹² А. И. Смирновский. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 362.

¹³ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 194—195.

¹⁴ Б. А. Ильин. Значение предлогов в современном английском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 157, 1958, стр. 3—13; B. Illyish. The Structure of Modern English. M.—L., 1965, р. 155.

¹⁵ Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 32.

¹⁶ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. В сб.: Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960, стр. 303—304.

¹⁷ B. Illyish. The Structure of Modern English, 159.

18 Там же.

19 Термин «бином» заимствован у В. Н. Ярцевой, хотя и используется в данной работе несколько шире.— См.: В. Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

20 В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык, стр. 194.

21 См., например, анализ становления аналитических форм глагола в работе: В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М., 1960. стр. 119—129.

22 The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1956, p. 844.

23 А. Д. Швейцер. Очерк современного английского языка в США, 1963, стр. 136.

24 Именно этим характеризуется морфологизация сложных форм.— См.: В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка, стр. 123—124.

25 Пример заимствован из словаря The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1956, p. 108.

26 Следует отметить, что утверждение о синонимичности трех перечисленных предлогов касается только рассматриваемого сочетания.

27 Пример цит. по: N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax. N. Y., 1965, p. 220.

28 Н. Хомский утверждает, что, помимо грамматического подлежащего, которое относится к *surface structure*, и логического субъекта, который принадлежит к *deep structure*, существует еще более абстрактное понятие «семантическая функция», которое пока еще не определено (*still unexplained*).— N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax, p. 163.

29 Там же, стр. 99.

30 B. Ilyish. The Structure of Modern English, pp. 158—159.

31 Термин «словообразовательная структура» заимствован у И. П. Ивановой.— См.: И. П. Иванова. Основные функциональные типы сложных существительных в английском языке. Сб. Доклады республиканской конференции по вопросам германской, романской и классической филологии. Вильнюс, 1968, стр. 22.

32 Пример цит. по: N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax, p. 220.

33 В. М. Жирмунский. О границах слова. В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, стр. 7.

34 Там же, стр. 8.

35 Там же.

36 В. Н. Ярцева. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961, стр. 293, прим. 41.

37 Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, стр. 37.

38 Н. Н. Амосова. Английская контекстология. Л., 1968, стр. 35.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. Ch., Case — Agatha Christie. The Case of the Discontented Soldier, in Parker Pyne Investigates. London.
A. Ch., Funeral — Agatha Christie. After the Funeral. London, 1959.
A. Ch. Hollow — Agatha Christie. The Hollow. London, 1955.
Dur., Balt — Lawrence Durrell Balthazar. London, 1958.
Gr. Gr., Fear — Graham Greene The Ministry of Fear. London, 1965.
R. Gr., Goodbye — Robert Graves. Goodbye to All That. London, 1965.
I. M., Nice — Iris Murdoch The Nice and the Good. London, 1967.
M. Sp., Memento — Muriel Spark. Memento Mori. London, 1965.
M. Sp., Prime — Muriel Spark. The Prime of Miss Jean Brodie. N. Y., 1966.

M. St., Madam — Mary Stewart. Madam, will you talk? London, 1965.

M. St., Nine — Mary Stewart. Nine Coaches Waiting. London, 1962.

Pr., Country — J. B. Priestley. It's an Old Country. London, 1967.

Summary

The present paper contains an attempt at treating prepositions not only as elements used for joining words together, but also as elements that have their own lexical meaning.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. П. Иванова.</i> О нулевой морфеме в флексивных и аналитических языках	3
<i>И. А. Потапова.</i> К вопросу о суффиксе как структурной единице в английском языке	8
<i>Т. М. Беляева.</i> К вопросу о конверсальных возможностях префиксов в английском языке	14
<i>Н. В. Гусарова.</i> Фонемный состав сложных слов, подвергшихся опрощению (на материале английского языка)	20
<i>М. А. Кащеева.</i> Распределение звонкости-глухости в английских глаголах	25
<i>М. А. Кащеева.</i> О механизме фонологической сигнализации	29
<i>С. В. Воронин.</i> Словообразование и ономатопея	36
<i>С. В. Воронин.</i> Звукоизображение щелкающих и дентальных артикуляций и некоторые акустические ономатопеи	42
<i>О. В. Гугелева.</i> Сравнительный анализ древнеанглийских интервокальных консонантных групп и консонантных сочетаний исхода односложного слова	53
<i>Н. А. Штейнберг.</i> К проблеме глагольной префиксации в древнеанглийском языке	59
<i>Л. Л. Иофик.</i> Из истории английской грамматики (очерки)	65
<i>В. В. Бурлакова.</i> К проблеме факультативной и обязательной сочленяемости	79
<i>В. В. Бурлакова.</i> Соотношение словосочетания и предложения	87
<i>Н. В. Варгина.</i> К вопросу о месте слова-заместителя <i>one</i> в системе частей речи английского языка	95
<i>Н. В. Варгина.</i> К вопросу о причинах употребления слова-заместителя <i>one</i> в атрибутивных словосочетаниях	101
<i>О. И. Бродович.</i> Критерии ограничения вторично-предикативных синтагм с идличными формами глагола от омоинимичных или атрибутивных синтагм	108
<i>Д. П. Новиков.</i> Характеристика элементов объектно-предикативного сочетания (на материале древнеанглийского языка)	114
<i>Б. Е. Зернов.</i> О местоимении второго лица в структуре императивного предложения древнеанглийского языка	122
<i>Б. Е. Зернов.</i> О синтаксической иерархии слов в императивном предложении (на материале современного английского языка)	128
	189

<i>О. Д. Попова. Некоторые общие элементы возвратных и безличных конструкций в среднеанглийском языке</i>	133
<i>Л. А. Никольская. О контекстных условиях реализации лексического значения (на материале прилагательных <i>hot</i> и <i>cold</i> в современном английском языке)</i>	137
[Н. Н. Амосова]. Контекстуальные функции служебных слов	146
<i>С. С. Маслова-Лашанская. К вопросу о темпоральных значениях предлогов (на материале шведского языка)</i>	165
<i>В. В. Бурлакова. К вопросу о лексическом значении предлога</i>	177

CONTENTS

	Pp.
<i>I. P. Ivanova.</i> On Zero-Morpheme in Inflectional and Analytic Languages	3
<i>I. A. Potapova.</i> The Suffix as a Structural Element in English	8
<i>T. M. Beliaeva.</i> On the Conversive Force of Suffixes in English	14
<i>N. V. Gusarova.</i> The Phonemic Structure of Obscured Compounds in English	20
<i>M. A. Kashcheyeva.</i> Distribution of Voice in Verbal Initials and Finals in English	25
<i>M. A. Kashcheyeva.</i> On the Mechanism of Phonological Signalization	29
<i>S. V. Voronin.</i> Word-Formation and Onomatopoeia	36
<i>S. V. Voronin.</i> Click and Dental Articulation Echoisms and Some Acoustic Onomatopes	42
<i>O. V. Gugeleva.</i> Old English Intervocalic Consonant Groups and Final Consonant Clusters in Old English	53
<i>N. A. Steinberg.</i> On Verbal Prefixation in Old English	59
<i>L. L. Iofik.</i> Essays on the History of English Grammars	65
<i>V. V. Burlakova.</i> On Non-omissible Elements	79
<i>V. V. Burlakova.</i> Phrase V. S. Sentence	87
<i>N. N. Vargina.</i> On the Morphological Status of the Prop-Word <i>one</i> in English	95
<i>N. V. Vargina.</i> Why is the Prop-Word <i>one</i> used in the English Attributive Phrase?	101
<i>O. I. Brodovitch.</i> Criteria for Distinguishing between Constructions with Predicative Non-Finite Forms and Homonymic Attributive Phrases	108
<i>D. P. Novikov.</i> On the Old English "Object — Objective Complement" Construction	114
<i>B. E. Zernoff.</i> The Occurrence of the Second Person Pronoun in the Old English Imperative Sentence	122
<i>B. E. Zernoff.</i> On the Relations of Syntactical Hierarchy between Words in the Imperative Sentence in Modern English	128
<i>O. D. Popova.</i> On some Common Elements of the Impersonal and Reflective Constructions in Middle English	133
<i>L. A. Nikolskaya.</i> On Linguistic Contexts of the Lexical Meaning	137
<i>N. N. Amosova.</i> Contextual Functions of Form Words	146
<i>S. S. Maslova-Lacshanskaya.</i> On the Temporal Meaning of Prepositions in Swedish	165
<i>V. V. Burlakova.</i> To the problem of Lexical Meaning in Prepositions	177